

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2024. Том 77

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2024. № 77

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarchy of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2024. Nr. 77

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodoľ

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: str. Miorita, 1C, ap. 83, Chisinau, MD 2028, Moldova,

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2024

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

История

<i>Карнаухов Д.В.</i> Этнономинации и хоронимия славянского мира в польской хронографии эпохи Возрождения	15
<i>Спесивцева В.А.</i> Свидетельства о славянских странах и народах в «Истории польского народа» Адама Нарушевича	32
<i>Медведев К.М.</i> Понятия «уния» и «схизма» в творчестве православных авторов Речи Посполитой	52
<i>Чупрына Ю.А.</i> Отражение исторической памяти о Древней Руси в старопечатных московских и киевских Минеях первой трети XVII в.	66
<i>Зиновьев В.П., Суляк С.Г.</i> Русины Подляшья по данным переписи 1897 г.	85
<i>Склярченко Н.С., Некрылов С.А.</i> Освещение вопроса помощи слепым в епархиальной периодике Юго-Западного края Российской империи в 1862–1914 гг.	95
<i>Стогов Д.И.</i> Русские монархисты начала XX в. о русинах Восточной Галиции	113
<i>Суляк С.Г.</i> Подвиг полкового священника-русина.....	128
<i>Чемакин А.А.</i> Генерал Я.А. Слащёв и миссия полковника Я.Д. Ноги в Галичину (апрель–август 1920 г.)	141
<i>Суслов А.Ю.</i> Идеология панславизма в восприятии российской эмиграции первой волны (1920–1930-е гг.)	167

Федосов Е.А.

Чехословацкие события 1968 г.: некоторые аспекты визуализации и массового восприятия в СССР	181
--	------------

Социология и политология

Раитина М.Ю., Покровская Е.М., Зиновьева В.И., Берсенев М.В.

Динамика этнической идентичности студентов на примере Большого университета г. Томска	198
--	------------

Дунбинский И.А., Кашпур В.В., Хрущева П.Д.

Ценностные ориентации: сравнительный анализ исследований студентов славянских стран	216
--	------------

Некролог

Памяти Наталии Гаттас	233
------------------------------------	------------

CONTENT

Editorial.....	9
-----------------------	----------

History

<i>Karnaukhov D.V.</i> Ethnonyms and choronyms of the Slavic world in the Polish chronography of the Renaissance	15
<i>Spesivtceva V.A.</i> Evidence of Slavic countries and peoples in <i>History of the Polish Nation</i> by Adam Naruszewicz	32
<i>Medvedev K.M.</i> The concepts “unia” and “schizma” in the works of Orthodox authors in the Polish-Lithuanian Commonwealth	52
<i>Chupryna Y.A.</i> Historical memory of Old Rus in the early printed Moscow and Kyiv <i>Menaions</i> of the first third of the 17th century	66
<i>Zinoviev V.P., Sulyak S.G.</i> Rusins of Podlasie according to the 1897census	85
<i>Sklyarenko N.S., Nekrylov S.A.</i> Coverage of the assistance to the blind in the diocesan periodicals of the South-Western region of the Russian Empire in 1862–1914	95
<i>Stogov D.I.</i> Russian monarchists of the early 20th century about the Rusins of Eastern Galicia	113
<i>Sulyak S.G.</i> The feat of the regimental Rusin priest	128
<i>Chemakin A.A.</i> General Yakov A. Slashchov and Colonel Yaroslav D. Noga’s mission to Galicia (April – August 1920)	141
<i>Suslov A.Y.</i> The ideology of Pan-Slavism as perceived by the first wave of Russian émigré (1920–1930s)	167

Fedosov E.A.

**The events in Czechoslovakian in 1968:
Some aspects of visualization and mass perception in the USSR 181**

Sociology and Political Science

Raitina M.Y., Pokrovskaya E.M., Zinoviyeva V.I., Bersenev M.V.

**The dynamics of students' ethnic identity (a case study of the Big Tomsk
University) 198**

Dunbinsky I.A., Kashpur V.V., Khrushcheva P.D.

**Value orientations: a comparative analysis of studies of students from Slavic
countries 216**

Obituary

In memory of Natalia Gattas 233

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

10–11 октября 2024 г. в Томском государственном университете состоялась восьмая конференция с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов». Она организуется редакцией международного исторического журнала «Русин» и факультетом исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. Результаты работы конференции в виде статей публикуются в журналах «Русин», «Вестник Томского государственного университета. История», «Вестник Томского государственного университета».

В конференции участвовали в качестве докладчиков, участников дискуссий и слушателей около 50 человек. Они представляли 11 регионов России и ближнего зарубежья, а также 20 учебных и научных учреждений – Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томский университет систем управления и радиоэлектроники, Сибирский государственный медицинский университет (Томск), Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный технический университет, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Всероссийскую академию внешней торговли (Москва), Институт российской истории РАН (Москва), Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва), Институт Европы РАН (Москва), Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Самарский государственный социально-педагогический университет, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Волгоградский государственный университет, Северо-Кавказский Федеральный университет (Ставрополь), Уральский государственный университет путей сообщения (Екатеринбург), Национальный архив Республики Казахстан (Астана), Тараклийский государственный университет (Молдавия). В составе участников конференции были 13 докторов, 23 кандидата наук, научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, магистрант и студент, они – историки, социологи, специалисты по социальной работе, политологи, философы, филологи.

С приветственным словом к присутствующим обратились инициаторы и организаторы этого постоянно растущего форума профессор

В.П. Зиновьев (Томск, Россия) и профессор С.Г. Суляк (Тараклийский университет, Молдавия). Они рассказали об истории возникновения, опыте проведения конференции, отметили ее роль в продвижении изучения славянской и в частности русинской тематики в отечественной науке, а также пожелали участникам продуктивной работы. Заседание продолжилось пленарными докладами С.Г. Суляка о военных подвигах священника-русина А.Г.Тарноруцкого, добровольца Первой мировой войны, и профессора В.А. Есиповой (ТГУ), которая рассказала об обнаруженном в фонде Научной библиотеки ТГУ издании с автографами И.П. Менделеева, отца великого русского химика, что уточняет некоторые ранее неизвестные детали истории его семьи.

Значительная часть докладов касалась различных аспектов русинской истории. Это, кроме докладов С.Г. Суляка о священниках-русинах, доклады В.П. Зиновьева и соискателя ТГУ Ю.В. Семенова об этническом составе населения Люблинской губернии, доцента Северо-Кавказского университета (Ставрополь) А.Н. Птицына о службе русинов на Кавказе, доцента Д.И. Стогова из Санкт-Петербургского электротехнического университета о взглядах русских монархистов на будущее русинов, аспирантки Санкт-Петербургского государственного университета Е.О. Ковалевой об освещении положения Галиции в прессе Вольни. Три доклада были посвящены участию русинов в Гражданской войне – профессора ТГУ Д.Н. Шевелева и старший преподаватель К.А. Конева о карпаторуссах в Сибири, доцента Санкт-Петербургского государственного университета А.А. Чемакина о миссии генерала Я.А. Слащёва и полковника Я.Д. Ноги в Галичину в 1920 г. В докладе сотрудников Научной библиотеки ТГУ Е.В. Ивановской и А.А. Андреевой сообщалось о составе библиотеки профессора-слависта П.А. Кулаковского, в частности о русинском журнале «Славянский век».

Истории, источниковедению и историографии славян Европы с древности по XX в. посвятили свои доклады профессор Д.В. Карнаухов, доцент В.А. Спесивцева (Новосибирский государственный педагогический университет); аспирантка Ю.А. Чупрына, лаборант-исследователь К.М. Медведев (Санкт-Петербургский государственный университет); доцент А.А. Вологдин (ВАВТ Минэкономразвития России); профессор А.Н. Кошечко (Сибирский государственный медицинский университет); профессор О.А. Чернов (Самарский государственный социально-педагогический университет); научный сотрудник Национального архива Республики Казахстан И.Р. Прохоров; студент МГУ А.П. Нигамедзянов; доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники А.Л. Афанасьев; доцент Омского государственного университета А.С. Лизогуб; независимый

исследователь, д-р ист. наук Д.В. Воронин (Томск); профессор С.А. Некрылов, старший преподаватель А.О. Степнов, старший преподаватель Е.А. Федосов магистрант Н.С. Скляренко (Томский государственный университет); независимый исследователь М.К. Бисенгалиев (Москва); доцент Уральского государственного университета путей сообщения Д.С. Боровков.

Ряд докладов был посвящен анализу современных тенденций в политике, системе образования славянских стран, динамике этнической памяти и идентичности населения. Таковы доклады д-ра филос. наук М.Ю. Раитиной, канд. филос. наук Е.М. Покровской. Динамике этнической идентичности студентов Большого университета Томска был посвящён доклад канд. ист. наук В.И. Зиновьевой (Томский университет систем управления и радиоэлектроники). О ценности знания в славянском мире на примере активности студентов ТГУ в сети «ВКонтакте» говорили канд. ист. наук И.А. Дунбинский, канд. социол. наук В.В. Кашпур, старший лаборант М.Е. Легостаева (Томский государственный университет); о сравнительной динамике славянской идентичности в Сербии и Хорватии – канд. полит. наук, научный сотрудник ИМЭМО РАН Т.И. Поладьева.

Участию славян и славянских государств в современных международных связях посвящены доклады доцентов ТГУ А.М. Погорельской и С.М. Юна (экспорт белорусского образования в Центральную Азию), ведущего научного сотрудника Института Европы РАН М.В. Ведерникова (отношения между странами Вышнеградской группы в связи с событиями на Украине), профессора ТГУ Е.В. Хахалкиной (украинские мигранты в Великобритании).

Расширение круга участников и тематики докладов показывает рост интереса к славянским и в частности к русинским исследованиям в гуманитарных науках России.

В.П. Зиновьев,
доктор исторических наук, профессор кафедры российской
истории факультета исторических и политических наук
Томского государственного университета;

С.Г. Суляк,
главный редактор

Dear members of the Editorial Board, authors, and readers!

On October 10–11, 2024, the Faculty of Historical and Political Sciences of National Research Tomsk State University and the Editorial Board of the *Rusin International Historical Journal* held the Eighth Conference “The Slavic World: Responding to New Challenges” with international participation. The articles based on the conference reports are published in *Rusin, Tomsk State University Journal*, and *Tomsk State University Journal of History*.

The conference presenters, speakers, and guests from 11 regions of Russia and neighboring countries represented 20 educational and academic institutions, including National Research Tomsk State University, Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics, Siberian State Medical University (Tomsk), Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State Technical University, Dostoevsky Omsk State University (OmSU), Lomonosov Moscow State University, Russian Foreign Trade Academy (Moscow), Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow), St. Petersburg State University, St. Petersburg Electrotechnical University “LETI”, Samara State Social-Pedagogical University, Kazan National Research Technological University, Volgograd State University, North Caucasus Federal University (Stavropol), Ural State Transport University (Ekaterinburg), National Archives of the Republic of Kazakhstan (Astana), and Taraclia State University (Moldova).

Totally, there were 50 presenters, including 13 doctors, 10 candidates, researchers, educators, graduate and undergraduate students, specializing in history, sociology, social work, politology, philosophy, and philology.

In their keynote address, professors Vasily Zinoviev (Tomsk, Russia) and Sergey Sulyak (University of Taraclia, Moldova) spoke about the history of this growing forum and emphasized its role in promoting the study of Slavic and, in particular, Rusin topics in Russian scholarship. They wished the participants of the Conference fruitful work. In his plenary report, Sulyak focused on the military exploits of the Rusin priest Aleksandr Tarnorutsky, a volunteer of the First World War. Valeriya Esipova (professor, TSU) spoke about a publication, found in the collection of the TSU Research Library, with the autographs of Ivan Mendeleev, the father of the great Russian chemist, which clarifies some previously unknown details of the Mendeleevs’ family.

Most of the section presentations related to various aspects of

Rusin history. Vasily Zinoviev and Juriy Semenov reported on the ethnic composition of the population in Lublin province. Andrey Ptitsyn (associate professor, North Caucasian University) focused on the service of Rusins in the Caucasus. Dmitrii I. Stogov (associate professor, St. Petersburg Electrotechnical University) discussed the views of Russian monarchists on the future of Rusins. Elizaveta Kovaleva (postgraduate student, St. Petersburg State University) spoke about the coverage of the situation in Galicia in the Volhynian periodicals. Three presentations focused on the participation of Rusins in the Civil War: Dmitrii Shevelev (professor, TSU) and Kirill Konev (senior lecturer, TSU) spoke about the Carpathian Rusins in Siberia; Anton Chemakin (associate professor, St. Petersburg State University) – about the mission of General Yakov A. Slashchev and Colonel Yaroslav D. Noga to Galicia in 1920. Ekaterina Ivanovskaya and Aleksandra Andreeva (librarians, TSU Research Library) discussed the composition of Slavic professor Platon Kulakovsky's book collection and, in particular, the Rusin journal "Slavic Age". The problems of the history, source studies, and historiography of the European Slavs from Old Age to the 20th century were raised in the presentations of Dmitriy Karnaukhov (professor, Novosibirsk State Pedagogical University), Vera Spesivtceva (associate professor, Novosibirsk State Pedagogical University), Yulia Chupryna (postgraduate student, St. Petersburg State University), Kirill Medvedev (laboratory assistant-researcher, St. Petersburg State University), Aleksandr Vologdin (associate professor, Moscow Academy of Foreign Trade), Anastasiia Koshechko (professor, Siberian State Medical University), Oleg Chernov (professor, Samara State Social and Pedagogical University), Igor Prokhorov (research fellow, National Archives of the Republic of Kazakhstan), Nikita Sklyarenko (graduate student, TSU), Artem Nigametzyanov (student, MSU), Aleksandr Afanasyev (associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics), Anna Lizogub (associate professor, OmSU), Dmitriy Voronin (independent researcher, Dr. of History, Tomsk), Sergey Nekrylov (professor, TSU), Alexsei Stepnov (senior lecturer, TSU), Marat Bisengaliev (independent researcher, Moscow), Egor Fedosov (senior lecturer, TSU), Dmitriy Borovkov (associate professor, Ural State University of Railway Transport).

A number of presenters analyzed contemporary trends in politics and education in Slavic countries, dynamics of ethnic memory, and identity of the population. Among them were Margarita Raitina (Doctor of Philosophy), Elena Pokrovskaya (Candidate of Philosophy) and Valentina Zinovieva (Candidate of History) from Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics, who focused on the dynamics of ethnic identity of Tomsk Big University students; Ilya Dunbinsky

(Candidate of History, TSU), Vitaliy Kashpur (Candidate of Sociology, TSU) and Maria Legostaeva (senior laboratory assistant, TSU), who studied the value of knowledge in the Slavic world using the example of TSU students' activity on the VKontakte network; Tatyana Poladieva (Candidate of Politology, research fellow of IMEMO RAS), who discussed the comparative dynamics of Slavic identity in Serbia and Croatia.

The participation of Slavs and Slavic states in contemporary international relations was the subject of the presentations about export of Belarusian education to Central Asia by Anastasiia Pogorelskaya (associate professor, TSU) and Sergey Yun (associate professor, TSU), about relations between the countries of the Visegrád Group in connection with the events in Ukraine by Mikhail Vedernikov (leading researcher, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences), and about Ukrainian migrants in Great Britain by Elena Khakhalkina (professor, TSU).

The expanded circle of presenters and a wider range of topics discussed shows the growing interest in Slavic and, in particular, Rusin studies in Russian Humanities.

**Vasily Zinoviev,
Doctor of History,
professor of the Department of Russian History,
Faculty of Historical and Political Sciences
Tomsk State University;**

**Sergey Sulyak,
Chief Editor**

УДК 930(438)+94(092)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/2

Этнономинации и хоронимия славянского мира в польской хронографии эпохи Возрождения

Д.В. Карнаухов^{1,2}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет
Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

² Новосибирский государственный технический университет
Россия, 630073, г. Новосибирск, проспект Карла Маркса, 20

E-mail: dvkarn@mail.ru

Авторское резюме

Рассматриваются особенности номинаций славян в целом, а также отдельных славянских этносов и территорий в трудах польских историков конца XV–XVI вв. В это время польская традиция исторических представлений развивалась под влиянием европейской гуманистической учёной мысли, проявившемся в том числе в заимствовании этнической и географической терминологии. Интерес для исследователя представляет сравнение разновидностей наименований славянских народов и территорий, представленных в трудах польских авторов, написанных на латыни (сочинения Яна Длугоша, Матвея Меховского, Мартина Кромера) и на польском языке (сочинения Марчина Бельского и Мачея Стрыйковского). В этих двух традициях этнонимы и хоронимы славянских народов отличались. Автором прослеживаются и объясняются данные спецификации, показаны источники их заимствования, культурный и политический контекст использования. Повышенное внимание уделено проблематике номинаций Руси и русских народов.

Ключевые слова: историография, эпоха Возрождения, этнонимы, хоронимы, Польша, Русь, Ян Длугош, Матвей Меховский, Мартин Кромер, Марчин Бельский, Мачей Стрыйковский

Ethnonyms and choronyms of the Slavic world in the Polish chronography of the Renaissance

Dmitriy V. Karnaukhov^{1,2}

¹ Novosibirsk State Pedagogical University

28 ul. Vilyuyskaya, Novosibirsk, 630126 Russia

² Novosibirsk State Technical University

20 pr.K. Marksa, Novosibirsk, 630073 Russia

E-mail: dvkarn@mail.ru

Abstract

The article examines the nomination of the Slavs, certain Slavic ethnic groups and territories in the works of Polish historians of the late 15th – 16th centuries, when the Polish tradition of historical representation was influenced by European humanistic thinking, which manifested itself, among other things, in the borrowing of ethnic and geographical terminology. It would be of interest to consider a comparison of the various names of Slavic peoples and territories in the works of Polish writers who used Latin (Jan Dlugosz, Mathias de Miechow, Marcin Kromer) and Polish (Marcin Bielski, Maciej Strykowski). These two traditions differed in the use of ethnonyms and choronyms of Slavic peoples. The author traces and explains these differences, shows the sources of their borrowing, and considers the cultural and political context of their use. Increased attention is paid to the problem of nominations of Rus and the Russian peoples.

Keywords: historiography, Renaissance, ethnonyms, choronyms, Poland, Rus, Jan Dlugosz, Mathias de Miechow, Marcin Kromer, Marcin Bielski, Maciej Strykowski

Представления о славянском мире, его границах, составляющих его народах и населяемых ими территориях на протяжении длительной истории развития исторического познания менялись неоднократно, находились под влиянием как господствовавших в разное время подходов к сбору и обобщению исторической информации, так и политической конъюнктуры. Это знание зародилось в эпоху знакомства авторов раннего Средневековья со славянскими племенами, постепенно систематизировалось и дополнялось.

Одним из важнейших элементов образа славян в учёной мысли Европы были представления об этнической номинации и территориальном размежевании (хоронимии) славянского мира, которые рассматривались как в исторической перспективе, на основании источников, так и с учётом обстоятельств постоянного и динамического

изменения положения его отдельных частей, появившихся новых свидетельств путешественников, нашедших отражение в историко-географических трактатах.

Такая рефлексия носила как внутренний, так и внешней характер. В статье рассматриваются особенности внутренней рефлексии на примере деятельности авторов, представлявших историческую мысль Польши в период наивысшего расцвета интеллектуальной культуры этой страны на рубеже Средних веков и Нового времени, во многом обусловленного ростом могущества польской государственности.

Проблематике ренессансной учёной мысли Польши и вкладу польских авторов эпохи Возрождения в изучение прошлого стран и народов Европы, в том числе славян, посвящена обширная литература, в частности исследования И.И. Первольфа [6], Т. Улевича [20], К. Перадской [17], Л. Шафран-Шадковской [19], Б. Зентары [21], А.С. Мыльниковой [3; 4], Б.Н. Флори [8; 9], Х.-Ю. Бёмельбурга [10], А. Малецкого [16], К. Мачковяка [15], О.Б. Неменского [5], В.А. Спесивцевой [7] и др. Вместе с тем проблематика номинаций славянских народов и стран в польской ренессансной хронографии в этих работах рассматривалась лишь в отдельных аспектах, поэтому более глубокому изучению данной тематики посвящена наша статья.

Эпоха Средневековья предоставила в распоряжение историков эпохи Возрождения богатый материал, посвящённый славянским странам и народам, который нашёл отражение в историографических источниках различного времени. Особенностью польской ренессансной традиции исторических представлений была возможность использования не только трудов, написанных на латыни, но и русских летописей, что делало их представления о славянских народах и странах более полными и всесторонними по сравнению с представлениями авторов других стран. Ярким примером такого подхода было сочинение Яна Длугоша (Jan Długosz, 1415–1480), созданное на заре эпохи Возрождения, которое оказало влияние на развитие как польской исторической мысли, так и представлений интеллектуалов многих европейских стран. Именно здесь упоминались этнонимы и хоронимы, сформировавшие картину славянского мира в представлениях его современников и последующих поколений историков.

Источниками для этого польского автора были свидетельства об этнических процессах в Европе, заимствовавшиеся из сочинений античных и средневековых писателей, которые в традициях ренессансной историографии зачастую подвергались авторской интерпретации и «славянизировались».

О происхождении славян как общности, а также об отдельных славянских народах и странах Длугош пишет во вводном разделе

первой книги своего сочинения, так называемой *хорографии*. Общеславянская этническая терминология здесь встречается регулярно, начиная с «оглавления» (*Diuisio Operis*), где указывается на описание происхождения «рода склавов и поляков» (*gens Sclaworum, & Polonorum*). Обращает на себя внимание использование в качестве общеславянского этнонима формы *Sclawi*, которая далее в тексте хроники встречается лишь один раз, когда Длугош называет одного из потомков ветхозаветного Яфета Негно «прародителем всех склавов» (*Negno omnium Sclaworum parens* [14: 4]), но затем полностью вытесняется отражающей эндоэтноним славян наименованием *Slawi*.

Использование экзоэтнонима *Sclawi* было обусловлено влиянием ряда средневековых источников. Его происхождению посвящены работы современного хорватского исследователя И. Мужича, связывающего закрепление в европейской хронографии раннего Средневековья данной формы номинации с влиянием византийских памятников, в которых понятие *Sclavi(ni)* / Σκλαβήνοι ассоциировалась с работоторговлей из-за созвучия с латинским *sclavus* [2: 74]. Под влиянием этой традиции данная форма номинации получила широкое распространение и была представлена в исторических сочинениях, которыми пользовался Длугош в качестве источников, но вытеснена под влиянием польских и европейских памятников позднего Средневековья, а также доступных этому автору русских летописей, более корректно отражавших самоназвание славян.

Как в хорографии, так и в последующих разделах Длугошем использовалась форма *Slawi* и производная от неё терминология, маркировавшая славян как общность, в частности, в свидетельствах, характеризовавших Паннонию как «прародину и колыбель» славян (*Pannoniam, primam et veterem Slaworū sedem* [14: 5]), их вытеснение лангобардами и гуннами (*Longobardis Slawos inde pellentibus, Deinde Hunnis de ea contendentibus* [14: 5]) и в обширном фрагменте, содержащем описание богатств «славянского рода» и его взаимоотношений с другими народами. Для характеристики славян здесь использовалось производное от *Slawi* прилагательное «славонский», посредством которого определялась их родовая общность (*genus Slawonicus*). В других разделах хорографии с помощью данной формы характеризовались «славянское имя» (*Slawonicum nomen* [14: 6]) и язык (*lingua sua Slawonica* [14: 8]). Также в хронике Длугоша в качестве общеславянского хоронима использовался термин *Slawonia* при характеристике географического положения Польши, которая, по свидетельству историка, занимала северную часть Славонии (*Ab Aquilone Polonia Septemtrionalis pars, est Slawoniæ* [14: 8]).

Особенностью подхода Длугоша к номинации славян (напрямую или через посредство отдельных народов, чаще всего поляков и русских) является характерное для ренессансной хронографии «приписывание» этнонимов, фигурировавших в сочинениях античных авторов, в частности их сопряжение с сарматами и вандалами. Так, в хорографии «Северный океан» (*Oceanus septemtrionalis*), под которым подразумевалось Балтийское море, назван «Сарматским морем» (*Sarmaticum nominatur Mare*), здесь же упоминаются «сарматы или поляки» (*Sarmatæ siue Poloni*), так как на его побережье они «владели землями и городами» (*regiones et vrbes possideant*) [14: 3]. Сходным образом Длугош отождествляет поляков с вандалами (*Vandali... qui nunc Poloni dicuntur*) на основании сопряжения фигурировавшего в трудах античных авторов наименования реки *Vandalum* с Вислой (*etiam nomine suo fluuium, qui nunc Wisła alias Vistula... nuncupatur. Vandalum censuit appellari*) [14: 4].

Ключевым фрагментом хроники, указывающим на познания Длугоша в области этнонимии отдельных славянских народов и локальной славянской хоронимии, являются его свидетельства о ранней этнической истории Европы, в которых заимствования из парабиблейской и античной литературной традиции тесно переплетены с интерпретациями и вымыслом.

Польский автор упоминает славянские народы при описании «генеалогии» рода ветхозаветного Яфета, первым потомком которого, переселившимся в Европу, называет Алана и его потомков, выделяя «прародителя» славян Негно. В свою очередь, с сыновьями Негно Длугош связывает происхождение отдельных славянских народов, а также населенные ими регионы, и в этой связи приводит их названия.

Так, с первым сыном Негно Вандалом связывается происхождение поляков («Вандал, от которого названы вандалы, которые ныне зовутся поляками» / *Vandalus a quo Vandali dicti sunt, qui nunc Poloni dicuntur*), а с третьим сыном Негно Саксо – народов, населивших Богемию и Моравию (*Bohemia & Morauia*), Штирию (*Styria*), Каринтию (*Carinthia*), Карниолу, «которая ныне называется Далмацией» (*Carniola, que nunc Dalmacia dicitur*), Хорватию (*Croatia*), Сербию (*Seruaia*) и Болгарию (*Bulgaria*) [14: 4].

Далее, описывая исход славян из их древней «колыбели» Паннонии, Длугош помимо уже известных по «генеалогии» Саксо Болгарии, Каринтии, Далмации (здесь она ошибочно отождествлена с Мезией: *Dalmatia, siue Messia*), Хорватии (здесь – *Caruatia*) и Сербии (здесь – *Serbia*) в качестве заселенных славянами регионов упоминает также Боснию (*Vosna*), Рашку (*Rascia*) и Иллирию (*Illiricum*) [14: 5]. Неоднократно и уже без разночтений по форме написания славянские

хоронимы *Dalmatia, Serbia, Caruatia, Bosna*, а также *Slauonia* (здесь – в локальном значении) упоминаются Длугошем при пересказе эпонимической легенды о братьях Чехе и Лехе в качестве их «родной земли» (*originarium solum*), откуда они вышли в поисках новых мест для поселения, которыми стали Богемия, Моравия и Польша [14: 6].

Хорониму *Bohemia* автор хроники уделяет особое внимание. Без ссылки на источник, которым для него могло быть лишь сочинение чешского историка Пулкавы (1374), Длугош пишет о происхождении наименования страны князя Чеха и объясняет различия его славянского и латинского вариантов. Славянский вариант *Czeska* связывается с эпонимом чехов, тогда как закрепившемуся в латиноязычной литературе хорониму *Bohemia* дается двоякое и противоречивое толкование: с одной стороны, отмечается, что «по латыни славянское название адекватно передано быть не может» (*latina lingua, quæ Slauonicum nomen proportionaliter sonare non potuit*), но, с другой стороны, следуя аргументации Пулкавы, польский историк объясняет данное наименование тем, что «славяне бога в своем языке называют *Boh*» (*Slauī Deum lingua eorum Boh vocitant, eam Bohemiam appellant*) [14: 6]. Длугош также пишет о происхождении хоронима *Morauia*, связывая его с одноименной рекой (*Morauia fluuius*) и особенностями ландшафта, в котором «преобладают леса и травянистые поляны» (*silvis, plerasq; planicies virides et graminosas mericas in se habentibus*).

По понятным причинам чаще всего в хронике Длугоша упоминается польская этнонимия и хоронимия. Автор остается верен отождествлению Польши и Сарматии, точнее, её европейской части. Это тождество находит отражение в формулировках «сарматы или поляки» (*Sarmatæ siue Poloni* [14: 4]), «Польша или Европейская Сарматия» (*Poloniæ, siue Sarmatiæ Europæ* [14: 7]) и т.п., или же подчёркивается посредством отсылок к трудам не названных «древних писателей», на основании которых утверждалось, что «поляки именуются сарматами» (*a veteribus autem scriptoribus... Poloni Sarmatæ nominantur*) [14: 22].

Хороним *Polonia* и этноним *Poloni*, а также производные от них определения *polonicus/polonicalus* и генетивное прилагательное *Polonorum*, характерные для латиноязычных средневековых памятников, сохраняются и закрепляются благодаря Длугошу в качестве основных обозначений Польши и поляков.

Наименование *Polonia* впервые появляется в хронике при описании территорий, заселенных Негно и его потомками, где Польша характеризуется как «наибольшая из земель» (*Polonia maxima terrarū*) [14: 4], и позднее при обозначении северной части общеславянского ареала («Славонии»), о чём нами упоминалось выше. Данный хоро-

ним и производные от него формы используются повсеместно для географического, политического и культурного описания Польши. К исключениям относится альтернативная форма *Lechia*, которая упоминается лишь дважды: приводится вместе с основной формой (*Poloniæ sive Lechiæ* [14: 10]), а её происхождение увязывается с эпонимом *Лехом* («от первого князя и основателя Леха страна Лехия и её народ Лехиты названы» / *a Primo Principe & Conditore Lech, Regio Lechia, & gentes eius Lechitæ appellatæ sunt* [14: 21]). Та же двойственность проявляется при использовании Длугошем этнонимов. Производный от хоронима *Polonia* этноним *Poloni* является для этого автора основным, но альтернативное наименование поляков *Lechitæ* и производные от него понятия представлены гораздо чаще, чем хороним *Lechia*. Например: *Lech, Lechitarum seu Polonorum parens* [14: 20]; *Lechiticum seu Polonicum nomen* [14: 35]; *imperium Lechitarum* [14: 36].

Как и в случае с чешской номинацией, Длугош дает объяснение наименованиям Польши и поляков. Упомянутое выше имя поляков, производимое «от Леха», автор хроники называет «старым» (*veteri nomine*) и указывает на его распространённость у соседей – русских, болгар, хорватов и гуннов, тогда как «новые» названия *Polonia* и *Poloni* связывает с обитанием поляков на равнинах и полях, что созвучно в их языке с названием польского народа: «поляне, то есть полевые» (*Polianie, id est campestres*) [14: 21].

Среди известных Длугошу славянских этносов, номинациям которых в хронике уделялось внимание, также были русские. Взгляд этого автора на их этнонимии и хоронимии важен для исследователя прежде всего в связи с новизной восприятия из-за ограниченности доступа европейских историков Средних веков и эпохи Возрождения к восточнославянским летописным памятникам, которыми при написании своего сочинения смог воспользоваться польский историк. При этом для его представлений здесь также была характерна двойственность, связанная с использованием в этнонимии и хоронимии, имевших корни в двух различных историографических традициях.

Так, с одной стороны, под влиянием трудов соотечественников (сочинений Галла Анонима, Винцентия Кадлубка и Великопольской хроники), а также европейской средневековой хронографии для описания Руси и в качестве общерусского маркера использовался этноним *Rutheni* и производные от него определения *ruthenicalius/ruthenicus*. При этом важно отметить, что для Длугоша *Rutheni* были сопоставимы с другими славянскими народами, о чем свидетельствует их упоминание в одном ряду не только с поляками, но и с чехами на основании сходств языков (*in pronunciotione verborū... Poloni, Bohemi*

et Ruteni... in multis conveniunt [14: 113–114]). «Рутенская» номинация в хронике Длугоша при описании различных исторических сюжетов применялась: для характеристики русских как этнической или гражданской общности в значениях «народ» и «люди» (*Ruthenorum nationes/gens/populus* [14: 48, 100, 108]), их земель (*Ruthenicalium regionum* [14: 16, 18]), князей (*Ruthenorum Duces* [14: 47]) и языка (*lingua Ruthenica* [14: 175]).

С другой стороны, в качестве общерусского хоронима Длугош использует термин *Russia*, также следуя характерной для Польши традиции, поскольку в европейской средневековой хронографии для обозначения русских земель нередко использовался термин *Ruthenia*. В хорографии термин *Russia* используется сначала в качестве территориального маркера восточной границы Польши (*Polonia... que habet ab oriente Russiam* [14: 175]), а затем служит для обозначения «русских земель» (*terræ Russiæ*) в актуальных географических и политических границах. Его происхождению Длугош дает эпонимическое объяснение, аналогичное толкованию польского хоронима *Lechia*, и связывает с «одним из потомков Леха, который звался Русом и от которого Русь получила имя» (*ab vno Nepotum Lech qui Rusz vocabatur... Russiæ nomen accipiens* [14: 20–21]).

Подводя итог обзору представлений Длугоша о славянских этнонимах и хоронимах, следует отметить огромный вклад этого автора в обобщение имевшихся знаний и их систематизацию, благодаря чему были созданы предпосылки для популяризации славянской тематики не только в Польше, но и во всей Европе.

Такой популяризации способствовал стремительно развивавшийся интерес просвещённой публики в разных странах к знаниям о различных странах и народах, их прошлом и настоящем. Этот интерес нашёл выражение в запросе на широкое распространение учёных трактатов и хроник в контексте развития книгопечатания. Польская учёная мысль в области создания новых произведений, посвящённых славянскому миру, играла ведущую роль. В XVI столетии в Польше на латыни публиковались труды, среди которых известность во всей Европе приобрели сочинения Матвея Меховского (*Mathias de Miechow*, 1457–1523) и Мартина Кромера (*Martin Cromer*, 1512–1589). Ими были опубликованы произведения, в которых нашли отражение описанные нами свидетельства Длугоша об этнонимах и хоронимах славянских народов, что было немаловажно, так как хроника этого автора была впервые опубликована лишь в 1615 г. и её рукопись была доступна лишь узкому кругу историков.

Наиболее ценным для нас сочинением Меховского является впервые опубликованный в Кракове в 1517 г. «Трактат о двух Сарматиях»,

который неоднократно переиздавался на латыни и в переводах на европейские языки. Картина славянского мира в этом сочинении была существенно дополнена за счет добавления к упоминавшимся Длугошем новых народов, говоривших на славянском языке. В частности, автором «Трактата о двух Сарматиях» упоминаются наименования сербов (*Serui*), мизийцев (*Misii*), «Расциев или Булгар» (*Rasci seu Bulgari*), боснийцев (*Bosnenses*), а также далматов (*Dalmatae*), хорватов (*Croatae*), паннонцев (*Pannonii*), славов (*Slauii*), карнов (*Carni*), богемов (*Bohemi*) и моравов (*Morauii*) [1: 158]. Эти этнонимы не упоминались Длугошем, который в своем описании ранней этнической истории славян ограничился указанием хоронимов, тогда как Меховский акцентирует именно этнические наименования.

Иначе, чем у Длугоша, выглядит представленный в трактате Меховского перечень этнонимов славянских народов Европейской Сарматии, к которым отнесены слезиты (*Slesitae*), «Поляки Великой и Малой [Польши]» (*Poloni Maiores et Minores*), мазовиты (*Mazouitae*), помераны (*Pomerani*), кассубиты (*Cassubitae*), сарбы (*Sarbi*), рутены (*Ruteni*), московиты (*Moskouitae*), а также нугарды (*Nugardi*), плесковиты (*Pleskouiensens*), смольненцы (*Smolnenses*) и огульцы (*Ohulci*) [1: 158].

В этнонимии Меховского обращают на себя внимание две особенности. Во-первых, существенные искажения целого ряда наименований из-за специфики их передачи на латыни. Во-вторых, избыточная «детализация» картины славянского мира, проявляющаяся в стремлении посредством «присвоения» локальному сообществу этнонима повысить его статус до уровня «народа», вызванная динамичными изменениями в восточноевропейской политике. Причиной такого подхода может служить также и специфика источников трактата, автор которого основывался не только на свидетельствах авторитетных писателей, но и на донесениях современников, должная верификация которых была затруднена. Именно этим могло быть вызвано «превращение» в народы населения новгородских, псковских и смоленских земель.

В то же время рациональным и отражающим политические реалии элементом предпринятой Меховским этнонимической дифференциации восточных славян является разделение их на «рутенгов» (посредством этого этнонима обозначалось население русских земель, принадлежавших Польше и Литве) и «московитов», а также закрепление лишь за «рутенами» хоронима *Russia*. Данное разделение отражало политические амбиции Польши, борющейся с Великим княжеством Московским за региональную гегемонию и стремившейся в том числе посредством публикации учёных трактатов, а также их переводов

убедить в оправданности своих амбиций европейских читателей.

В этой связи важным с идеологической точки зрения было продвижение крайне престижной для поляков «сарматской» теории происхождения славян. Эта задача решалась благодаря трудам Длугоша и Меховского, в частности выдвинутой в «Трактате о двух Сарматиях» хоронимической гипотезе, согласной которой наименование сарматского племени роксолан сопрягалось с хоронимом *Russia* (Русь, некогда называемая Роксоланией/*Russia, olim Roxolania dicta*) [1: 172].

Кульминацией в осмыслении польской учёной мыслью эпохи Возрождения славянской проблематики в целом и номинаций славянских стран и народов в частности стала публикация в 1555 г. исторической хроники Мартина Кромера «О происхождении и деяниях поляков» (*De origine et rebus gestis Polonorum*, 1555 [13]). В первой книге этого сочинения содержался критический очерк, посвящённый происхождению народов Европы, способствовавший пересмотру ранее сложившихся представлений о славянских древностях, в том числе взглядов на этнонимии и хоронимии. Этот польский автор аргументированно доказывал несостоятельность сопряжения славян и вандалов, которых относил к германцам и отрицал их близость на основании различий в славянском и немецком языках [13: 9–12], но при этом поддерживал и развивал доводы своих предшественников, отождествлявших славян и сарматов [13: 5–6].

Впервые в польской историографии Кромер предпринимает попытку объяснения происхождения общеславянского этнонима, которому посвящена VIII глава хроники «Откуда названы Славы и Славинь» (*Unde Slavi et Slavine appellantur*). Со ссылкой на авторитетные свидетельства древних и современных писателей в ней приведены различные варианты самоназвания славян (*Slauī, Slauīni, Slouacos, Slouanos, Slouīni*), а также указывалось на разночтения, характерные для его передачи на латинском и славянском языках, порождающие ошибки в толковании. Автор хроники даёт два объяснения происхождения общеславянского этнонима, связывая его со «словом» (разговорчивость/*verbosus*) или «славой» (*celebritate & gloria*) [13: 13].

Подходы своих предшественников к номинации отдельных славянских народов Кромер воспринимал критически. В частности, он считал некорректным закрепление за ними наименований, существовавших до переселения на те или иные территории, например в Далмацию, Иллирию, Паннонию и Мизию [13: 13]. Пересмотрев их, польский автор представил собственный «реестр» этнонимов под выносной глоссой *Slauorum populi*. Открывают его «Руссы, называемые многими

Рутенами» (*Russi, quos Ruthenos plerique uocant*), к которым данная форма номинации в польской латиноязычной литературе именно Кроммером была применена впервые и сопрягалась с хоронимом *Russia*. Затем упоминаются волины (*Volynii*), мосхи (*Moschi*), болгары (*Bulgary*), расциане (*Rasciani*), сербы (*Serbi*), боснийцы (*Bosnenses*), карны (*Carni*), кроаты (*Croatae*), а также те, что живут в Далмации, Иллирии, Истрии, в Венгерских горах и все вместе «носят имя Славов или Славинов» (*Slauorumque seu Slauinorum nomen*). Замыкают «реестр» западнославянские народы – богемцы (*Boemi*), лузацы (*Lusacii*), моравы (*Morauii*), кассубы (*Cassubii*), помераны (*Pomerani*), мазовы (*Mazouii*), силезы (*Silesii*) и поляки (*Poloni*).

Таким образом Кроммер вносит коррективы в перечень названий славянских народов, известных по сочинениям Длугоша и Меховского, включив в него дополнительно наименования волинцев и лужичан, но при этом игнорирует фигурировавшие в «Трактате о двух Сарматиях» локальные восточнославянские номинации, а также отказывается от названия «московиты» в пользу наименования «мосхи», что было вызвано влиянием «мосоховой» гипотезы происхождения славян, ставшей популярной во второй половине XVI в.

Особая традиция представлений об этнонимии и хоронимии славянского мира в ренессансной Польше сложилась в результате создания и публикации трудов на национальном языке, авторы которых опирались на достижения латиноязычной хронографии, но при этом проделали большую работу по адаптации наименований славянских народов и стран к польской языковой традиции, благодаря чему они передавались точнее. Наибольший вклад в этот процесс внесли уделившие особенно много внимания славянской тематике авторы польскоязычных хроник – Марчин Бельский (*Marcin Bielski, 1495–1575*) и Мачей Стрыйковский (*Maciej Strykowski, 1547–1593*).

Бельский был автором первого исторического сочинения, опубликованного на польском языке, – «Хроники всего света». Его свидетельства о славянской номинации являются заимствованиями из источников различного происхождения, некоторые из которых ценны тем, что не были представлены даже в латиноязычной литературе. К таким заимствованиям, в частности, может быть отнесён представленный во второй редакции хроники пересказ гипотезы придворного историка польского короля Сигизмунда I Бернарда Ваповского о происхождении имени «Словаков» (представляемого в качестве общеславянского этнонима) от «озера Словоного» (*Stowacy od yezuora Slowionego*), расположенного около Великого Новгорода [12: 231]. Бельский также использует этот этноним, свидетельствуя о

переселении славян в Иллирию во времена правления византийского императора Юстиниана (Stowacy czasu Justyniana Cesarza przyszli w ziemie Illiryckie) [11: 274v], встречаем мы его также при упоминании о ветхозаветном Мезехе/Мосохе как прародителе «всех словаков» (Mezech od ktorego Moskwa i wszyscy Stowacy) в пояснении к генеалогической таблице потомков Ноя [11: 7].

Альтернативной формой общеславянского этнонима для Бельско-го является термин *Stow(i)anie*, появляющийся в третьей редакции хроники [11: 338v], который тем не менее не вытесняет полностью «словацкую» номинацию. Также общеславянская этнонимия Бельским в третьей редакции хроники передается посредством прилагательных *stowieński* и *stowański*, в частности в разделах хроники, посвященных южнославянским землям и при характеристике родовой и языковой общности славян (например: *naród Slowiański*; *lud Stowieńskiego języka* [11: 336v]).

Этнонимия и хоронимия отдельных народов и стран славянского мира наиболее полно представлена Бельским в третьей редакции хроники – в главах «О Словенских землях» и «О Поморской земле», а также в хрониках о польском и чешском королевствах. Здесь представлены славянские номинации, отражающие особенности польской языковой традиции, в частности: *Polska / Polacy / naród Polski*; *Czechy / czeska ziemia / Czechowie* («богемскую» номинацию Бельский отвергает из-за её «немецких» корней: *Woiemowie naród niemiecki* [11: 317v]); *Pomorska ziemia*; *Serwia, Serbska ziemia / Serbowie*; *Karwacja, Kroacya / Kroatowie*; *Rascya*; *Bulgarska ziemia*; *Boseńska ziemia*. В книге «О народе Московском или Русском» Бельский уделяет внимание этнонимии восточных славян, при этом подчеркивает тождественность «московской» и «русской» номинаций через формулу *Rusacy albo Moskwa* [11: 427]. В этом состоит принципиальное отличие его взгляда от подходов Меховского и Кромера, которые, как было показано ранее, трактовали «Москву» и Рутенов/Руссов в качестве разных народов, связанных лишь общностью славянского языка.

Публикация сочинения Бельского послужила мощным импульсом для развития представлений его соотечественников о славянском мире, создания новых трудов на польском языке. Самым известным из них было опубликованное в 1582 г. сочинение Мачея Стрыйковского [18], воплотившее все достижения как латиноязычной, так и польскоязычной ренессансной хронографии и способствовавшее популяризации представлений о наименованиях славянских стран и народов.

Особенностью подхода Стрыйковского было стремление к повышению культурного статуса славянского мира в глазах соотечест-

венников, максимальному «удревнению» и облагораживанию его истории, что нередко приводило к произвольному обращению с историческими свидетельствами. В результате сочетания заимствований из авторитетных источников и домыслов этим историком был сформирован причудливый образ славянского мира, где номинация приобрела значение культурного маркера. В его рамках ключевым культурным героем из-за своего высокого статуса в библейской генеалогии становится Мосох, которому Стрыйковским была отведена роль эпонима «московского народа» и «праотца» всех славян («все славяне и русские происходят от сына Яфета Мосоха или Москвы» / *wszyscy Sławacy i Rusacy mają wywód swój od Mosocha albo Moskwy syna Japhetowego*) [18: 102].

Также этот польский автор полностью поддержал высказанную в свое время Меховским гипотезу о тождестве России и Роксолании на основании созвучия их наименований и, пользуясь этим аргументом, утверждал, что именно русские земли являлись прародиной всех славян, откуда отдельные народы расселились на территории, занимаемые до сих пор. Стрыйковский посвящает отдельную главу своей хроники происхождению «славного народа русского, славянского, сарматского» (*ślawnego narodu Ruskiego, Sławanskiego, Sarmatskiego*), объединяя тем самым сразу три «генеалогии», и именно «русам», как насельникам древней славяно-сарматской прародины отводит ведущую роль в истории славянского мира [18: 94].

В прочих аспектах представления Стрыйковского об общеславянской номинации не отличались от взглядов предшественников. Как и Бельский, он использовал термины *Sławacy* и *Sławianie* и производил эти этнонимы «от славы» (*zwaní... Sławakami od sławy*) [18: 102]. Специфика проявлялась лишь в объяснениях происхождения этнонимов и хоронимов отдельных славянских народов, предопределявшихся убежденностью в «сарматском» происхождении «русских славянских народов». Показательным примером здесь может служить производство этнонимов болгар и волынцев «от Волги» (*Wolgarowie albo Bulgarowie u Wołyńcy od Wołgi*) [18: 114], территориально связанной с древней славянской прародиной. Свидетельства Стрыйковского о наименованиях поляков, чехов и южнославянских народов принципиально не отличались от представлений Кромера и Бельского.

Изученные нами процессы формирования образов славянского мира посредством представлений о номинации на примере польской ренессансной традиции показывают огромное влияние исторических концепций и деятельности историков на формирование как культурных доминант, так и идеологических императивов.

Славянская номинация как культурный маркер в глазах европей-

ских интеллектуалов, благодаря творчеству польских историков, всего за столетие прошла путь от характерной для Средневековья и отразившейся в хронике Длугоша дискриминационной формы, ассоциировавшейся с рабством, до причудливых комбинаций, послуживших основанием для формирования концепций национального величия в хронике Стрыйковского. Данное явление делает историографические практики рассматриваемой нами эпохи перспективным предметом научных исследований, обладающим большим прикладным значением в свете характерных также и для современности процессов превращения исторического знания в ключевой фактор развития культурного самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Типография им. Володарского, 1936. 288 с.

2. *Мужич И.* Sklavi(ni)-Σκλαβῖνοι и формирование хорватского народа на Балканах // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2(4). С. 73–93.

3. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 400 с.

4. *Мыльников А.С.* Этноним «славяне» в ученой мысли XVI–XVII вв.: Рациональные догадки в лабиринтах мифотворчества // *Кунсткамера: Этнографические тетради*. 1993. Вып. 2–3. С. 5–19.

5. *Неменский О.Б.* Праистория славян в третьем издании «Хроники всего света» Мартина Бельского // *Славянский альманах*. 2018. № 3–4. С. 11–25.

6. *Первольф И.И.* Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 2: Славянская идея в литературе до XVIII в. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1888. 240 с.

7. *Спесивцева В.А.* Книга Бытия в польской ренессансной историографии // *Восток – Запад: проблемы взаимодействия: история, традиции, культура*. Ч. 2. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2007. С. 50–51.

8. *Флоря Б.Н.* Славянский мир и его судьбы в древнейшую эпоху его истории в первой редакции «Хроники» Мартина Кромера // *Slověne*. 2017. Т. 6, № 1. С. 381–392.

9. *Флоря Б.Н.* «Славяне» и «сарматы» в сочинениях польских историков конца XV – середины XVI века // *Славянский альманах*. 2017. № 1–2. С. 48–54.

10. *Bömelburg H.-J.* Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa. Das polnische Geschichtsdenken und die Reichweite einer humanistischen Nationalgeschichte (1500–1700). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. 560 с.

11. *Bielski M.* Kronika, tho iesth, Historia swiata [...]. Drukowano w Krakowie u Mattheusza Siebeneychera, 1564. 481l.
12. *Bielski M.* Kronika Wssythyego swyata [...]. Drukowano w Krakowie przez Hieronima Scharffenberga, 1554.
13. *Cromer M.* De origine et rebus gestis Polonorum [...]. Basileae per Joannem Oporinum, 1555. 702 p.
14. *Długossius I.* Historia Polonica. Dobromil: in Officina Joanns Szeligae, 1615. 599 p.
15. *Maćkowiak K.* Zagadnienie wspólnoty językowej Słowian w «Rocznikach» Jana Długosza // *Prace Filologiczne.* 2020. № 73. S. 221–243.
16. *Matecki A.* Mity etnogenetyczne w samoświadomości historycznej na przykładzie historiografii polsko-niemieckiego pogranicza w XVI w. // *Sensus Historiae.* Vol. III. 2011/2. 208. S. 35–53.
17. *Pieradzka K.* Genealogia biblijna i rodowód Słowian w pierwszej księgie «Annales» Jana Długosza // *Nasza Przeszłość.* 1958. № 8. S. 83–116.
18. *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiey Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej [...]. Drukowano w Krolewcu u Gerzego Osterbergera, 1582. 849 s.
19. *Szafran-Szadkowska L.* Zagadnienie etnogenezy Słowian w historiografii polskiej w okresie od średniowiecza do końca XIX stulecia. Opole: WSP Opole, 1983. 143 s.
20. *Ulewicz T.* Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków: Wydawnictwo Studium Słowiańskiego Uniw. Jagiell, 1950. 211 s.
21. *Zientara B.* «Populus – gens – natio»: Z zagadnień śródniowecznej terminologii etnicznej // «Cultus et cognitio»: Studia z dziejów śródniowecznej kultury. Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe, 1976. S. 673–682.

REFERENCES

1. Miechow, M. de (1936) *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [Treatise on the Two Sarmatias]. Translated from Latin. Moscow; Leningrad: Tipografiya im. Volodarskogo.
2. Muzic, I. (2008) Sklavi(ni).ΣΚΛΑΒΗΝΟ and the making of the Croatian nation on the Balkans. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2(4). pp. 73–93.
3. Mylnikov, A.S. (1999) *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoy Evropy: Predstavleniya ob etnicheskoy nominatsii i etnichnosti XVI – nachala XVIII veka* [The Picture of the Slavic World: The View from Eastern Europe Views of Ethnic Names and Ethnicity in 16th – early 17th century]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
4. Mylnikov, A.S. (1993) Etnonim “slavyane” v uchenoy mysli XVI–XVII vv.: Ratsional’nye dogadki v labirintakh mifotvorchestva [The ethnonym “slavyane” in scholarly thought of the 16th–17th centuries: Rational guesses in the laby-

rinths of myth-making]. *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi*. 2 – 3. pp. 5–19.

5. Nemenskiy, O.B. (2018) *Praistoriya slavyan v tret'em izdanii "Khroniki vsego sveta"* Martina Bel'skogo [The Prehistory of the Slavs in the Third Edition of Marcin Bielski's "The Chronicle of the Whole World"]. *Slavyanskiy al'manakh*. 3-4. pp. 11–25.

6. Pervolf, I.I. (1888) *Slavyane, ikh vzaimnyye otnosheniya i svyazi* [The Slavs, Their Mutual Relations and Connections]. Vol. 2. Warsaw: Tipografiya K. Koval'evskogo.

7. Spesivtseva, V.A. (2007) *Kniga Bytiya v pol'skoy renessansnoy istoriografii* [The Book of Genesis in Polish Renaissance Historiography]. In: *Vostok – Zapad: problemy vzaimodeystviya: istoriya, traditsii, kul'tura* [East – West: Problems of Interaction: History, Traditions, Culture]. Vol. 2. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 50–51.

8. Florya, B.N. (2017) *Slavyanskiy mir i ego sud'by v drevneyshuyu epokhu ego istorii v pervoy redaktsii "Khroniki"* Martina Kromera [The Slavic World and its Destiny in the Earliest Epoch of its History According to the First Edition of the "Chronicle" by Marcin Kromer]. *Slověne*. 6(1). pp. 381–392.

9. Florya, B.N. (2017) "Slavyane" i "sarmaty" v sochineniyakh pol'skikh istorikov kontsa XV – serediny XVI veka ["Slavs" and "Sarmatians" in the Works of Polish Historians in the late 15th – mid-16th century]. *Slavyanskiy al'manakh*. 1–2. pp. 48–54.

10. Bömelburg, H.-J. (2006) *Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa. Das polnische Geschichtsd Denken und die Reichweite einer humanistischen Nationalgeschichte (1500–1700)*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

11. Bielski, M. (1564) *Kronika, tho iesth, Historia swiata [...]*. Drukowano w Krakowie u Mattheusza Siebeneychera.

12. Bielski, M. (1554) *Kronika Wssythyego swyata [...]*. Drukowano w Krakowie przez Hieronima Scharffenberga.

13. Cromer, M. (1555) *De origine et rebus gestis Polonorum [...]*. Basileae per Joannem Oporinum.

14. Dlugossius, I. (1615) *Historia Polonica*. Dobromil: in Officina Joanns Szeligae.

15. Maćkowiak, K. (2020) *Zagadnienie wspólnoty językowej Słowian w "Rocznikach" Jana Długosza*. *Prace Filologiczne*. 73. pp. 221–243.

16. Małeckie, A. (2011/2) *Mity etnogenetyczne w samoświadomości historycznej na przykładzie historiografii polsko-niemieckiego pogranicza w XVI w. Sensus Historiae*. III(208). pp. 35–53.

17. Pieradzka, K. (1958) *Genealogia biblijna i rodowód Słowian w pierwszej księgie "Annales" Jana Długosza*. *Nasza Przyszłość*. 8. pp. 83–116.

18. Strykowski, M. (1582) *Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkich Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej [...]*. Drukowano w Krolewcu u Gerzego Osterbergera.

19. Szafran-Szadkowska, L. (1983) *Zagadnienie etnogenezy Słowian w historiografii i polskiej w okresie od średniowiecza do końca XIX stulecia*. Opole: WSP Opole.
20. Ulewicz, T. (1950) *Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w.* Kraków: Wydawnictwo Studium Słowiańskiego Uniw. Jagiell.
21. Zientara, B. (1976) "Populus – gens – natio": Z zagadnień średniowiecznej terminologii etnicznej. In: "*Cultus et cognition*": *Studia z dziejów średniowiecznej kultury*. Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe. pp. 673–682.

Карнаухов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия), профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия).

Dmitriy V. Karnaukhov – Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia), Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

E-mail: dykarn@mail.ru

УДК 930(4)+930.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/3

Свидетельства о славянских странах и народах в «Истории польского народа» Адама Нарушевича

В.А. Спесивцева

Новосибирский государственный педагогический университет

Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

E-mail: wierra@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматриваются представления о славянстве и славянских народах, а также их месте в польской исторической традиции эпохи Просвещения на примере труда одного из самых значимых представителей польской научной историографической школы – Адама Нарушевича. Освещаются его взгляды на прошлое славянских народов и земель в контексте исторических представлений XVIII в. Особое внимание уделяется источникам, которые использовал Нарушевич при описании славянских известий в «Истории польского народа от принятия христианства» («Historyja narodu polskiego od przyjęcia chrześcijaństwa»). Анализируется структура славянских сюжетов в этом историческом сочинении, прослеживается влияние представлений о славянской истории предшественников и современников Нарушевича на его источниковую базу. Также предпринимается попытка выявления причин актуализации славянской проблематики в Речи Посполитой времен правления последнего короля Станислава Августа Понятовского.

Ключевые слова: историография, историописание, исторический миф, эпоха Просвещения, Польша, Русь, Речь Посполитая, Адам Нарушевич, «История польского народа»

Evidence of Slavic countries and peoples in *History of the Polish Nation* by Adam Naruszewicz

Vera A. Spesivtceva

Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuyskaya street, Novosibirsk, 630126 Russia
E-mail: wierra@yandex.ru

Abstract

The article discusses the ideas about Slavs and Slavic peoples, as well as their place in the Polish historical tradition of the Enlightenment, drawing on the work of Adam Naruszewicz, a most significant representative of the Polish historiographic school. The author examines Naruszewicz's views on the past of Slavic peoples and lands in the context of historical ideas of the 18th century. Particular attention is paid to the sources used by Naruszewicz to describe Slavic news in his *Historia narodu polskiego od przyjęcia chrześcijaństwa (History of the Polish Nation from the Adoption of Christianity)*. The author analyses the structure of Slavic plots to trace the influence of Naruszewicz's predecessors and contemporaries on his source base on Slavic history. The article identifies the reasons for the mainstreaming of Slavic issues in the Polish-Lithuanian Commonwealth during the reign of the last king Stanislaw August Poniatowski.

Keywords: historiography, historical writing, historical myth, Enlightenment, Poland, Rus, Polish-Lithuanian Commonwealth, Adam Naruszewicz, *History of the Polish Nation*

Представления о славянстве и истории славян прошли длительный путь трансформации от эпох Античности и раннего Средневековья до Просвещения. Вопросы происхождения, расселения, государственности славян занимали самых разных авторов и реализовались в виде разнообразных историко-географических экскурсов. Одним из первых источников по истории славянства стали труды античных авторов и раннесредневековых хронистов, а также библейская и парабиблейская традиции. К этой группе мы можем отнести книги Ветхого Завета, а также труды толкователей, например, таких как Бероссос и Иосиф Флавий. Плиний, Страбон, Тацит – вот самый краткий список античных авторов, обращавшихся к вопросам славянской истории.

Эпоха Средневековья, опираясь на Библию как на главный исторический источник, имела свои особенности в изучение и освещение славянства. Славянская тематика занимала как византийских и

западноевропейских хронистов, так и славянских авторов: к первым можно отнести Прокопия Кесарийского, Константина Багрянородного, Иоанна Зонару, Георгия Акрополита и др. [13]; среди европейских хронистов можно отметить Лиутпранда Кремонского, Ламберта Херсфельдского и Гельмольда фон Бозау [4: 49]; славянские писатели – Нестор, Галл Аноним, Винцентий Кадлубек, Янко из Чарнкова [11: 36, 65–69]. В особую группу можно выделить арабские известия Ибн-Русте, Ибн-Фадлана и др.

Эпоха Возрождения стала временем особого интереса к исторической литературе не только узких интеллектуальных кругов, но и широкого слоя образованного социума. Благодаря внедрению книгопечатания появляется значительное количество как новых произведений, так и публикаций античных и средневековых авторов. В новых исторических условиях интерес к славянской истории не только не снижается, но и становится важной составляющей исторической мысли. Ренессанс перевёл суждения о славянском этногенезе к размышлениям о месте славян в библейской генеалогии, о внутренней иерархической схеме (Лех – Чех – Рус), о миграциях славянских племён, характере их взаимоотношений с сопредельными народами. В частности, к славянской истории обращались такие авторы, как Пикколомини, Бьондо, Карион, Кранц. Все эти изыскания чаще всего были представлены в виде этногенетических легенд [4: 9, 57; 11: 180].

XVIII в. стал веком становления современной исторической науки – эпоха Просвещения смогла перевести исторические изыскания на совершенно иной уровень. Зародившись как культурное течение в Нидерландах, сформировав идейный базис в Англии и, наконец, получив интеллектуальный заряд во Франции, оно распространилось по всей Европе. Оно впитало в себя специфические особенности историографии многих европейских стран и этим серьёзно обогатило свой идейный багаж. Парадигмальный сдвиг, породивший феномен Просвещения, заставил пересмотреть требования и подходы как к «качеству» содержания исторического материала, так и к методам работы с ним.

Мыслители эпохи Просвещения взяли за основу исторического повествования объяснение истории с помощью естественных факторов. Просветители активно обращались к теории прогресса, но следует отметить, что они понимали её по-разному. Просвещение было ориентировано на преобразование мира в соответствии с установками разума как основного критерия всех сфер человеческой деятельности. Таким образом, разум и прогресс становятся центральными понятиями философии Просвещения. Прогресс науки виделся бесконечным, а в прямой связи с этим процессом находился и про-

гресс человеческого общества, соответственно, характерной чертой времени стала вера в науку и ее всемогущество. Это убеждение часто выражалось в отрицании преемственности традиций. Одним из главных постулатов «века света разума» стала непримиримая борьба с историческими мифами. Используя все аргументы критического мышления, интеллектуалы Просвещения требовали, чтобы история не просто подтверждала традиции и легенды, а критически проверяла или даже отвергала их [22: 47].

Однако скудость методологических разработок вообще и прикладных методологических инструментариев в частности привели к формированию новых мифов. С одной стороны, они были устремлены к новым философским построениям социального и идеологического развития, с другой – базировались на традиционных представлениях. Тем не менее, идеология Просвещения сделала необходимой трансформацию этих представлений и придание им научности. Это выражалось в отрицании преемственности традиций. Понятийный аппарат историков начинает приобретать аксиологическую направленность. Декларируя безусловный прогресс в будущем, в поисках политических и идеологических идеалов интеллектуалы обращаются к прошлому. Критически осмысливая это прошлое, Просвещение продуцирует новую мифологию, призванную утвердить новые исторические схемы [22: 8–9].

Просвещение в славянских странах проявило себя по-разному, так как было подвержено влиянию различных факторов – политических, идеологических и методологических. В качестве условной границы национального славянского Просвещения можно рассматривать творчество Добнера в Чехии и выход первых работ Обрадовича в Сербии. Так, чешская историография испытала несомненное влияние необходимости модернизировать собственную историю. Во многом на её развитие повлиял конфликт между централистскими устремлениями официальной Вены и ожиданиями чешской политической и интеллектуальной элиты [6: 71–72]. Значительные историографические цели были реализованы поколением чешских историков Просвещения, самым выдающимся из которых был Гелазий Добнер. Он демонстрировал отличное знание древней чешской истории и уверенное владение критическим методом исторического исследования, полностью пересмотрев концепцию Гайка, которая зиждилась на легендарных сведениях и ранее пользовалась безусловным доверием [6: 72–73]. Франтишек Пельцль выступал против католической идеологической интерпретации истории, восстанавливал чувство национальной идентичности чехов и способствовал замене немецкого и латыни в научных публикациях на чешский язык. Йозеф Добровский,

опубликовавший ряд работ по истории чешской культуры и истории гусизма, предпринял критическое исследование истории древних чешских легенд. В своих работах он, переосмысливая церковные традиции историописания, инициировал второй, после полемики вокруг Чеха, спровоцированной Добнером, большой исторический диспут о св. Яне Непомуцком [6: 77–78].

Из славянских стран Юго-Восточной Европы Хорватия первой инициировала движение за переоценку памяти о национальном прошлом. Это произошло потому, что хорватская историография опиралась на свою собственную традицию ренессансного историописания и критической историографии XVII в., с которой тенденции Просвещения могли успешно соотноситься [9: 346–347]. Подчинение Хорватии Габсбургам привело к тому, что в хорватской исторической литературе XVIII в. преобладали работы, проникнутые лоялистскими настроениями по отношению к империи. Начало национальным устремлениям в историографии положили работы Павла Витезовича, в которых формировался миф о древней Иллирии как о некогда великом государстве, центром которого должна была стать Хорватия, исконная родина всех южных славян. Он выступал за культурное и политическое объединение всех южнославянских народов под эгидой Хорватии и требовал, чтобы все они имели один национальный язык. Эта концепция приобрела широкую популярность среди южнославянских народов и оказала значительное влияние на становление их национального самосознания [10: 123].

Широкое движение за переоценку национального прошлого распространилось и на православную Сербию. В первые тридцать лет XVIII в. сербская письменность не интересовалась историей, в ней преобладали произведения религиозного характера. Подлинным создателем научной сербской историографии был Йован Раич. Его перу принадлежит «История различных славянских народов, а именно болгар, хорватов и сербов» («Исторія разнычъ славенскихъ народовъ наипаче же Болгарь, Хорватовъ и Сяербовъ»), которая была опубликована на сербском языке в четырех томах в Вене в 1794–1795 гг. Одним из ярких представителей сербского Просвещения стал Доситей Обрадович, который в своей работе «Житие и приключений Димитрия Обрадовича», вышедшей в 1783 г., применял рационалистические принципы исторического познания [10: 31, 47].

Дискриминация болгарской культуры турецкими властями препятствовала развитию болгарской интеллектуальной жизни, поэтому первые инициативы по написанию истории исходили от болгарских эмигрантов. Весомое значение в болгарской историографии приобрел труд Паисия Хилендарского «Истории славян Болгарии». Эти работы

послужили тому, что болгарские интеллектуальные круги присоединились к общеславянскому движению за переоценку исторической памяти, в котором участвовали все балканские славяне [10: 5–6].

Польское Просвещение, в отличие от вышеперечисленных, было сосредоточено на славянских вопросах по принципиально иным причинам. На тот момент Речь Посполитая была единственным (кроме России) славянским государством, не потерявшим независимость и сохранявшим свой суверенитет. Поэтому цели построения новых исторических произведений польских авторов лежали в других плоскостях. По оценкам разных исследователей, Польша присоединилась к идейному течению Просвещения сравнительно поздно. Начальный этап Просвещения в Польше, по мнению польских историков, приходится на 40-е гг. XVIII в. Наивысший пик развития приходится на 80–90 гг., а заключительный этап датируется началом XIX столетия [29: 20–26]. Следует отметить, что интенсивность протекания этих процессов носила выраженную территориальную специфику [12: 335.]

Благодаря контактам с Германией умеренные исторические идеи эпохи Просвещения, далёкие от подобного французскому радикализма [22: 168], начали влиять на интеллектуальные круги в северо-западных пограничных районах Польши раньше, чем в центре страны, уже в первой половине XVIII в. Особое место занимали Гданьск и Вроцлав (а также Поморье и Силезия в целом), где были сосредоточены типографии и издательские предприятия [12: 335]. С 40-х гг. отмечается рост школ – ордена пиаров и ордена иезуитов. С 1773 г. начинают действовать школы Комиссии народного просвещения (Komisja Edukacji Narodowej). В работе Ренаты Дутковой, на сегодняшний день ставшей хрестоматийной, приводится своеобразная «карта Просвещения», которая демонстрирует тенденции распространения образования, – наиболее благоприятно выглядят запад Великопольши, Малопольши, Литва. Серьезно отставали от этих регионов Мазовия и окраинные воеводства [20: 7, 9]. Там существовали своеобразные «островки» магнатских дворов, но в целом это не меняло общей картины. Безусловно, основным центром стала Варшава.

Польское Просвещение обрело свои особые, только ему присущие черты во многом благодаря двум факторам – политической ситуации и особому пониманию истории отечества поляками. Ничто не способствовало ускорению исторической рефлексии и историографии в Польше эпохи Просвещения так сильно, как политические обстоятельства. Первый раздел Польши стал тем политическим событием, которое потрясло все социальные круги страны и внесло немаловажный вклад в развитие исторической мысли польского

Просвещения. Вокруг Станислава Августа Понятовского формируется круг интеллектуалов, распространяющих большое количество работ публицистического, юридического и исторического характера. Необходимость исторических штудий стала осознаваться польским обществом.

Вторым фактором, о котором говорилось выше, стал сарматизм. Его характерными чертами были идеи равенства шляхты и выборность короля. Оговоримся, что сарматская теория и сарматизм не являются равнозначными понятиями [7: 18]. Сарматизм был вторичен по отношению к сарматской концепции, хотя иногда они взаимопроникали друг в друга (особенно с конца XVI до конца XVIII в.) [34: 358]. На сегодняшний день существует целый ряд исследований как польских [33–38; 40], так и отечественных авторов [1; 2; 7; 8; 14–17], которые рассматривают различные аспекты этого культурного феномена. Таким образом, мы можем обобщить важнейшие исторические вопросы, которые волновали польское общество эпохи Станислава Августа: происхождение славян, этногенез поляков и основание польской государственности и общественных отношений. Отдельно стоит сказать о некоторых особенностях развития польской исторической науки.

Спор между «сарматистами» и сторонниками новых позиций в историописании пришелся на конец XVIII в., а не на начало, когда и постулировались эти новые принципы. Это противоречие было вызвано политическими потребностями нового определения польской идентичности. Одним из эпизодов стал так называемый спор о Лехе, в который были вовлечены польские, немецкие, чешские и российские историки [24–27; 28: 15, 28, 31, 41–44, 48]. Эта дискуссия приобрела широкий международный резонанс, так как имела несомненную политическую подоплёку. Вторым эпизодом стала бурная полемика об истоках социальной дифференциации в Польше, основной пик которой пришёлся на Четырёхлетний сейм [22: 235, 386]. Суть этого спора в целом имела сходный характер с французской теорией завоевания. Она была настолько популярна и востребована в Польше, что к ней обращались представители самых разных, в том числе и антагонистических идеологических позиций. Помимо этой теории развивалась (хотя она не была так востребована, как теория завоевания) теория внутреннего развития. В данной концепции шляхта и крестьяне рассматривались как единая этническая группа, а социальная дифференциация виделась как результат внутреннего развития этнически однородного общества. Как и теория завоевания, теория внутреннего развития также использовалась в политической борьбе различных партий. Нельзя не упомянуть о том, что в изысканиях о происхождении славян появляется значительное количество

ссылок польских авторов на чешские, словацкие и южнославянские историографические источники, что свидетельствует о близком знакомстве польских интеллектуальных кругов с зарубежной славянской исторической традицией.

Сарматизм осознавался научными кругами вне Польши как фантазия, мифологический анахронизм и не мог быть базисом серьёзной исторической (и политической) аргументации. С начала 1770-х гг. реформаторские круги приступили к популяризации новых идей, распространяя их в прессе, в публицистических, а главное – в исторических произведениях. Центральной фигурой этих преобразований стал смоленский епископ, член ордена иезуитов и близкий друг короля – Адам Нарушевич. Нарушевич – один из самых значимых историков польского Просвещения, творчеству которого посвящён целый ряд работ [18; 19: 17–26; 21; 23; 38], к сожалению, специальных отечественных исследований, посвящённых А. Нарушевичу, на сегодняшний день немного [5; 12].

К 70–80 гг. в польской исторической мысли сформировались две основные концепции – монархическая и республиканская. Нарушевич в своем труде, написанном по прямому заказу короны, обобщил историю Польши и представил новый взгляд на нее. За образец Нарушевич взял западные труды и в своей работе показал механизмы возникновения, развития и падения польского государства. Спроецировав современные ему политические воззрения на польское Средневековье, он показал благотворность единовластия, связывая все периоды возвышения Польши с королевским правлением и подчёркивая пагубность роста могущества шляхты. Именно ограничение королевской власти, по Нарушевичу, становится источником порабощения подданных. Так, останавливаясь на истоках польской государственности, он говорит о вторжении славян, давших начало шляхте, на исконные польские земли. Однако он не считал, что в результате этого вторжения местное население должно было превратиться в крепостных. Он утверждал, что этому препятствует монархия, которая заботится о народе. В его концепции соединились традиции сарматского республиканизма с идеями республиканской рефлексии Просвещения [22: 66, 98].

Особое внимание А. Нарушевич уделял источникам. Благодаря поддержке короля историк смог собрать огромную источниковую базу. По королевскому приказу специально назначенные люди были отправлены для сбора нужных материалов в Ватиканскую библиотеку, в Вену, Берлин; были посланы запросы в различные архивы, в том числе в фамильные магнатские [18: 34, 36; 25]. Помимо этого, король оказывал и значительную финансовую поддержку. Это вызывало зависть и раздражение у многих. В среде иезуитов пользовался

большой популярностью отец Себастьян Лаховский, известный своим церковным красноречием и назначенный королём после кассации ордена придворным проповедником. Все недовольство историком вылилось в злобный пасквиль, и по Варшаве начал гулять стишок, в котором звучали жалобы на странности судьбы [18: 36]:

Lachowski prawdę mówił – jest tylko plebanem,
Naruszewicz pochlebiał – biskupem i panem –
Лаховский говорил правду – он всего лишь поп,
Нарушевич польстил – он епископ и владыка (перевод автора. – В.С.).

Однако сбор источников был начат. Нарушевич организовал работу целого отдела сотрудников. Итогом стал огромный массив материалов, получивший название «Teki Naruszewicza» [23]. В состав этого собрания вошёл 231 том копий различных исторических источников. К сожалению, далеко не все они были задействованы в работе смоленского епископа. На это были разные причины. Одной из них являлось то, что большая часть источников относилась к более поздним временам, чем те, которые описывал учёный-иезуит.

Однако самые серьёзные затруднения были связаны с описанием древнейшей польской истории. Первый том, посвящённый «славянским древностям», т.е. вопросам этногенеза, расселения и складывания первых славянских государств, не был отправлен в печать. Он был опубликован спустя годы после смерти А. Нарушевича – в 1824 г. Во введении к первому тому приводятся объяснения столь позднего выхода этой работы: «Когда по воле Станислава Августа, короля Польши, Нарушевич взялся за историю своей родины, он начал с более поздней эпохи, то есть с царствования Мечислава I. Здесь можно было ставить более смелые вопросы. Именно здесь он мог предпринять более смелые шаги, здесь у него были самые надёжные источники всех событий, здесь у него были самые тщательные отчёты, и хотя не все они были отмечены чертой достоверности, у них имелось большее сходство с правдой, они лучше выдерживали критику, без которой этот автор никогда не обходился. Однако наш историограф вовсе не желал предать прошлое вечному забвению; начиная со второго тома, он лишь оставил творения первого для последующих времён» (перевод автора. – В.С.) [30].

Епископ опасался нового скандала, который мог бы повредить начинаниям Станислава Августа Понятовского и использован против него политическими противниками. Эти опасения не были лишены оснований, так как на изданные тома ссылались политики, публицисты, сенаторы и депутаты, участвовавшие в дебатах Четырёхлетнего

сейма [22: 235, 386]. «История польского народа» сыграла огромную роль в формировании сознания целых поколений поляков по вопросам нации и государства.

Описывая историю поляков, Нарушевич постоянно обращался к истории сопредельных славянских народов и государств. Прекрасно владея немецким языком, он одним из первых обращается к хронике Дитмара, которая была практически незнакома польским авторам [18: 69], к летописным сводам Нестора, чешским хроникам, а также к работам современных ему авторов.

Приведем список источников А. Нарушевича, который он дает во втором томе [31: XXXI].

AUTOROWE
Których świadectwa cytuią się w tym
T O M I E

Adam Bremeński	Curaeus Szlązak
Adebold biskup Trajek. Ademar mnich.	Damiani Piotr. Deguignes.
Alciatus Andrzej.	Długosz.
Alkwin mnich.	Dobner.
Ammian Marcellin.	Dubrawski
Anastasius bibliothecarius.	Dytmar.
Annalista Saxon.	Eginhardus.
Anoiiim kronikarz Szląski. Anonim archid.	Ekkard (ab) Jerzy. Engelhuzen kronikarz.
Gnieznień.	Fabrycysz Sas».
Anonim życiop. bisk. Wroc.	Gallus Marcin. Gebhardus.
Anonim życiop. S. Ott. bisk.	Gobelinus Porsenna
Bamberskiego.	Godfryd Witerbiki.
Anonim życiop. S. Woyc. Assemani.	Grammatyk Saxon. Gwagnin.
Awentinus.	Hanek Szlązak.
Baier Sygsryd.	Haiek Czech.
Balbin Bohusław.	Hansisius.
Bangert.	Helmold kapitan.
Baroniusz.	Henel Szlązak. Herberszteyn.
Bertold Konstancyeński. Bertyńskie kroniki.	Herman Contraktus. Herodot.
Bogufał.	Hildesheymaska kronika.
Bonfini.	Hozyusz kardynał
Brunświccy pisarze. Brunwillerski mnich.	Hubner genealogista.
Cange (du).	
Coccejus jureconsultus.	

Следующая страница [31: XXXII].

Jabłonowski.	Pessina
Jan kronikarz, Jornandes.	Pez benedykтын.
Juncker geograf	Pliniusz.
Kadłubek	Poeta Saxo.
Konstanty Porfirogenit	Pontanus Izaak.
Kozmas Praski	Pray.
Krantz Albert	Procopius
Kromer.	Plotomeusz geograf. Radewik kron.
Kruger.	Fryzyng. Regino mnich.
Kulczyński bazylian Kwedlimburska	Reinecius.
kronika Lambert Szafnaburski	Rewa (de)Piotr.
Lazius Wolfgang Leibnitz.	Rivo (de) Franciszek mnich
Lomonossow	Schram.
Łubieński.	Schrotter.
Lusat. rerum. script. Marianus Scotus	Sigonius.
Meibomius	Sylvius Eneas.
Menkenius	Solignac.
Michayło Litwin. Miechowita.	Sommersberg.
Mikrelius.	Strabon geograf.
Muratori.	Stredowski
Nestor.	Stritter.
Neugebauer.	Święcicki.
Otton Fryzyngieński.	Sygebert Gemblaceń. mnich,
Pagi.	Szczygielski
Paprocki.	Szulc.
Pelzel.	Trithemius opat.
	Turocz.
	Upton.
	Wippon kapłan.
	Witykind mnich.
	Wuya.

В этом списке преобладают античные и средневековые авторы. Однако мы можем видеть здесь работы Г. Добнера, Ф.М. Пельцля, М.В. Ломоносова.

Во втором томе А. Нарушевич довольно часто обращается к истории славянских стран – Чехии, Руси, Лужиц. Ниже приведена таблица для второго и третьего томов [31; 32], из которой видно, что значительная часть повествования освещает русские, чешские и лужицкие события.

Таблица 1

Том, книга	События	Принад- лежность
Т. 2, Кс. 1	XIV. Mieczysław zeni się zDąbrowką: psuie bałwochwalstwo	Czech.
	XXII. Początki i postęp potęgi książąt Ruskich. Włodzimierz zabiera Słowiany przednieprskie, Polakom hołdownicze	Rus.
	XXV. Woyna z Czechami	Czech.
	XXVIII. Nowy monarcha rozporządza dwor i woysko. Rozruchy ze strony Rusinow i Słowianow. XXX. Włodzimierz naieżdza dzierzawy koronne	Rus.
	XXXI. Czesi z Władyboiem bratem Bolesława kłocą Polskę i Krakow biorą. Pokoy z Rusinami	Rus., Czech.
	XXXII. Zamieszanie w Czechach. S. Woyciech rzuca Pragę. Polacy cesarza posiłkują. XXXIII. Bytność w Polsce S. Woyciecha, i śmierć w Prusach. XXXIV. Bolesław II książę Czeski umiera. Ztąd zakłócenie w Czechach, i odzyskanie Krakowa	Czech.
	XLI. Bolesław Czeski dla okrucieństwa wygnany. Czesi biorą na tron Władyboia brata królewskiego. XLII. Książę Czeski wygnaniec w Polsce. Król po śmierci Władyboia odprowadza Bolesława do Pragi. XLIII. Jego nie wdzięczność i kara. Król bierze Pragę i Czechy z Morawą	Czech.
Т. 2, Кс. 2	IV. Woyska cesarskie w Luzacyi	Luz.
	V. Wygania króla z Pragi i miasto Jaromirowi oddaie	Czech.
	IX. Przez Świętopetka zięcia czyni zamieszaine na Rusi. Domowe Rusinow niezgody	Rus.
	XIV. Jaromir Czeski wpada w nietaskę cesarską. Udaleryk brat na iego mieyscu. Woyna Udaleryka z królem. Przegrana bitwa i powtorna utrata Moraw	Czech.
	XXII. Cesarz nad Renem, Rozruchy na Rusi z przyczyny śmierci Włodzimierza. Świętopetk książę ucieka do Polski.	Rus.
	XXIII. Sasi gotują się na woynę. Król tym czasem wyprawuie się na Ruś. Bitwa nad Bugiem: próznc oblężenie Kiiowa	
	XXVIII. Woyna z Rusią. Bitwa druga nad Bugiem. XXIX. Kiiow dobyty.	Rus.
	XXX. Zdrada Świętopetka. Rabunek mjasta. XXXI. Jarosław ściga króla powracającego. Zniesiony od Polakow	
	XXXV. Czesi zrzucają poddaństwo: zabierają Morawy	Czech.
XXXVII. Rebellaia Zaodrzańcow pułnocnych. Król Miśnia i Luzacyą powściąga	Luz.	
Т. 2, Кс. 3	VII. Rusini z Czechami kray Polski niszczą. VIII. Czeskie bezprawia i świętokradztwa	Rus., Czech.
	XVIII. Woyna powtorna z Masławem i zwycięztwo nad nim. Smierć Masława	Rus.

Том, книга	События	Принадлежность
Т. 2, Кс. 4	V, VI, VII	Czech.
	VIII, IX, X, XVI, XVII, XXI, XXII, XXVI, XXVII	Rus.
Т. 3, Кс. 1	III, X, XII	Czech.
	VI, XVIII, XXII	Rus.
Т. 3, Кс. 2	II	Rus.
	III, VII, VIII, XI, XII	Czech.
	XIII	Luz.
	XXV, XXIX, XXX	Rus., Czech.
	XXXVI, XXXVIII	Czech.
Т. 3, Кс. 3	I, V	Czech.
	X	Za Odrą
	VI, VIII, XIII	Rus.
	XXIII, XXIV	Czech., Szląsk
Т. 3, Кс. 4	II	Rus., Czech.
	V	Rus.
	XVIII	Czech.
	XX	Rus.
	XXX	Szląsk

Как мы уже говорили, А. Нарушевич, несомненно, был знаком с современными ему работами по истории славянских стран. Автор статьи соотнёс сообщения Нарушевича с его источниками, на которые он сам ссылается в тексте. Результаты соотношения представлены в табл. 2.

Мы можем видеть, что во всем этом обширном славянском материале ссылок на современных ему чешских и российских авторов практически нет, кроме одной на Добнера, двух на Пельцля и двух на Ломоносова, все остальные представлены античными и средневековыми писателями. При установлении фактов Нарушевич главным образом опирается не на современные ему источники, а апеллирует к традиции и авторитету историков, этой традицией одобряемых. Подтверждением этого тезиса может послужить количество обращений к трудам Длугоша, которые в польском историописании были непререкаемым авторитетом с конца XV столетия [3: 109–111].

Таблица 2

Том, книга	№ сообщения	Принадлежность	Источники
Т. 2, Ks. 1	XIV	Czech.	Длугош, Дитмар, Козьма Пражский, Богуслав Бальбин, Видукинд
	XXIII	Rus.	Экхард, Саксон Анналист, Кульчинский, Нестор, Константин Багрянородный, Ломоносов , Ассемани, Длугош, Кромер
	XXV	Czech.	Прокопий, Страбон, Плиний, Козьма Пражский, Длугош, Саксон Анналист
	XXXI	Rus., Czech.	Дитмар, Пельцль , Дубравский, Кромер
	XXXII	Czech.	Козьма Пражский, Саксон Анналист
	XLI, XLII, XLIII	Czech.	Саксон Анналист, Козьма Пражский, Адебольд, Дитмар,
Т. 2, Ks. 2	IV	Luz.	Дитмар, Саксон Анналист, Герман из Райхенау, Хроника Кведлимбургская, Добнер , Адебольд
	V	Czech.	Дитмар, Козьма Пражский, Кромер
	IX	Rus.	Длугош, Нестор, Герберштейн, Константин Багрянородный, Дитмар, Адемар
	XIV	Czech.	Дубравский, Кромер
	XXII, XXIII	Rus.	Дитмар, Нестор, Саксон Анналист, Длугош
	XXVIII, XXIX, XXX, XXXI	Rus.	Длугош, Кромер, Нестор, Ломоносов , Богуфал, Кадлубек
	XXXV	Czech.	Дубравский, Длугош, Пельцль , Кромер, Саксон Анналист
XXXVII	Luz.	Длугош, Дитмар, Кранц, Богуфал, Кадлубек, Саксон Анналист, Кромер	
Т. 2, Ks. 3	VII, VIII	Rus., Czech.	Козьма Пражский, Длугош, Дубравский, Саксон Анналист
	XVIII	Rus.	Длугош, Нестор, Марчин Галл,
Т. 2, Ks. 4	V, VI, VII	Czech.	Козьма Пражский, Длугош, Дубравский, Богуфал, Кромер, Саксон Анналист, Кадлубек, Марчин Галл
	VIII, IX, X, XVI, XVII, XXI, XXII, XXVI, XXVII	Rus.	Длугош, Нестор, Кромер, Меховита, Марчин Галл

А. Нарушевич не выглядит последовательным рационалистом, хотя как историк он радикально ограничивает возможность интерпретации исторических событий в терминах «чудо» или «предопределение»,

стремясь объяснить их в терминах причинно-следственных связей, ссылаясь на земные мотивы человеческих поступков. Сам Нарушевич утверждал, что его история не ограничивалась описанием военно-политических событий, он также пытался включить в неё историю политической системы, социально-экономических отношений и культуры [31: 3–5], но из табл. 1 мы видим, что практически все сюжеты, к которым обращается смоленский епископ, связаны с военными конфликтами между Польшей и другими славянскими странами.

Для Нарушевича история Польши – прежде всего политическое послание, которое относится не только к прошлому, но главным образом к настоящему и будущему. Его исторический труд обосновывал реформаторскую политическую программу короля Станислава Августа Понятовского. «История польского народа» давала аргументы, которые использовались в продолжающейся политической борьбе в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев А.Г.* Сарматизм. Исторический миф и его роль в формировании польской национальной идентичности // Диалог со временем. 2007. Вып. 21. С. 184–215.

2. *Карнаухов Д.В.* Легенда о славянских прародителях как фактор этнокультурной самоидентификации чешского и польского народов // Восточная Европа: концерт культур. СПб.: Генеральное Консульство Республики Польша в Санкт-Петербурге, 2004. С. 48–56.

3. *Карнаухов Д.В.* Латиноязычная историография в интеллектуальной культуре польского Ренессанса // Философия образования. 2006. № 52. С. 109–119.

4. *Карнаухов Д.В.* Концепции истории Средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. 291 с.

5. *Карнаухов Д.В., Спесивцева В.А.* Идея Руси в польской историографии: преемственность нарративов от Длугоша до Нарушевича // Русин. 2023. № 73. С. 85–100.

6. *Лаптева Л.П.* Йозеф Добровский как родоначальник критического изучения источников чешской истории // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* – Петербургские славянские и балканские исследования. 2007. № 1–2. С. 69–86.

7. *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.

8. *Лескинен М.В.* Сарматская социальная утопия в этноконфессиональном контексте. Ее истоки и перспективы в первой половине XVII в. // Утопия и утопическое в славянском мире. М.: Издатель Степаненко, 2002. С. 47–60.

9. *Мильников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности. XVI – начало XVIII в. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 400 с.

10. *Робинсон А.Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 143 с.

11. *Спесивцева В.А.* Начальные века истории человечества в исторических произведениях польских авторов конца XV–XVI вв.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 241 с.

12. *Спесивцева В.А.* Адам Нарушевич – портрет историка // Историческое прошлое в гуманитарных исследованиях и образовательной практике: материалы Междунар. интерконференции, 22–25 марта 2023 г. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. С. 334–341.

13. *Стриггер И.* Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов...: в 4 ч. Ч. 1–4. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1770–1775.

14. *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М.: Наука, 1979. 304 с.

15. *Толстой Н.И.* Сарматизм: миф – история – национальное самосознание – культура // История и культура: тезисы. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 66–71.

16. *Флоря Б.Н.* «Славяне» и «сарматы» в сочинениях польских историков конца XV – середины XVI века // Славянский альманах. М.: Индрик, 2017. Вып. 1–2. С. 48–54.

17. *Флоря Б.Н.* Самосознание польской народности в XV в. // Этническое самосознание славян в XV столетии. М.: Наука, 1995. С. 38–77.

18. *Bartoszewicz J.* Znakomici mężowie polscy w XVIII wieku. Wizerunki historycznych osób skreślone. T. I. Petersburg: Nakładem B. M. Wolffa, 1853–1856. 344 s.

19. *Włachowska K.* Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX w. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2018. 410 s.

20. *Dutkova R.* Komisja Edukacji Narodowej. Zarys działalności. Wybór materiałów źródłowych, Wrocław 1973. 273 s.

21. *Grabski A.F.* Adama Naruszewicza dwie interpretacje dziejów Polski // Adam Naruszewicz i historiografia oświeceniowa. Zielona Góra. 1998. S. 79–91.

22. *Grabski A.F.* Myśl historyczna polskiego Oświecenia. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1976. 485 s.

23. *Grzybowski St.* Teki Naruszewicza. Acta regum et populi Poloni. Wrocław: Zakład Naukowy im. Ossolińskich, 1960. 71 s.

24. *Leciejewicz L.* Legendy etnogenetyczne w świecie słowiańskim // Slavia Antiqua. 1989–1990. T. XXXII. S. 128–136.

25. *Matecki A.* Lechici w świetle historycznej krytyki. Lwów: H. Altenberg, 1907. 264 s.
26. *Matecki A.* Mity etnogenetyczne w samoświadomości historycznej na przykładzie historiografii polsko-niemieckiego pogranicza w XVI w. // *Sensus Historiae*. 2011. № 2. S. 35–53.
27. *Malicki J.* Mity narodowe: Lechiada. Wrocław, 1982. S. 74–75.
28. *Maślanka J.* Słowiańskie mity historyczne w literaturze polskiego Oświecenia, Wrocław 1968. 147 s.
29. *Maternicki J.* Historia i życie narodu. Poglądy i postawy historyków polskich XIX i XX w. Rzeszów, 2009. S. 21–26.
30. *Naruszewicz A.* *Historija narodu polskiego od początku chrześcijaństwa*. T. I. Warszawa: W Warszawie drukiem N. Glüksberga, Typ. Uniw, 1824.
31. *Naruszewicz A.* *Historija narodu polskiego od początku chrześcijaństwa*. T. II. Warszawa: W Drukarni J. K. Mci i Rzeczypospolitey uprzy wileiowaney Gröllowskiej, 1780. 481 s.
32. *Naruszewicz A.* *Historija narodu polskiego od początku chrześcijaństwa*. T. III. Warszawa: W Drukarni J. K. Mci i Rzeczypospolitey uprzy wileiowaney Gröllowskiej, 1781. 373 s.
33. *Obremski K.* Kryzys sarmackiej teologii historii // *Barok, Sarmatyzm, Psalmodia*. Toruń, 1995. S. 51–52.
34. *Paszyński W.* Polska jako Wandalia. Koncepcja wandalska w dziejopisarstwie polskim wieków średnich // *Orbis Linguarum*. 2018. Vol. 51. P. 357–390.
35. *Paszyński W.* Sarmaci i uczeni. Spór o pochodzenie Polaków [Sarmatians and Scholars. Dispute over the Origin of the Poles]. Kraków, 2016.
36. *Paszyński W.* Sarmatia and Vandalia. Introduction to the Polish Paranational Concepts // *Słowiańszczyzna dawniej i dziś – język, literatura, kultura*. Monografia ze studiów slawistycznych. Vol. 5. Wrocław, 2022. P. 371–377.
37. *Ulewicz T.* Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950. 211 s.
38. *Zarzycki W.* Biskup Adam Naruszewicz, luminarz polskiego Oświecenia, Lublin 1999. 159 s.

REFERENCES

1. Vasiliev, A.G. (2007) Sarmatizm. Istoricheskiy mif i ego rol' v formirovanii pol'skoy natsional'noy identichnosti [Sarmatism. Historical myth and its role in the formation of Polish national identity]. *Dialog so vremenem*. 21. pp. 184–215.
2. Karnaukhov, D.V. (2004) Legenda o slavyanskikh praroditelyakh kak faktor etnokul'turnoy samoidentifikatsii cheshskogo i pol'skogo narodov [The legend of Slavic ancestors as a factor in the ethnocultural self-identification of the

Czech and Polish peoples]. In: Pirogov, K.S. (ed.) *Vostochnaya Evropa: kontsert kul'tur* [Eastern Europe: Concert of Cultures]. St. Petersburg: Consulate General of the Republic of Poland in St. Petersburg. pp. 48–56.

3. Karnaukhov, D.V. (2006) *Latinoyazychnaya istoriografiya v intellektual'noy kul'ture pol'skogo Renessansa* [The Latin-speaking historiography in the intellectual culture of the Polish Renaissance]. *Filosofiya obrazovaniya*. S2. pp. 109–119.

4. Karnaukhov, D.V. (2010) *Kontseptsii istorii Srednevekovoy Rusi v pol'skoy khronografii epokhi Vozrozhdeniya* [Concepts of the History of Medieval Rus in Polish Renaissance Chronography]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

5. Karnaukhov, D.V. & Spesivtseva, V.A. (2023) The idea of Rus' in Polish historiography: The succession of narratives from Długosz to Naruszewicz. *Rusin*. 73. pp. 85–100 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/73/6

6. Lapteva, L.P. (2007) *Yozef Dobrovskiy kak rodonachal'nik kriticheskogo izucheniya istochnikov cheshskoy istorii* [Josef Dobrovský as a pioneer of the critical study of the sources of Czech history]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana – Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*. 1–2. pp. 69–86.

7. Leskinen, M.V. (2002a) *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noy ideologii Rechi Pospolitoj* [Myths and Images of Sarmatism. Origins of the National Ideology of the Rzeczpospolita]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

8. Leskinen, M.V. (2002b) *Sarmatskaya sotsial'naya utopiya v etnokontseptsional'nom kontekste. Ee istoki i perspektivy v pervoy polovine XVII v.* [Sarmatian Social Utopia in the Ethnoconfessional Context. Its Origins and Prospects in the First Half of the 17th Century]. In: Sofronova, L.A. & Kurennaya, N.M. (eds) *Utopiya i utopicheskoe v slavyanskom mire* [Utopia and the Utopian in the Slavic World]. Moscow: Stepanenko.

9. Mylnikov, A.S. (1999) *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoy Evropy. Predstavleniya ob etnicheskoy nominatsii i etnichnosti. XVI – nachalo XVIII v.* [The picture of the Slavic world: A view from Eastern Europe. Representations of ethnic nomination and ethnicity. The 16th – early 18th century]. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies.

10. Robinson, A.N. (1963) *Istoriografiya slavyanskogo Vozrozhdeniya i Paisius Khilendarskiy* [The Historiography of the Slavic Revival and Paisius of Hilendar]. Moscow: USSR AS.

11. Spesivtseva, V.A. (2010) *Nachal'nye veka istorii chelovechestva v istoricheskikh proizvedeniyakh pol'skikh avtorov kontsa XV–XVI vv.* [The Early Centuries of Human History in Historical Works of Polish Authors of the Late 15th–16th Centuries]. History Cand. Diss. Novosibirsk.

12. Spesivtseva, V.A. (2023) *Adam Naruszewicz – portret istorika* [Adam Naruszewicz – Portrait of a Historian]. *Istoricheskoe proshloe v gumanitarnykh*

issledovaniyakh i obrazovatel'noy praktike [Historical Past in Humanitarian Research and Educational Practice]. Proc. of the International Interconference, March 22–25, 2023. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 334–341.

13. Stritter, I. (1770–1775) *Izvestiya vizantiyskikh istorikov, ob "yasnyayushchie rossiyskuyu istoriyu drevnikh vremen i pereseleniya narodov...* [News of Byzantine historians, explaining Russian history of ancient times and the migration of peoples ...]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

14. Tananaeva, L.I. (1979) *Sarmatskiy portret. Iz istorii pol'skogo portreta epokhi barokko* [A Sarmatian portrait. From the History of Polish Portraiture of the Baroque Era]. Moscow: Nauka.

15. Tolstoy, N.I. (1991) Sarmatizm: mif – istoriya – natsional'noe samosoznanie – kul'tura [Sarmatism: myth – history – national identity – culture]. In: *Istoriya i kul'tura. Tezisy* [History and culture: Theses]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies, USSR AS. pp. 66–71.

16. Florya, B.N. (2017) "Slavyane" i "sarmaty" v sochineniyakh pol'skikh istorikov kontsa XV – serediny XVI veka ["Slavs" and "Sarmatians" in the works of Polish historians of the late 15th – mid-16th century]. *Slavyanskiy al'manakh*. 1–2. pp. 48–54.

17. Florya, B.N. (1995) Samosoznanie pol'skoy narodnosti v XV v. [Self-awareness of the Polish nationality in the 15th century]. In: Litavrin, G.G. (ed.) *Etnicheskoe samosoznanie slavyan v XV stoletii* [Ethnic self-awareness of the Slavs in the 15th century]. Moscow: Nauka. pp. 38–77.

18. Bartoszewicz, J. (1853–1856) *Znakomici mężowie polscy w XVIII wieku. Wizerunki historycznych osób skreślone*. Vol. I. St. Petersburg: Nakładem B. M. Wolffa.

19. Błachowska, K. (2018) *Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX w.* Warszawa: Wydawnictwo Neriton.

20. Dutkova, R. (1973) *Komisja Edukacji Narodowej. Zarys działalności. Wybór materiałów źródłowych*. Wrocław: [s.n.].

21. Grabski, A.F. (1998) Adama Naruszewicza dwie interpretacje dziejów Polski. In: *Adam Naruszewicz i historiografia Oświecenia*. Zielona Góra. pp. 79–91;

22. Grabski, A.F. (1976) *Myśl historyczna polskiego Oświecenia*. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe.

23. Grzybowski, St. (1960) *Teki Naruszewicza. Acta regum et populi Poloni*. Wrocław: Zakład Naukowy im. Ossolińskich.

24. Leciejewicz, L. (1990) Legendy etnogenetyczne w świecie słowiańskim. *Slavia Antiqua*. XXXII. pp. 128–136.

25. Małeckie, A. (1907) *Lehici w świetle historycznej krytyki*. Lwów: H. Altenberg.

26. Małeckie, A. (2011) Mity etnogenetyczne w samoświadomości historycznej na przykładzie historiografii polsko-niemieckiego pogranicza w XVI w. *Sensus Historiae*. 2. pp. 35–53.

27. Malicki, J. (1982) *Mity narodowe: Lechiada*. Wrocław: [s.n.]. pp. 74–75.
28. Maślanka, J. (1968) *Słowiańskie mity historyczne w literaturze polskiego Oświecenia*. Wrocław: [s.n.].
29. Maternicki, J. (2009) *Historia i życie narodu. Poglądy i postawy historyków polskich XIX i XX w.* Rzeszów: [s.n.]. pp. 21–26.
30. Naruszewicz, A. (1824) *Historyja narodu polskiego od początku chrześcijaństwa*. Vol. I. Warszawa: N. Glüksberg.
31. Naruszewicz, A. (1780) *Historyja narodu polskiego od początku chrześcijaństwa*. Vol. II. Warszawa: W Drukarni J. K. Mci i Rzeczypospolitey uprzy wileiowanej Gröllowskiej.
32. Naruszewicz, A. (1781) *Historyja narodu polskiego od początku chrześcijaństwa*. Vol. III. Drukarni J. K. Mci i Rzeczypospolitey uprzy wileiowanej Gröllowskiej.
33. Obremski, K. (1995) Kryzys sarmackiej teologii historii. In: *Barok, Sarmatyzm, Psalmodia*. Toruń: [s.n.]. pp. 51–52.
34. Paszyński, W. (2018) Polska jako Wandalia. Koncepcja wandalska w dziejopisarstwie polskim wieków średnich. *Orbis Linguarum*. 51. pp. 357–390.
35. Paszyński, W. (2016) *Sarmaci i uczeni. Spór o pochodzenie Polaków*. Kraków: [s.n.].
36. Paszyński, W. (2022) Sarmatia and Vandalia. Introduction to the Polish Paranational Concepts. In: Kołodziej, A., Ślawska, M., Ursulenko, A. & Juszcak, B. (eds) *Słowiańszczyzna dawniej i dziś – język, literatura, kultura*. Vol. 5. Wrocław: [s.n.]. pp. 371–377
37. Ulewicz, T. (1950) *Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w.* Kraków: [s.n.].
38. Zarzycki, W. (1999) *Biskup Adam Naruszewicz, luminarz polskiego Oświecenia*. Lublin: [s.n.].

Спесивцева Вера Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия).

Vera A. Spesivtceva – Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

E-mail: wierra@yandex.ru

УДК 94(438).04

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/4

Понятия «уния» и «схизма» в творчестве православных авторов Речи Посполитой*

К.М. Медведев

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

E-mail: kikamimi@mail.ru

Авторское резюме

Показано, как православные религиозные полемисты Речи Посполитой конца XVI–XVII вв. трактовали и использовали в своих трудах понятия «уния» и «схизма». Данные понятия стали одними из ключевых в религиозной жизни Польско-Литовского государства после заключения в 1595–1596 г. Брестской церковной унии, когда иерархи Киевской митрополии объявили о признании власти Рима. Отмечается, что понятие «уния» для православных имело сугубо отрицательные коннотации, обозначая насильственное и противоестественное соединение церквей, имевшее место не по воли Божьей, а по воле неверных и своевольных людей. Именно поэтому, играя на схожести звучания слов, православные говорили не об унии церквей, а о мании или безумии сторонников унии с Римом. Неудивительно, что они были уверены, что именно уния стала причиной всех конфликтов на религиозной почве, которые тогда имели место в Речи Посполитой. Также православные считали унию предательством православия, отступничеством. Слова «уния» и «отступничество», «апостасия» были для православных авторов практически полными синонимами. Отрицая всяческие обвинения в схизме со стороны католиков и униатов, православные отмечали, что они никак не могут быть схизматиками, так как остались верны православию. Истинными же схизматиками они считали униатов и католиков, которые, как считали православные, откололись от единой вселенской церкви и православных патриархов, возгордившись и поставив себя выше всех других христиан. В заключение делается вывод, что подобные трактовки и использования понятий «уния» и «схизма» ярко отражают занятую представителями православной церкви

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00538) «Понятия и категории в социально-политическом дискурсе государств Восточной Европы в Раннее Новое время».

позицию по поводу воссоединения с католиками. Собственно, православные, в отличие от католиков и униатов, настаивали на восстановлении отношений, основанных на равенстве, взаимном уважении и взаимной любви между восточными православными патриархами и римским понтификом.

Ключевые слова: церковная уния, церковный раскол, история понятий, религиозная полемика, православие, католицизм, Брестская уния, Речь Посполитая

The concepts “uniya” and “skhizma” in the works of Orthodox authors in the Polish-Lithuanian Commonwealth*

Kirill M. Medvedev

St. Petersburg State University

7-9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, 199034, Russia

E-mail: kikamimi@mail.ru

Abstract

The article focuses on the interpretation and use of the concepts “unia” and “schizma” by the Orthodox religious polemicists in the Polish-Lithuanian Commonwealth of the late 16th–17th century. These concepts became pivotal for the religious life of the Polish-Lithuanian Commonwealth after the Brest Church Union in 1595–1596, when the hierarchs of the Kyiv Metropolitanate recognized the authority of Rome. The concept “unia” for the Orthodox had purely negative connotations, denoting a violent and unnatural unification of churches not by the will of God, but by the will of infidels and willful people, which is why, playing on the similar sounding, the Orthodox spoke not about the “uniya” (Eng. “union”) of churches, but about the “mania” or “madness” of those who supported the “union” with Rome. It is natural that they were sure that it was the “unia” that caused all the religious conflicts in the Polish-Lithuanian Commonwealth at that time. The Orthodox authors also considered “unia” a betrayal of Orthodoxy, almost as a full synonym of “otstupnichestvo” (Eng. “apostasy”). Denying all accusations of “schizma” (Eng. “schism”) from Catholics and Uniates, the Orthodox noted that they could not be “schismatics” in any way, since they remained faithful to Orthodoxy. They considered the Uniates and Catholics to be the “true” “schismatics”,

---

*The research is supported by the Russian Science Foundation, Project no. 24-28-00538 “Concepts and Categories in the Socio-Political Discourse of the States of Eastern Europe in the Early Modern Times.”

who, as the Orthodox believed, broke away from the one universal church and the Orthodox patriarchs, becoming proud and placing themselves above all other Christians. The author concludes that such interpretations and uses of the concepts “unia” and “schizma” clearly reflected the position of representatives of the Orthodox Church regarding “reunification” with Catholics. In fact, the Orthodox, unlike the Catholics and Uniates, insisted on the restoration of relations based on equality, mutual respect, and mutual love between the Eastern Orthodox Patriarchs and the Roman Pontiff.

Keywords: church union, church schism, history of concepts, religious polemics, Orthodoxy, Catholicism, Union of Brest, Polish-Lithuanian Commonwealth

Понятие «уния», «unia», происходит от латинского слова «unio», которое обозначает «единство/единение» [29]. Понятие «схизма», «schizma», имеющее греческое происхождение, означает «раскол», «расщепление». Уже в первые века существования христианства оно стало играть в рамках христианского учения достаточно серьезную роль, обозначая разрыв с единой вселенской церковью части духовенства или мирян из-за канонических разногласий. Разрывы же из-за каких-то серьезных догматических разногласий называли «ересями» [13]. Понятия «уния» и «схизма» стали играть особую роль в религиозной жизни Речи Посполитой после заключения в 1595–1596 гг. Брестской церковной унии, когда иерархи Киевской митрополии официально объявили о разрыве с Константинопольским патриархатом и признании власти Римского Папы¹.

В нашей статье рассматривается, как трактовались и использовались понятия «уния» и «схизма» в православных религиозно-полемических сочинениях, созданных в конце XVI–XVII вв. Несмотря на значительное количество литературы, посвященной полемике между православными, католиками и униатами в Речи Посполитой после заключения Брестской церковной унии в 1595–1596 гг.², данная проблематика так и не стала объектом специального исследования. В отдельных статьях можно встретить лишь окказиональные упоминания трактовок православными полемистами понятий «уния» и «схизма» [10].

Православные авторы Речи Посполитой и понятие «уния»

Само слово «уния» и для православных, и для католиков Речи Посполитой было практически полным синонимом слов «единство» [14: 893; 25: 183], «единение» [14: 718], «соединение» и «согласие» [2: 653; 3: 790]. Однако если для сторонников католической церкви данное понятие имело сугубо положительные коннотации, то среди

сохранивших верность православию оно, наоборот, получило коннотации сугубо отрицательные.

Так, для католиков заключенная в Бресте уния была восстановлением единства Киевской митрополии с единой вселенской католической церковью, возглавляемой наместниками апостола Петра на земле – римскими папами [1: 139–141]. Представители же православной церкви, с одной стороны, не отрицали, что церковное единство, единство всех христиан друг с другом в рамках единой церкви, – это правильно. С другой стороны, хваля церковное единство, они отвергали и проклинали церковную унию, которая имела место в Речи Посполитой. Во-первых, заключенная уния для них была насильственной, приведшей к полному подчинению Киевской митрополии тирании Рима. Неизвестный автор под псевдонимом Христофор Филалет в трактате «Апокрисис»³, написанном в защиту православных, утверждал: «Такого единства, такого согласия, такой любви, каковые были в первые века после Христа, Господа нашего, с Римской церковью, и ныне мы не только не избегаем, но их всегда желаем и о них просим. Однако, с другой стороны, избегаем того нового [единства], которое порабощение с собой несёт» [15: 1597]. Православный полемист клирик Острожский⁴ писал, что «хорошо согласие, и хорошо, братья, жить в согласии, но как бы в том... сладком снаружи блюде не было горечи» [16: 386]. Он, подчеркивая, что нынешнее согласие – это насильственное навязывание православным чужого, чуждого [16: 390–391], сравнивал унию православных с католиками в Речи Посполитой с положением греков на Крите, «порабощенных» венецианцами, и положением христиан в Крымском ханстве, порабощенных татарами. Обращаясь к одному из главных инициаторов перехода Киевской митрополии под власть Римского Папы Ипатию Потею, Владимирскому и Брестскому епископу, Острожский клирик указывал: «Только ты, отче владыка, принуждение считаешь добровольным согласием» [16: 407–409].

Во-вторых, православные отмечали, что заключенная уния – это что-то противоестественное и химерическое [8: 189, 205]. Тот же клирик Острожский сравнивал современное ему согласие церковей в Речи Посполитой со строительством Вавилонской башни, ибо «в том согласии – смешение языков, а в теперешнем – смешение совести и веры» [16: 387–388]. В 1621 г. Мелетий Смотрицкий⁵ доказывал, что принявшие унию, будучи «ни птицей, ни зверем, то есть ни греческой религии людьми, ни римской», не желают «своего гермофродитского позора видеть» [2: 325–326]. В составленной около 1626 г. «Науке о противной унии» отмечалось, что уния не может «называться ни христианской верой, ни латинской, ибо от церкви восточной отступили,

но в западного костела единство не вступили» [9: 15]. Другие вслед за Смотрицким подчеркивали, что «униатская синагога» является «химерической», ибо она «ни туда и ни сюда» – ни к «латинянам», ни к «грекам» [3: 775].

В-третьих, православные отмечали, что уния в Речи Посполитой имела место не по воле Божьей, а стала результатом деятельности своевольных и неверных людей. Клирик Острожский, например, писал, что церковное «согласие» обязательно должно быть «с волей Божьей согласно» [16: 386], и что «Богу намного более приятно иногда бывает несогласие, нежели согласие» [16: 396]. Нынешние «любители согласия», как отмечал он, хотят защитить свою церковь, но делают это «против воли Божьей, забыв, что “сила Божья совершается в немощи”» [16: 390]. Как подчеркивал Слуцкий протопоп Андрей Мужилковский⁷, нынешнее единство Руси с Римом «ни из милости, ни из-за единого понимания артикулов веры происходит, но только из-за своеволия» [24: 7v–8r]. Именно поэтому православные авторы, играя на схожести звучания слов, не раз подчеркивали, что то, что произошло в 1595–1596 гг., является не унией (unia), но манией (mania) или безумием [2: 276; 14: 1011]. Незвестный автор «Науки о противной унии» отмечал, что православные «унию» привыкли называть «отступлением от разума природного» [9: 18]. Незвестный монах монастыря в Виннице в 1638 г. писал, что из сторонников унии с Римом «никто не родился и не был воспитан в унии, но каждый из-за злобы от церкви отступил, в вере согрешил и к той не унии, но к секте мании людей неведомых, для себя больше желая, прибился» [3: 798].

Отталкиваясь от этого, некоторые православные авторы даже отмечали демоническое и дьявольское происхождение унии. Так, незвестный автор «Перестороги» прямо писал, что именно дьявол «ту проклятую унию на правоверных, с ними борясь, навел» [1: 230]. Архимандрит Киево-Печерского монастыря Захария Копыстенский, не отрицая, что все христиане должны быть едины, однако, подчеркивал, что такое единство не должно быть во вред. Единство же, или уния, с папистами, по его мнению, не может привести ни к чему хорошему для православных. Захария сравнивал тех, кто прельщается идеей унии с Римом, мечтая о преодолении раскола между западными и восточными христианами, с Адамом и Евой, которых соблазнил Сатана на вкушение запретного плода [12: 2 об. – 4 об.]. В «Науке о противной унии» отмечалось, что «та уния ни небесами, ни Иерусалимом, ни востоком подана, но в Риме вылупилась, как змея из яйца, и здесь яд своей изливает везде» [9: 14]. В этом же произведении незвестный автор разделял три унии: унию с Богом, к которой обязательно нужно стремиться, унию с дьяволом, чего нужно всячески избегать, дабы

не попасть в Ад, как сам Сатана, и унию с погрязшим в грехе миром, чего тоже нужно избегать [9: 23].

Поэтому неудивительно, что православные считали, что уния, имевшая своей целью воссоединение всех христиан, привела к прямо противоположным последствиям. Православные были уверены, что именно она стала причиной всех конфликтов на религиозной почве, которые тогда имели место в Речи Посполитой [7: 205–206]. Например, Андрей Мужилковский противопоставлял единство с Римом и единство русинов Речи Посполитой друг с другом, говоря о том, что пока некоторые из русинов едины с Римом, сами русины не могут быть едины друг с другом [24: 7r–7v]. Неизвестный автор «Науки о противной унии» писал, что именно «уния христианский народ в смятение привела и ненависть между Русью и поляками утвердила» [9: 17]. Неизвестный монах из монастыря в Виннице вовсе констатировал, что как раз до 1595–1596 г. «была та святая уния между нами или согласие Христово, пока разъединение, то есть бесчестный и проклятый разрыв и отщепенство, не произошло» [3: 790–791].

Очень важно отметить и то обстоятельство, что для православных термин «уния» зачастую был фактически равнозначен понятиям «отступничество» или «апостасия». Действительно, для православных принявшие унию с Римом зачастую фактически оказывались предателями православия, греческой веры, их даже обвиняли в латинстве. Собственно, уже в принятом на православном соборе в Бресте в 1596 г. декрете участники параллельного проуниатского собора именовались апостатами [16: 371–372]. В 1597 г. в одном православном антикатолическом сочинении признавшие власть Рима назывались «новыми папистами» [3: 512]. Иоанн Вишенский, например, возводил само слово «уния» к славянскому слову «юная». Он писал о том, что уния кажется молодой и красивой, но на самом деле является глупой и ветреной. Вишенский призывал всех держаться старой веры, а не глупой из-за своего малолетства унии [6: 174–175]. Православный Киевский митрополит Петр Могила писал, что недавние православные свое отступничество называли унией [2: 114]. Уже в 1676 г. Черниговский епископ Лазарь Баранович⁸ отмечал, что католики слишком злоупотребляют понятием «уния», ибо все христиане и так должны быть едины с Господом и его церковью на земле. В данном случае Баранович сравнивал сторонников унии с Римом со всевозможными еретиками, которые упорно кличут себя католическими христианами. Черниговский епископ также указывал на то, что нынешняя уния – это отступничество, когда «кость от кости нашей и часть тела нашего с Востока уходит на Запад» [21: 72–73]. Для другого известного западнорусского православного деятеля и

писателя второй половины XVII в. Иоанникия Гялятовского⁹ слова «униат» и «апостат» были полными синонимами [23: k2].

Православные авторы Речи Посполитой и понятие «схизма»

В рамках католической церкви после т. н. Великой схизмы 1054 г. за православными восточными патриархатами закрепился статус схизматиков¹⁰. Особенно актуализировано в Речи Посполитой понятие «схизма» оказалось после заключения Брестской церковной унии, когда православных, не принявших её, стали официально именовать схизматиками, отщепенцами и дизунитами (т.е. не униатами)¹¹.

Православные Речи Посполитой, со своей стороны, яростно отрицали всяческие обвинения в схизме. Так, в написанном в 1603 г. сочинении «Вопросы и ответы православному у папезнику» в рамках условного спора между воображаемыми православным и католиком православный отмечал, что православные являются схизматиками только для католиков, так как не желают быть едиными с греховными папистами, но, что самое главное, не являются такими для Господа: «Не принимаем того, что мы, православные, являемся отщепенцами. Но для кого же?! Ведь для вас, а не для Бога. Ибо одно – быть отщепенцем Божьим и правды Его, а другое – человеческим, то есть – не желая быть участниками не богоугодных дел» [15: 10]. Мелетий Смотрицкий, доказывая, что Иерусалимский Патриарх Феофан III не является схизматиком, указывал на то, что он «является одним из пяти верховных Апостольских столиц пастырем и патриархом, с тремя ближайшими [патриархами] в естественном единстве, с четвёртым дальним в вожденной всем сердцем дружбе и милости» находится [2: 380]. Таким образом, для Смотрицкого, как и для многих других представителей православной церкви, защищавших идеалы пентархии¹², Иерусалимский Патриарх просто не мог быть схизматиком в силу своей принадлежности к единой вселенской соборной церкви в качестве одного из её верховных пастырей. В 1638 г. инок Киево-Печерского монастыря Афанасий Кальнофойский, отталкиваясь от того, что еретики и схизматики не могут иметь никаких чудес в качестве знаков Божьей милости, указывал на то, что раз православная церковь в Речи Посполитой имеет свои чудеса, то, значит, она просто не может быть схизматической [3: 489]. Черниговский епископ Лазарь Баранович, отвечая виленскому иезуиту Павлу Бойму, подчеркивал, что несправедливо католики зовут православных дизунитами (*disunici*), так как они на самом деле *bis unici*, т.е. вдвойне униаты, единые с истинной Божьей церковью и её главой – Иисусом Христом [21: 74].

Отрицая за собой схизму, православные самих униатов считали истинными схизматиками или отщепенцами, так как именно они откололись от своего пастыря – Константинопольского патриарха. Еще в 1596 г. на православном соборе в Бресте, проходившем в одном время с собором про-униатским, пожелавшие признать власть папы римского были, в числе прочего, обвинены в «схизматических умыслах» [16: 371–372]. Мелетий Смотрицкий констатировал, что униаты, «отколовшись от святой кафолической Апостольской церкви, что на востоке, получили прозвище отщепенцев» [2: 325–326]. Киевский православный митрополит Пётр Могила называл Ипатия Потя и других согласившихся на унию с Римом иерархов Киевской митрополии «схизмархами» [2: 117], а Касьяна Саковича¹³, принявшего сначала унию, а потом перешедшего в латинский обряд – «архисхизматиком» [4: 82].

Следует сказать, что не только униаты, но и сами римо-католики латинского обряда были для православных схизматиками или отщепенцами, так как именно они «отщепились от греков, от православия и единства веры христианской» [3: 540]. Иоанн Вишенский писал, что папа римский «от всех частей тела церковного и соборной апостольской церкви отступил и откололся» [6: 110]. Неизвестный автор «Перестороги», находясь, судя по всему, под влиянием текстов Вишенского, открыто называл римского понтифика отщепенцем [1: 225]. Захария Копыстенский считал именно католическую церковь схизматической, так как папы, возгордившись, поставили себя выше всех других христиан и захотели быть «монархами» всего мира, из-за чего и откололись от единой соборной церкви [12: 24–25]. В своей «Палинодии» Копыстенский также обращал внимание на монархические амбиции римских понтификов как на основную причину отпадения самой католической церкви в схизму: «Где все вместе пастыри равны, и единство там есть. А где один пастырь – господин, а другой – слуга, неравенство там есть, схизма там есть» [14: 420].

Как же для православных Речи Посполитой соотносились друг с другом понятия «схизма» и «ересь»? Судя по всему, православные авторы считали католиков и униатов в основном не еретиками, но схизматиками, хотя иногда и указывали на то, что латиняне впали в ересь. Неизвестный автор «Перестороги» писал, что именно «еретики считают Папу наместником Петра» [1: 227], а также подчеркивал, что «Папа и другие отщепенцы с еретиками от единства церковного убежали в Рим, как иудеи в Самарию перед окончательной погибелью своей» [1: 229]. В 1610 г. Мелетий Смотрицкий в своем известном произведении «*Œrphoc to iest Lament iedyney S. powszechney apostolskiej Wschodniej Cerkwie*» доказывал, что православная церковь никогда

не отступала от римского папы, но сама отвергла и отлучила его от себя, как до этого поступала с «другими безбожными и проклятыми еретиками» [26: 84].

В заключение стоит отметить, что, как нам кажется, подобные трактовки православными авторами одних из ключевых для религиозной жизни Речи Посполитой после 1595–1596 гг. понятий «уния» и «схизма» очень ярко иллюстрируют позицию, занятую представителями православной церкви по вопросу восстановления церковного единства. Так, если католики считали, что преодоление схизмы должно непременно означать признание всеми другими христианами догматов Римской церкви и, что самое главное, власти Папы, то православные, наоборот, настаивали на восстановлении отношений, основанных на равенстве, взаимном уважении и взаимной любви между восточными православными патриархами и римским понтификом [10: 353–354]. Так, Острожский клирик указывал, что истинное согласие всех христиан друг с другом – это взаимная любовь [16: 431]. Захария Копыстенский противопоставлял друг другу насильственную унию церквей и настоящее церковное единство. Такое единство, как отмечал писатель, возможно только в том случае, если Папа Римский отринет свою гордыню, помирится с четырьмя восточными патриархами и будет снова жить с ними в мире и согласии, чему обрадуются и вернуться в лоно вселенской церкви отколовшиеся от Рима секты (т.е. протестанты) [14: 717–718].

Список сокращения

ПЭ – Православная энциклопедия

РИБ – Русская историческая библиотека

Примечания

1. Подробнее об обстоятельствах заключения Брестской церковной унии см.: [5].

2. Подробнее о ходе данной полемики см.: [28: 21–62].

3. Современные ученые предполагают, что, скорее всего, под псевдонимом «Христофор Филалет» скрывался польский протестант Мартин Броневский, который был клиентом православного магната князя Константина Острожского, по заказу которого Броневский и написал в защиту православных «Апокрисис». Подробнее см.: [17].

4. Подробнее о творчестве клирика и о том, кем он мог быть в реальности, см.: [19].

5. Подробнее о жизни и творчестве этого выдающегося деятеля см.: [22].

6. «Но Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”» (2Кор. 12:9).
7. Подробнее о жизни и творчестве Андрея Мужилковского см.: [11].
8. Подробнее о жизни и творчестве Лазаря Барановича см.: [8].
9. Подробнее о жизни и творчестве Иоанникия Галятовского см.: [20].
10. Подробнее о католическом понимании того, что такое схизма и кто такие схизматики, см.: [18].
11. В данном случае можно указать, например, на грамоту короля Сигизмунда III от 15 декабря 1596 г., адресованную всем православным Речи Посполитой, с убеждением принять заключенную с Римом унию [1: 154–157].
12. Подробнее о взглядах деятелей православной церкви в Речи Посполитой на проблему преодоления великой схизмы см.: [27: 18–22].
13. Подробнее о биографии и творчестве Касьяна Саковича см.: [28: 52–54].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4: 1588–1632. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1851. VIII, 529, 25, 20 с.
2. Архив Юго-Западной России. Ч. I, т. VII: Памятники литературной полемики православных южно-русцев с латино-униатами. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. [4], XVI, 800, II с.
3. Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. VIII, вып. I: Памятники литературной полемики православных южно-руссов с протестантами и латино-униатами в Юго-Западной Руси за XVI и XVII ст. Киев: Лито-типогр. Акц. Об. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1914. [2], II, 12, 798 с.
4. Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. IX: «Лифос», полемическое сочинение, вышедшее из Киево-Печерской типографии в 1644 году. Киев: Типография Т.Г. Корчак-Новицкого, 1893. [4], 147, [3], 445, [1] с., [1] л. факс.
5. *Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 320 с.
6. Иван Вишенский. Сочинения / подг. текста, статья и ком. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 372 с.
7. Когда зарождаются нации на востоке Европы? / отв. сост., отв. ред. А.В. Доронин. Бонн; Вильнюс: Фонд Макса Вебера, 2022. 639 с.
8. *Корзо М.А.* Лазарь (Баранович) // ПЭ. Т. XXXIX. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2015. С. 679–686.
9. *Крыловский А.* «Наука о противной унии» – памятник полемической литературы, составленный около 1626 года // Чтения в историческом об-

шестве Нестора летописца. Кн. 6 / ред. М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.П. Дашкевич. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1893. С. 3–30.

10. *Кутузова Н.А.* Концепция «Истинной церкви» в полемических сочинениях православных авторов Речи Посполитой конца XVI – первой половины XVII в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 3–4. С. 349–358.

11. *Неменский О.Б.* Андрей Мужилковский и особенности идентичности православных деятелей Речи Посполитой в первой трети XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2 (92). С. 21–27.

12. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 79. № 31. «Книга о правдивой единости правоверных христиан Церкви Восточной, там же и против апостатов и о их лживой унии...».

13. *Погасий А.К.* Религиозные разделения как фактор мировой истории (к вопросу о типологии церковных расколов) // Религиоведение. 2009. № 4. С. 3–15.

14. РИБ. Том четвертый. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Книга первая. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1878. VII, [1] с., 1448, 236 стб., [2], 24, [2] с.

15. РИБ. Том седьмой. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Книга вторая. СПб.: Типография А.М. Котонина и Ко, 1882. 16 с., 1820 стб.

16. РИБ. Том девятнадцатый. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Книга третья. Пб., 1903. XIII, 3 [с], 1308 стб., [2], 91 с.

17. *Соболев Л.В., Флоря Б.Н.* Броневский Мартин // ПЭ. Т. VI. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2003. С. 261–262.

18. *Суттнер Э.Х.* Трансформация в понимании расколов и их преодоления у христиан латинской традиции // Вестник Свято-Филаретовского института. 2010. Вып. 2. С. 47–67.

19. *Тимошенко Л.В.* Клирик Острожский // ПЭ. Т. XXXV. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2014. С. 695–698.

20. *Яковенко Н.* У пошуках Нового неба: життя і тексти Йоанікія Галятовського. Київ: Лаурис (Laurus), Критика, 2017. 697, [5] с.

21. *Baranowicz Ł.* Nowa miara starej wiary. Nowogród Siewierski: z Typographiemy Archiepiskopskiej w Nowogrodku Siewierskim zostaiącey, 1676. [28], 354 s.

22. *Frick D.A.* Meletij Smotryc'kyj. Cambridge, Massachusetts: Distributed by Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute, 1995. XX, 395, [4] p.

23. *[Galatowski I.]*. Fundamenta, na których łącznicy jedność Rusi z Rzymem fundują. [Czernihów], [1683]. [3], 100 s.

24. *Mużyłowski A.* Antidotum, przeznaczemu narodowi ruskiemu. 1629. [2], 48 k.

25. *Smotrycki M.* Apologia peregrinathey do kraioiw wschodnych. Lwów: w drukarniey Iana Szeligi, 1628. [8], 201, [3] s.

26. [*Smotrycki M.*]. Θρηνος to iest Lament iedyney S. powszechney apostołskiey Wschodniey Cerkwie. Wilno, 1610. [16], 218, [1] k.

27. *Stradomski J.* Idea unii kościelnej czy jedności Kościoła? O polisemantyczności dyskursu w polsko-ruskiej polemice religijnej w dawnej Rzeczypospolitej (2 poł. XVI–XVII w.) // *Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU.* 2021. T. XVII. S. 9–32.

28. *Stradomski J.* Spory o „wiarę grecką” w dawnej Rzeczypospolitej. Kraków: Wydawnictwo «Scriptum», 2003. 341.

29. UNIA // ELEKTRONICZNY SŁOWNIK JĘZYKA POLSKIEGO XVII I XVIII WIEKU. URL: https://sxvii.pl/index.php?strona=haslo&id_hasla=13449&forma=UNIA (дата обращения: 19.10.2024).

REFERENCES

1. Russia. (1851) *Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii* [Acts relating to the history of Western Russia]. Vol. IV. St. Petersburg: Eduard Prats.
2. Russia. (1887) *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii* [Archives of South-West Russia]. Vol. 1(7). Kiev: G.T. Korczak-Novicky.
3. Russia. (1914) *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii* [Archives of South-West Russia]. Vol. 1(8). Kiev: N.T. Korczak-Novicky.
4. Russia. (1893) *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii* [Archives of South-West Russia]. Vol. 1(9). Kiev: G.T. Korczak-Novicky.
5. Dmitriev, M.V. (2003) *Mezhdu Rimom i Tsar'gradom: genezis Brestskoy tserkovnoy unii 1595–1596 gg.* [Between Rome and Constantinople: The genesis of the Church Union of Brest of 1595–1596]. Moscow: Moscow State University.
6. Eremina, I.P. (ed.) (1955) *Ivan Vishenskiy. Sochineniya* [Ivan Vishensky. Works]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Doronin, A.V. (ed.) (2022) *Kogda zarozhdayutsya natsii na vostokey Evropy?* [When do nations emerge in the Eastern Europe?]. Bonn; Vilnius: Max Weber Foundation.
8. Korzo, M.A. (2015) Lazar' (Baranovich). In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. XXXIX. pp. 679–686.
9. Krylovskiy, A. (1893) “Nauka o protivnoy unii” – pamyatnik polemicheskoy literatury, sostavlennoy okolo 1626 goda [“The Doctrine of the Abominable Union”, a monument of polemical literature, compiled around 1626]. In: Vladimirskiy-Budanov, M.F. & Dashkevich, N.P. (eds) *Chteniya v istoricheskoy obshchestve Nestora letopistsy* [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler]. 6. pp. 3–30.

10. Kutuzova, N.A. (2011) Kontsepsiya "Istinnoy tserkvi" v polemicheskikh sochineniyakh pravoslavnykh avtorov Rechi Pospolitoj kontsa XVI – pervoy poloviny XVII v. [The concept of the "True Church" in the polemical works of Orthodox authors in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the late 16th – first half of the 17th century]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 3–4. pp. 349–358.

11. Nemensky, O.B. (2023) Andrey Muzhilovskiy i osobennosti identichnosti pravoslavnykh deyateley Rechi Pospolitoj v pervoy treti XVII v. [Andrei Muzhilovsky and the features of the identity of Orthodox figures of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the first third of the 17th century]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2(92). pp. 21–27.

12. Department of Manuscripts of the Russian State Library. "Kniga o pravdivoy edinosti pravovernykh khristian Tserkvi Vostochnoy, tam zhe i protiv apostatov i o ikh lzhiyoy unii..." ["The book on the true unity of the faithful Christians of the Eastern Church, and also against the apostates and their false union..."]. Fund 71. File 31.

13. Pogasiy, A.K. (2009) Religioznye razdeleniya kak faktor mirovoy istorii (k voprosu o tipologii tserkovnykh raskolov) [Religious schisms as a factor of world history (on the typology of religious schisms)]. *Religiovedenie*. 4. pp. 3–15.

14. Russian Historical Library. (1878) *Pamyatniki polemicheskoy literatury v Zapadnoy Rusi* [Monuments of polemical literature in Western Rus']. Vol. IV(1). St. Petersburg: A. Transhel.

15. Russian Historical Library. (1882) *Pamyatniki polemicheskoy literatury v Zapadnoy Rusi* [Monuments of polemical literature in Western Rus']. Vol. VII(2). St. Petersburg: A.M. Kotonin & Co.

16. Russian Historical Library. (1903) *Pamyatniki polemicheskoy literatury v Zapadnoy Rusi* [Monuments of polemical literature in Western Rus']. Vol. XIX(3). St. Petersburg: [s.n.].

17. Sobolev, L.V. & Florya, B.N. (2003) Marcin Broniewski. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. VI. pp. 261–262.

18. Suttner, E.Kh. (2010) Transformatsiya v ponimanii raskolov i ikh preodoleniya u khristian latinskoy traditsii [Transformation in the understanding of schisms and their overcoming among Christians of the Latin tradition]. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta*. 2. pp. 47–67.

19. Timoshenko, L.V. (2014) Klirik Ostrozhskiy [Cleric from Ostroh]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. XXXV. pp. 695–698.

20. Yakovenko, N. (2017) *U poshukakh Novogo neba: zhittya i teksti Yoanikiya Galyatov's'kogo*. Kyiv: Laurus (Laurus), Kritika.

21. Baranowicz, Ł. (1676) *Nowa miara starey wiary*. Nowogród Siewierski: z Typographiyej Archiepiskopskiej w Nowogrodku Siewierskim zostaiący.

22. Frick, D.A. (1995) *Meletij Smotryc'kyj*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute.

23. [Galatowski, I.]. (1683) *Fundamenta, na których łacinnicy jedność Rusi z Rzymem fundują*. [Czernihów]: [s.n.].

24. Mużyłowski, A. (1629) *Antidotum, przeznaczemu narodowi ruskiemu*. [s.l.]: [s.n.].

25. Smotrycki, M. (1628) *Apologia peregrinatyey do kraioiw wschodnych*. Lwów: w drukarniey Iana Szeligi.

26. [Smotrycki, M.]. (1610) *Θρηνος to iest Lament iedyney S. powszechney apostołskiey Wschodniey Cerkwie*. Wilno: [s.n.].

27. Stradomski, J. (2021) Idea unii kościelnej czy jedności Kościoła? O polisemantyczności dyskursu w polsko-ruskiej polemice religijnej w dawnej Rzeczypospolitej (2 poł. XVI–XVII w.). *Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU*. XVII. pp. 9–32.

28. Stradomski, J. (2003) *Spory o „wiarę grecką” w dawnej Rzeczypospolitej*. Kraków: Scriptum.

29. sxvii.pl. (n.d.) Unia. In: *Elektroniczny Słownik Języka Polskiego XVII I XVIII Wieku*. [Online] Available from: https://sxvii.pl/index.php?strona=haslo&id_hasla=13449&forma=UNIA (Accessed: 19th October 2024).

Медведев Кирилл Максимович – лаборант-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Kirill M. Medvedev – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: kikamimi@mail.ru

УДК 94(47).046

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/5

Отражение исторической памяти о Древней Руси в старопечатных московских и киевских Минеях первой трети XVII в.

Ю.А. Чупрына

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: chupryna.yulya@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается историческая память восточнославянского населения первой трети XVII в. Автор на основе православной минейной литературы стремится реконструировать возможные исторические представления, характерные для населения Российского государства и Руси Речи Посполитой. Для этого анализируются старопечатные издания Минеи, имевшие массовое распространение или широкое влияние на мировоззрение прихожан в Московской и Киевской митрополиях. Привлекается 12 томов первого полного издания служебных Минеи 1619–1630 гг. Московского печатного двора и Анфологион (праздничная Минея) 1619 г. типографии Киево-Печерской лавры. На основе этих источников определяется круг наиболее важных сюжетов из древнерусской истории, которые транслировались через церковное богослужение, а следовательно, могли быть восприняты восточнославянским населением независимо от социального положения и уровня образования. Среди ключевых древнерусских сюжетов выделяются: Крещение Руси, распространение православия в русских землях, монгольское нашествие, подвиги отдельных князей и т. д. Подсчитывается и сравнивается количество дней русских праздников в году, дней прославления древнерусских князей в московских и киевских печатных Минеях первой трети XVII в. Круг героев и сюжетов, доступных населению через богослужебные тексты, был фрагментарным и выборочным. Новые династические, политические, религиозные вызовы рубежа XVI–XVII вв. накладывали свой отпечаток на трансляцию образов древнерусских святых, а также способствовали поиску духовных опор и идеалов в прошлом Древней Руси.

Ключевые слова: историческая память, Древняя Русь, богослужебная литература, Минеи, Московское царство, Русь Речи Посполитой

Historical memory of Old Rus in the early printed Moscow and Kyiv *Menaions* of the first third of the 17th century

Yulia A. Chupryna

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: chupryna.yulya@mail.ru

Abstract

The article focuses on the historical memory of the Eastern Slavs in the first third of the 17th century. Based on Orthodox *Menaion* literature, the author seeks to reconstruct possible historical ideas of the population of the Russian state and Rus of the Polish-Lithuanian Commonwealth, for which she analyses the early printed editions of the *Menaion*, which were widely distributed or had a wide influence on the worldview of parishioners in the Moscow and Kyiv metropolitanates. The article examines twelve volumes of the first complete edition of *Monthly Menaion* from 1619 to 1630 published by the Moscow Printing House, as well as the *Anthologion (Festal Menaion)* from 1619 published by the Printing House of the Kiev-Pechersk Lavra to identify a range of the most important plots from Old Russian history. It is these storylines that were transmitted through church services and, therefore, could be perceived by the East Slavic population regardless of their social status and education. Among them were the baptism of Rus, the spread of Orthodoxy in Russian lands, the Mongol invasion, the exploits of individual princes, etc. The author calculates and compares the number of days of Russian holidays per year, the days of glorification of Old Russian princes in the Moscow and Kyiv printed *Menaions* of the first third of the 17th century. The range of heroes and themes available to the population through liturgical texts was fragmentary and selective. New dynastic, political, religious challenges at the turn of the 17th centuries left their mark on the transmission of images of Old Russian saints, and also contributed to the search for spiritual supports and ideals in the past of Old Rus.

Keywords: historical memory, Old Rus, liturgical books, *Menaion*, Tsardom of Muscovy, Rus of the Polish-Lithuanian Commonwealth

Интерес к исторической памяти среди отечественных исследователей проявился на рубеже XX–XXI вв. в связи с обращением к новой методологической школе *memory studies* [24]. Несмотря на накопленный за последние 20 лет историографический материал,

исторические представления восточнославянского населения раннего Нового времени по-прежнему остаются в тени исторической памяти XVIII–XXI вв. Историки чаще рассматривают вопросы актуализации древнерусского прошлого в контексте построения национальных исторических нарративов, конструирования идентичностей, нациестроительства в XIX–XXI вв. Иными словами, медиевализм изучается преимущественно в период рождения и развития национальных концепций в восточнославянских землях.

На постсоветском пространстве древнерусский период является неотъемлемой частью национального исторического нарратива всех восточнославянских государств. Более того, современные исследователи отчётливо фиксируют «медиевальный бум», проявляющийся в использовании образов и символов Древней Руси на разных уровнях культурной и политической жизни общества. Обращение к «своей» древней истории происходит в идеологии, современном искусстве, кинематографе, исторических реконструкциях, видеоиграх и т. д. [19: 341–444]

Однако запрос на образы древнерусских героев так или иначе проявлялся не только в эпоху «наций», но и в более ранние периоды существования Российского государства [3; 5; 20; 29] – XVII в. не исключение. В данном контексте особо сложен и важен вопрос исторической памяти так называемого безмолвствующего большинства, или, говоря другими словами, коллективных представлений русского народа XVII в. на «свое» прошлое, на историю Древней Руси разных периодов. Несомненно, чтобы постараться реконструировать как можно более полную картину мира восточнославянского человека, необходимо изучить всё многообразие письменных, изобразительных, материальных источников, через которые могли транслироваться образы Древней Руси. Но и в этом случае встанет вопрос восприятия и возможных интерпретаций самим населением получаемых образов и идей, поэтому мы можем в той или иной степени лишь приблизиться к пониманию коллективных представлений. Это, безусловно, многогранная и сложная проблема, которая не может быть полностью рассмотрена в рамках одной лишь статьи. Поэтому, вдохновляясь коллективной монографией «Мобилизованное Средневековье», вышедшей в Санкт-Петербурге в 2022 г. [19: 79–108], наше исследование скорее будет продолжать наметившуюся историографическую тенденцию обращения к подходу *memory studies* и к изучению исторической памяти восточнославянского населения раннего Нового времени.

Мировоззрение восточнославянского человека XVII в. было наполнено образами, полученными из христианской религии. Годовой круг

церковных праздников определял уклад жизни, а тексты, услышанные в стенах церквей, вкладывали в умы прихожан христианские представления и идеалы [28]. Религиозное мировоззрение тесно переплеталось с исторической памятью населения Московского царства, да и людей, проживающих в Руси Речи Посполитой. Несомненно, церковь являлась важным местом для трансляции образов святых, в том числе и древнерусских героев, в народные массы независимо от их социального положения и образования. Исходя из этого, мы предлагаем обратиться к вопросу исторической памяти сквозь старопечатную богослужебную литературу первой трети XVII в., а именно рассмотреть первые издания печатных Миней, которые могли отразить в себе новые запросы церкви и государства на «свою» древнерусскую историю. И в первую очередь нас будет интересовать возможное распространение этих идей среди восточнославянского населения.

Итак, главными источниками данного исследования являются преимущественно печатные издания: служебные Минеи Московского печатного двора 1619–1630 гг. и Анфологион (праздничные Минеи) 1619 г. типографии Киево-Печерской лавры. Минеи первой трети XVII в. как московской, так и киевской печати, с одной стороны, впитали в себя идеи из рукописной богослужебной традиции, рукописных певческих книг и отразили решения Макарьевских соборов. Но с другой стороны, массовое издание печатной книги, её распространение в русских и «русинских» землях было направлено в том числе на преодоление травматических событий рубежа XVI–XVII в.: последствий пресечения династии и Смутного времени в Московском царстве; Брестской унии и религиозной борьбы в землях Малой Руси.

Таким образом, опираясь на старопечатные Минеи, мы стремимся на основе количественных характеристик определить востребованность древнерусского прошлого в контексте начала XVII в., очертить возможный круг представлений о Древней Руси, выделить ключевые образы, которые могли распространяться в русских и украинских землях первой половины XVII в.

Конечно, необходимо понимать, что печатная минейная книга не была единственным каналом для распространения русских служб. Богослужебные тексты обширны и многообразны, о чём свидетельствует богатая рукописная традиция певческих книг [22; 26]. В XVII в. продолжалось изготовление отдельных списков этих книг, также в монастыре или в приходской церкви могли использоваться имеющиеся рукописные тексты XVI в. Однако в новых реалиях после Смуты государство и церковь предпочитали обращаться к массовым способам распространения текстов служб русским святым, т. е. к печатной книге.

Прежде чем перейти к полученным результатам, сделаем несколько важных замечаний, касающихся распространения и доступности печатной книги. Служебные Минеи 1619–1630 гг. – это первое полное печатное издание Минеи, имевшее массовое распространение и содержащее в себе службы русским святым. Служебная Минея состоит из 12 томов (книга на каждый месяц) и текстов служб на каждый день года. Как отмечают отечественные исследователи Московского печатного двора И.В. Поздеева и М.А. Лебедь, служебные Минеи издавались относительно большими тиражами – 1000 или 1200 единиц на тираж, а количество экземпляров определялось указом царя или патриарха [9: 156; 21: 132]. Московская печатная книга быстро распространялась по регионам государства через организованный развоз по городам, продажу, дарение и направление в приказы [21: 150]. Но первое время Минеи продавались и использовались в центральной части государства, реже – в отдалённых регионах (юг и Сибирь), где развозка была затруднена или опасна из-за последствий Смутного времени [9: 188–193].

Если говорить о Киевской митрополии, Анфологион 1619 г. – это праздничная Минея с избранными праздниками вселенским и русским святым, состоящая из одного тома. Она готовилась Иовом Борецким (митрополит киевский с 1620 г.), Захарией Копыстенским, Памвой Берындой [4: 170] в Киево-Печерской лавре. Далее праздничная Минея с изменениями переиздавалась уже в Львовской типографии на протяжении всего XVII в. [4: 205]. Львовские издания, как и московские, выходили в большом количестве – по 1300–1500 единиц [30]. Вопрос количества книг киевского издания 1619 г. сложен, поскольку архив типографии Киево-Печерской лавры, в отличие от Львовской типографии, сохранился лишь с 20-х гг. XVIII в. [4: 6]. Кроме того, Анфологион 1619 г. представляет собой не только печатные тексты одного шрифта, но и значительные по объёму и смыслу вставки другими шрифтами, среди которых множество упоминаний печерских и московских святых, что делает данное издание особенно ценным. С учётом того что православная церковь вела борьбу за легализацию в Речи Посполитой, споры с униатской Русью, а также стремилась назначить православного митрополита (с 1596 г. митрополит стал главой униатской церкви), праздничная Минея имела важное политическое значение и могла создаваться для широкого распространения среди православной Руси Речи Посполитой. Однако вопрос о массовости распространения этого издания в первой половине XVII в. всё же оставим пока открытым.

Анализ книг московских служебных Минеи показал, что количество русских праздников для первой половины XVII в. было значительным,

хотя и не всеобъемлющим, часть русских праздников не вошла в эти служебные Минеи. В изданиях 1619–1630 гг., по нашим подсчётам, указывается 72 богослужения или упоминания о необходимости службы в честь русских праздников – русским святым, «своим» иконам Божией Матери, а также учитывается упоминание святых в контексте вселенского праздника Происхождения (изнесения) Честных Древ Животворящего Креста Господня. Таким образом, из 365 дней 63 дня в году в каждом из месяцев присутствует упоминание русского святого, или сразу нескольких святых, или русской иконы и в её честь праздника. Иными словами, православное население Московского царства первой половины XVII в. могло услышать о «своих» древнерусских героях далеко не в каждый день в течение года при условии стабильного посещения и географической доступности православного храма. Даже если учитывать рукописные списки певческих книг после середины XVI в., которые отличаются количеством включённых служб русским святым, можно заметить, что прихожане чаще слышали о вселенских праздниках, особенно великих и средних. К тому же московское богослужение не было жестко регламентировано в том смысле, что наличие текста службы русскому святому не говорит о повсеместном её исполнении. Как отмечает М.А. Лебедев, достаточно долго в Московском царстве не существовало регламентации богослужения русскому святому, когда дата памяти совпадала с вселенским святым. Поэтому на местах настоятель самостоятельно делал выбор – читать службу вселенскому или русскому святому [9: 101–102]. Регламентация богослужений русским святым произошла уже по Типикону 1682 г. [8: 390–391].

Служебные Минеи выходили по мере готовности в течение почти десятка лет, с 1619 до 1630 г. а, значит, в течение первой половины XVII в. печатные службы из Минеи достигали своего слушателя постепенно, местами соседствуя с имеющимися в церквях рукописными книгами, но стремясь охватить всё большее пространство Российского государства. Значительную роль играла и стоимость печатной книги – согласно материалам Московского печатного двора, служебные Минеи покупались представителями разных социальных слоёв общества: начиная от царской семьи и заканчивая служилым, посадским населением. Ускорился процесс распространения русских служб благодаря второму полному изданию служебных Минеи (1644–1646 гг.), которые дополнились русскими праздниками, не внесёнными ранее в первое издание.

Интересно, что при сравнении праздников служебных Минеи Московского печатного двора и Анфологиона Киево-Печерской лавры выясняется, что в киевском издании 1619 г. суммарно больше

упоминаний «своих» древнерусских святых по сравнению с московским богослужением того же периода. Киевский Анфологион 1619 г., по нашим подсчётам, включал 96 русских праздников. Но если учитывать вселенские праздники, где в текстах обозначались древнерусские князья или древность Руси до Крещения, то можно насчитать 99 праздников (добавляются памяти Андрею Первозванному, Кириллу учителю Словенскому и святому Николаю). Итого 90 дней в году человек в Киевской митрополии Речи Посполитой мог вспоминать или узнавать о «своей» древнерусской истории, древнерусских князьях, киевских святых, отцах церкви. Конечно, при условии работы православного храма и возможности прихожан его посещать. Существенная разница в количестве памяти «своим» святым проявилась в нескольких аспектах. Во-первых, в Анфологионе упоминается 16 киево-печерских святых, включая Антония и Феодосия. При этом далеко не все печерские святые отцы имели официальную канонизацию и были скорее местночтимыми. Вероятно, по Анфологиону 1619 г. не всем из них предполагалась полная служба, а подразумевалось простое упоминание [32: 335–338]. Во-вторых, круг русских праздников не ограничивается киевскими святыми отцами, он пополнился новопоставленными святыми на Макарьевских соборах. К примеру, в Анфологионе присутствуют преставления Иоанна архиепископа Новгородского (7 сентября) [1: 65] и Савватия Соловецкого (27 сентября) [1: 234], Григория Пельшемского Вологодского (30 сентября) [1: 236] и т. д. Более того, в Анфологион был включён и новый праздник трём святителям – Петру, Алексию и Ионе (5 октября) [1: 266], установленный по повелению Фёдора Ивановича в 1596 г. [27: 181–182]. Также присутствует память о Гурии Казанском и Варсонофии Тверском (4 октября) [1: 266], служба которым составлялась в начале XVII в. Гермогеном [27: 182–183]. А в московских служебных Минеях 1619–1630 гг. в эти дни не упоминаются обозначенные святые. Судя по всему, это была инициатива составителей Анфологиона включить такой объём «своих» православных святых киевских и московских земель, т. к. Иов Борецкий и Захария Копыстенский на тот момент являлись активными участниками религиозной борьбы с униатами Руси и создавали полемические произведения. В последующих львовских Анфологионах этот созданный пантеон святых не повторяется в полном составе, а сокращается.

Мы привели лишь некоторые примеры, полученные при компаративном анализе старопечатных изданий. За редким исключением, праздники из московских Миней в целом совпадали с праздниками из киевской Минеи, но в Анфологионе 1619 г. значительно больше упоминаний о «своих» праздниках. Исключение составляют отсутству-

ющие в киевском издании праздники в честь икон Божией Матери, а также несколько других памятней новгородским и московским святым. На включение в киевские праздничные Минеи не влияла география происхождения святого – можно встретить праздники новгородским, соловецким, черниговским, ростовским, псковским, московским и другим святым. В то же время, необходимо отметить, что акцент, конечно, сделан на «своих» деятелях Киево-Печерской Лавры. Но при этом присутствует много канонизированных общерусских святых, особенно новгородских.

Повышенное внимание к древнерусским, киевским и новопоставленным православным святым можно объяснить положением православной церкви в Речи Посполитой после принятия Брестской унии, условиями религиозной полемики и необходимостью продемонстрировать многообразие «своих» героев православной церкви. Наличие большого количества служб русским святым, канонизированным в Москве, объясняется не только религиозной борьбой, но и тем, что составители Анфологиона могли обращаться к московскому Типикону 1610 г. [32: 336]. Все это косвенно свидетельствует о возможной осведомлённости православного населения Руси Речи Посполитой первой трети XVII в. не только о киевских святых отцах, но и о канонизированных святых деятелях московских земель.

Запрос на древнерусское прошлое в печатных Минеях первой трети XVII в. и в рукописной традиции певческих книг, рассмотренных Н.С. Серegiной [26] и Н.В. Рамазановой [22], велик. Отмечается рост количества текстов песнопений русским святым с Макарьевских соборов до середины XVII в. По подсчётам Н.С. Серegiной, количество памятней русским святым в рукописных Стихирарях варьировалось «от 30 до 100 и более» [26]. Н.В. Рамазанова тоже замечает нестабильность состава песнопений, объясняя это назначением переписываемой книги и мотивами писца [22: 30]. Полагаем, что такие цифры могут свидетельствовать о нестабильности прославления и почитания всего пантеона русских святых в разных храмах страны. Вероятно, столичный регион и монастыри располагали наиболее полными списками Стихирарей или богослужебных книг. Полные списки рукописей с песнопениями едва ли были доступны на территории расширяющегося Российского государства с его окраинами. Тем не менее можно заметить, что московские печатные служебные Минеи, как, впрочем, и киевские праздничные Минеи, повышают интерес к древнерусскому прошлому. Ценность печатной Минеи Московского царства состояла в том, что она выпускалась большим тиражом и способствовала распространению единого количества праздников и служб.

Далее кратко остановимся на некоторых особенностях картины древнерусского прошлого, отражённой в старопечатных Минеях. Служба прославляла христианские качества святого, его духовные подвиги, посмертные чудеса, заслуги в монашеской деятельности. Эти сюжеты особенно важны при описании древнерусских церковных иерархов, монахов, юродивых. К примеру, из текстов московских служебных Миней прихожанин мог услышать о миссионерских заслугах святых отцов Руси в просвещении язычников. Так, Авраамий Ростовский (29 октября) прославлялся как сокрушитель языческого идола Велеса [15], Стефан Пермский (26 апреля) – как распространитель православия и борец с идолопоклонниками в Пермской земле [12], Исаия епископ Ростовский (15 мая) – как борец с языческими капищами в Ростовской и Суздальской землях [14] и т. д. В Анфологионе 1619 г. присутствовали упоминания всех обозначенных выше праздников, соответственно, история о распространении православия среди язычников тоже могла транслироваться в Киевской митрополии.

Ещё один интересный и важный пример касается Антония и Феодосия Печерских. Их службы присутствовали в московской и киевской Минеях первой трети XVII в. Но было и основное отличие в степени почитания и актуализации печерских святых отцов. Для Киево-Печерской лавры, где создавался Анфологион, Антоний и Феодосий – это ключевые «места памяти», поскольку они – основоположники монастыря, их мощи и святые пещеры находились в Лавре. Актуализация этих древнерусских героев происходила разными способами для прославления монастыря, Киева и православной церкви. Преставление Феодосия Печерского в Анфологионе 1619 г. (3 мая) обозначалось знаком великого праздника, был напечатан не только текст службы, но и включена гравюра святого отца на фоне собора и пещер [1]. В майской Минеи 1626 г. Московского печатного двора тоже присутствовала служба Феодосию, однако знаки о статусе праздника отсутствовали. Его прославляли как одного из основоположников монастырского движения на Руси, как образец для подражания в монашеской жизни [14], но актуализация его образа была скромнее, чем в Киеве.

Схожая ситуация наблюдается и с трансляцией образа Антония Печерского. В киевских Минеях день памяти – 10 июля (средний праздник, служба полиелейная), а в московских Минеях – 7 мая без знаков статуса праздника. Н.С. Серегина полагает, что цикл песнопений Антонию Печерскому был редкий для рукописной традиции, т. к. с конца XVI в. до середины XVII в. выделяются лишь 8 рукописей [26: 116]. Но как можно заметить, текст службы включался в московские печатные Минеи, соответственно, предполагалось распространение

памяти об этом святом по всей территории Российского государства в первой половине XVII в.

В Анфологионе помимо песнопений имеются дополнительные вставки с богатым историческим содержанием. Это относится не только к Антонию Печерскому, но и к другим древнерусским святым, чьи службы включены в праздничные Минеи. В день памяти Антония указано следующее: «...и тако блаженный Антоние прииде в град Киев, походив по всем местом, по горам и по дебрем, и на Берестовое прииде и обреете Пещеру... И в ней пребысть до лет преставления благовернаго князя Владимира. Егда же прия власть безбожный С(ве)топлък и нача избивати братию свою и уби святых мученик Бориса и Глеба... благочестии князь Ярослав победи Светоплъка и седе в Киеве...». По содержанию данный текст может соотноситься со сказанием «О зачале Печерского монастыря», который бытовал в рукописных Патериках [18: 277–288]. Таким образом, на заднем плане подробного изложения жизни святого печерского отца разворачивались события княжеской усобицы, транслировались имена правителей Древней Руси.

Краткие исторические отступления (хотя не столь подробные) проявлялись и в певческих книгах Московского царства, но в рукописной традиции – наиболее полный четырехтомный Минеиный Стихирарь «Дьячье око» относится к середине XVII в., т. е. когда в богослужении интерес к истории достигает своего пика [26]. Служба Антонию называлась следующим образом: «Преподобнаго отца нашего Антония Печерскаго монастыря иже бе в Киеве во время великаго князя Владимира крестившаго Рускую землю в царство же греческое Романа втораго в лета 6520 пострижесе бе ж от града Любеча постриженник Святыя горы, преставися в лета 6578 от царства Романа Диогена. Поживе лет 90» [23: 275]. В рассматриваемых московских печатных Минеях не приводилось вначале или в конце отдельного исторического повествования с городами и князьями Руси, хотя в тексте самой службы ряд исторических событий упоминается.

В силу особенностей церковной истории большинство русских праздников актуализировало образы деятелей церкви, поэтому и восточнославянское население первой половины XVII в. чаще могло услышать песнопения именно о них. При этом, конечно, нужно понимать, что существовали и региональные особенности: на историческую память о Древней Руси влияли не только песнопения, но и наличие мощей, придела в церкви в честь святого, иконографии. Местночтимые святые в том или ином регионе могли иметь большее значение в коммеморативных практиках среди восточнославянского населения, чем некоторые канонизированные.

Канонизированные светские герои Руси в годовом круге церковных праздников занимали небольшое пространство. Так, в печатных служебных Минеях лишь 13 дней в году прославлялись древнерусские князья, царевичи Дмитрий Углицкий (15 мая) и Пётр Ордынский (Чингизид, принявший христианство) (29 июня) и боярин Феодор (20 сентября). В киевском Анфологионе в общей сумме 16 дней в году указывались памяти князьям Руси или перенесение их мощей, отдельно упоминался и день памяти Антонию, Иоанну и Евстафию мученикам Виленским и Литовским (придворные литовского князя Ольгерда). Данных литовских святых нет в московских служебных Минеях 1619–1630 гг.

При прославлении заслуг святых князей домонгольского и монгольского периодов в первую очередь подчеркивались их христианские добродетели, посмертные чудеса, реже – прижизненные светские заслуги и военные подвиги. Это вполне укладывается в каноны составления певческих и житийных текстов. Тем не менее ряд исторических сюжетов попадал в тексты служб и мог восприниматься восточнославянским населением раннего Нового времени.

Итак, в московских Минеях 1619–1630 гг. условно можно выделить несколько тематических блоков. Начнём с того, что важное место отводилось теме христианизации Руси, отказу от язычества, приведению язычников к христианству. Об этих сюжетах восточнославянский человек мог услышать из служб княгине Ольге (11 июля), князю Владимиру (15 июля), князю Константину и чадам его Михаилу и Феодору Муромским (21 мая). Конечно, наиболее важными праздниками и «местами памяти» были торжества в честь Владимира, Бориса и Глеба. Службы князьям имеют давнюю рукописную историю и подробно изучены рядом отечественных исследователей – Н.И. Милютенко [10; 11], В.В. Василюком [2], В.М. Кириллиным [6; 7], О.В. Светловой [25] и др., поэтому мы не будем подробно останавливаться на текстологическом анализе этих служб. Обратим лишь внимание на то, что в Анфологионе содержатся подробные исторические отступления о выборе веры и крещении князя Владимира, о междоусобной борьбе и гибели Бориса и Глеба [1: 1032, 1041], т. е. можно заметить большой интерес именно к историческим событиям.

На церковном и светском уровнях князь Владимир выступал неким идеалом и образцом для подражания и сравнения во многих текстах. К примеру, в рассматриваемых служебных Минеях заслуги Константина Муромского уподоблялись деяниям царя Константина и князя Владимира. За крещение города Мурома князь назывался новым Владимиром [14]. Сравнение с крестителем Руси прослеживается около пяти раз на протяжении всего текста, высвечивая не

только значимость муромских князей, но и популярность образа князя Владимира среди восточнославянского населения. С князем Владимиром сравнивался и князь Всеволод Псковский (11 февраля).

Н.В. Рамазанова, исследуя рукописный Стихирарь 80-х гг. XVI в., отметила изменения в образе Владимира: в песнопениях он соотносится с царской властью, он – родоначальник царской династии [22]. В печатных Минеях продолжается наметившаяся тенденция. Эта же концепция применима и к новой царской династии Романовых, т. к. в XVII в. династический миф транслировался разными способами в иконографии, архитектуре, прикладном искусстве, исторических сочинениях. «Царская» терминология в службе князю Владимиру присутствует и в печатных московских Минеях (15 июля) [13]. В текстах из киевской праздничной Минеи меньше «царской» терминологии, но есть вставка с историческими подробностями из жизни князя (происхождение князя, сватовство к Анне, легенда выбора веры, Крещение Руси и т. д.), которая начинается со слов: «Сий великий царь Владимир бяше сын Стославль от племени варяжскаго...» [1: 1032]. В данном случае акцент скорее сделан на значимости князя среди других прославленных русских и вселенских святых, а не на династическом мифе. В киевской среде в начале XVII в. образ князя Владимира часто использовался для доказательства древности и авторитетности православной церкви в Речи Посполитой.

Не менее популярна в богослужебных текстах монгольская тематика. Значительная часть русских святых из служебных Миней 1619–1630 гг. и Анфологиона 1619 г. относилась к периоду монгольского владычества: памяти Михаилу Черниговскому и боярину Феодору, Александру Невскому, Михаилу Тверскому, митрополитам Петру и Алексию, Сергию Радонежскому и т. д. Святые выступали заступниками Русской земли в борьбе с врагами и усобицами, но военные подвиги древнерусских князей отражались лишь частично. Тем не менее известия о монгольском завоевании не могли не отложиться в народной исторической памяти XVII в. Более того, в 80-е гг. XVI в. велась подготовка к учреждению патриаршества, актуализировалась идея «Москва – третий Рим» [22: 6–7], поэтому русские святые монгольского периода «засияли с новой силой» и появились новые дополнения к текстам служб.

Однако наличие службы святому князю или его упоминание вовсе не означало, что в тексте будет подробное историческое повествование о борьбе с монголами. Например, Дмитрий Донской лишь кратко упоминался в службе митрополиту Алексию (12 февраля) [17]. На тот момент князь не был канонизирован, поэтому едва ли приходится говорить о массовом распространении образа Дмитрия Ивановича

среди народа Московского царства. Более популярным «местом памяти» для населения Российского государства мог выступать канонизированный черниговский князь Михаил вместе с боярином его Феодором (20 сентября). Через службу святым поднималась проблема монгольского нашествия Батыя на Русь и мученической смерти Михаила Черниговского в Орде [16]. В киевском Анфологионе 1619 г. тоже присутствует запись о дне памяти этому святому, но без текста службы, как и для многих других древнерусских героев, что обусловлено форматом праздничных Миней. Также во второй половине XVI в. внимание в богослужении к князю Михаилу Черниговскому и его подвигу возросло значительно на фоне переноса мощей в 1578 г. из Чернигова в Москву, составления новых текстов для службы (предположительно Иваном IV) и политической борьбы с Речью Посполитой за земли. Все эти действия исследователями связываются с отстаиванием права московского царя на Черниговскую землю, на древнерусские земли прародителей, в том числе на Киев [22: 192–205].

Картина древнерусского прошлого, предлагаемая печатными Минеями, отразила многообразие региональных святых Российского государства. Особенно выделялись и прославлялись города, в которых находятся мощи святого деятеля. Говоря о преобладании московских или региональных святых, стоит отметить, что нет особого фокуса только на московских святых и на самой Москве. Чаще прослеживалось обращение к святым деятелям из разных регионов государства. Так, к московским святым и праздникам, где присутствовали упоминания Москвы, относятся лишь 11 дней из служебных Миней 1619–1630 гг. Для сравнения: количество новгородских святых или упоминаний Новгорода составляет 12 праздников. Это лишь небольшая часть русских служб, в остальных текстах прославлялись другие региональные святые и «места памяти» из Ярославля, Смоленска, Ростова, Владимира, Пскова, Суздаля, Юрьева, Чернигова, Твери, Нижнего Новгорода, Пермской земли, Киева (Киево-Печерского монастыря), Троице-Сергиевой лавры, Мурома и т. д. В то же время Московское царство представляется не разрозненными землями, поскольку все города входят в пространство русской земли. В текстах богослужения неоднократно фигурируют понятия «русская земля», «русские князья», «русские соборы». Региональная принадлежность святого важна для прославления определённой земли, где располагаются его мощи или проходила его деятельность. Однако «региональное» участвует в наполнении общей святости всей «русской земли», т. е. в «надрегиональном». Что касается киевского Анфологиона 1619 г., то там тоже присутствует надрегиональное обозначение территорий –

Российская земля. В данном случае скорее имеется в виду православное пространство митрополий, поскольку в пантеон «своих» святых входили новгородские, московские, печерские, соловецкие и многие другие святые деятели Руси. Акцент на города меньше, хотя Киев, несомненно, выделяется на фоне остальных земель «своими» местночтимыми святыми деятелями церкви. Киевские церковные интеллектуалы в первой половине XVII в., по мнению Н.Н. Яковенко, реанимировали концепции Киев – «мать городов русских», «Киев – второй Иерусалим» и «богоспасаемый град» [31]. Можно предположить, что Анфологион, создаваемый накануне назначения православного митрополита, тоже мог стать предвестником этой идеи, развиваемой в 1620–1640-е гг.

Таким образом, старопечатная богослужебная литература – несомненно, один из важных источников, приоткрывающих дверь к пониманию мировоззрения восточнославянского человека раннего Нового времени. Взгляды людей того времени тесно переплетались с религиозной картиной, воспринимаемой через посещение церквей и годовой цикл православных праздников. Поскольку московская печатная книга относительно обширно и быстро распространялась по регионам государства, возрастала доступность богослужений русским святым. Однако наличие записи о памяти «своему» древнерусскому князю, митрополиту, монаху или юродивому вовсе не означало, что в тексте богослужения будет подробное историческое повествование о судьбе древнерусского народа, князя или церковного деятеля. Это утверждение применимо и к киевскому Анфологину 1619 г., где присутствовало множество упоминаний русских святых, но вопрос, велась ли всем им полноценная служба, остаётся открытым.

На богослужении восточнославянский человек не мог увидеть всей исторической картины прошлого Древней Руси, которая предстает в славянских летописях, хрониках или хотя бы частично в полном тексте жития русского святого. На основе минейной или песенной литературы едва ли можно говорить о системных знаниях населения Московского царства и Руси Речи Посполитой о «своей истории». В силу особенностей происхождения и назначения источников упоминаемые исторические сюжеты, как правило, тесно связывались именно с подвигами и заслугами в религиозной области. Можно заметить, что событийные сведения о защите Древней Руси, о монгольском нашествии или о других военных столкновениях довольно кратки, важнее было подчеркнуть символические функции святого и дать нравственную оценку его христианского подвига. Тем не менее человек мог частично воспринять пантеон «своих» святых предков,

у него могли сформироваться взгляды на отдельные сюжеты из истории Древней Руси: о деятельности Владимира, монгольском нашествии, возникновении православных монастырей, русской земле и т. д. Русские святые незримо присутствовали и помогали в борьбе с врагами, в излечении, они покровительствовали людям, русской земле, городу. Церковное богослужение первой трети XVII в. отражало продолжающуюся тенденцию обращения к «своей» истории. Актуализация исторических героев и сюжетов происходила не только через текст служб, но и через визуальные нарративы (фрески, иконы, гравюры), полемические труды, исторические сочинения. А развитие печатного дела способствовало быстрому распространению новых текстов, памяти новым святым и укреплению давно чтимых русских праздников среди восточнославянского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфологион. Киев: Типография Лавры, 1619. 1064 с.
2. *Василик В.В.* Гимнография, посвященная равноапостольному князю Владимиру // «Державы Русския просветители» равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга: Исторический выбор России. М.: Лето, 2019. С. 120–156.
3. *Ерусалимский К.Ю.* История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 55 с.
4. *Исаевич Я.Д.* Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2002. 520 с.
5. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
6. *Кириллин В.М.* Равноапостольный Владимир в гомилиях и гимнографии XI–XV веков // «Державы Русския просветители» равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга: Исторический выбор России. М.: Лето, 2019. С. 156–191.
7. *Кириллин В.М.* Славение великого князя Киевского Владимира Святославича в русском литературном предании XI–XVI веков. Сергиев Посад: Изд-во Моск. духовной академии, 2023. 242 с.
8. *Крылов Г.Л.* Книжная справа XVII века. Богослужебные Минеи. М.: Индрик, 2009. 496 с.
9. *Лебедь М.А.* Деятельность Московского печатного двора как фактор укрепления российской государственности: на примере минейного комплекса первой трети XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 275 с.
10. *Милютенко Н.И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 432 с.

11. *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древние письменные источники. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 573 с.

12. *Миняя служебная.* Апрель. М.: Печатный двор, 1625. 246 л.

13. *Миняя служебная.* Июль. М.: Печатный двор, 1629. 460 л.

14. *Миняя служебная.* Май. М.: Печатный двор, 1626. 468 л.

15. *Миняя служебная.* Октябрь. М.: Печатный двор, 1619. 510 л.

16. *Миняя служебная.* Сентябрь. М.: Печатный двор, 1619. 528 л.

17. *Миняя служебная.* Февраль. М.: Печатный двор, 1622. 294 л.

18 *Митрополит Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. Т. 2. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1857. 368 с

19. *Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. 2: Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России / под ред. А.И. Филюшкина.* СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2022. 560 с.

20. *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной.* М.: Кругъ, 2010. 959 с.

21. *Поздеева И.В.* Московский печатный двор XVII в.: между Средневековьем и Новым временем // Acta Baltico-Slavica. 2016. № 40. С. 126–166. doi: 10.11649/abs.2016.014

22. *Рамазанова Н.В.* Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI–XVII веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 453 с.

23. *Российская государственная библиотека (РГБ).* Ф. 379. № 65. *Миняя служебная за март–май и Миняя общая, на крюковых нотах, середина XVII века.*

24. *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.

25. *Светлова О.В.* Богослужебные тексты святой княгине Ольге // «Державы Русския просветители» равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга: Исторический выбор России. М.: Лето, 2019. С. 438–469.

26. *Серегина Н.С.* Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб.: РИИИ, 1994. 468 с.

27. *Спасский Ф.Г.* Русское литургическое творчество. М.: Издат. Совет Русской Православной Церкви, 2008. 507 с.

28. *Сукина Л.Б.* Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2011. 426 с.

29. *Усачев А.С.* Древняя Русь в исторической мысли 60-х гг. XVI в. (Степенная книга): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 374 с.

30. *Шустова Ю.Э.* Издания Анфологионов в типографии Львовского Успенского братства в XVII–XVIII веках // Румянцевские чтения – 2018: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (24–25 апреля 2018 г.). М.: Пашков дом, 2018. Ч. 3. С. 266–273.

31. Яковенко Н.Н. Символ «Богохранимого града» у київській пропаганді 1620–1640 років // *Mediaevalia Ucrainica*. 1995. Т. 4. С. 52–75.
32. Petrowycz M. The Addition of Slavic Saints to 17th Century Liturgical Calendars of the Kyivan Metropolitanate // *Inquiries into Eastern Christian worship: selected papers of the Second International Congress of the Society of Oriental Liturgy, Rome, 17–21 September 2008*. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2012. P. 331–343.

REFERENCES

1. Anon. (1619) *Anfologion* [Festal Menaion]. Kiev: Tipografiya Lavry.
2. Vasilik, V.V. (2019) *Gimnografiya, posvyashchennaya ravnoapostol'nomu knyazyu Vladimiru* [Hymnography dedicated to the Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir]. In: “*Derzhavy Russkiya prosvetiteli*” *ravnoapostol'nye knyaz' Vladimir i knyaginya Ol'ga: Istoricheskiy vybor Rossii* [“The Powers of the Russian Enlighteners” Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and Princess Olga: The historical choice of Russia]. Moscow: Leto. pp. 120–156.
3. Erusalimsky, K.Yu. (2005) *Istoriya na posol'skoy sluzhbe: diplomatiya i pamyat' v Rossii XVI v.* [History at diplomatic service: Diplomacy and memory in the 16th century Russia]. Moscow: HSE.
4. Isaevich, Ya.D. (2002) *Ukrains'ke knigovidannya: vitoki, rozvitok, problem* [Ukrainian book publishing: origins, development, problems]. Lviv: I. Kripyakevich Institute of Ukrainian Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine.
5. Repina, L.P. (ed.) (2006) *Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and Memory: The Historical Culture of Europe Before the Beginning of Modern Times]. Moscow: Krug”.
6. Kirillin, V.M. (2019) *Ravnoapostol'nyy Vladimir v gomiliyakh i gimnografii XI–XV vekov* [Equal-to-the-Apostles Vladimir in Homilies and Hymnography of the 11th – 15th Centuries]. In: “*Derzhavy Russkiya prosvetiteli*” *ravnoapostol'nye knyaz' Vladimir i knyaginya Ol'ga: Istoricheskiy vybor Rossii* [“The Powers of the Russian Enlighteners” Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and Princess Olga: The historical choice of Russia]. Moscow: Leto. pp. 156–191.
7. Kirillin, V.M. (2023) *Slavlenie velikogo knyazyia Kievskogo Vladimira Svyatoslavicha v russkom literaturnom predanii XI–XVI vekov* [Glorification of the Grand Prince of Kyiv Vladimir Svyatoslavich in Russian Literary Tradition of the 11th – 16th Century]. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy.
8. Krylov, G.L. (2009) *Knizhnaya sprava XVII veka. Bogoslužebnye Minei* [Book Editing of the 17th century. Liturgical Menaion]. Moscow: Indrik.
9. Lebed, M.A. (2011) *Deyatel'nost' Moskovskogo pechatnogo dvora kak faktor ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: na primere mineynogo kompleksa*

pervoy treti XVII v. [The activities of the Moscow Printing House as a factor in strengthening Russian statehood: The Menaion complex of the first third of the 17th century]. History Cand. Diss. Moscow.

10. Milyutenko, N.I. (2006) *Svyatye knyaz'ya-mucheniki Boris i Gleb* [Holy Princes-Martyrs Boris and Gleb]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.

11. Milyutenko, N.I. (2008) *Svyatoy ravnoapostol'nyy knyaz' Vladimir i kreshchenie Rusi. Drevnie pis'mennyye istochniki* [Saint Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and the Baptism of Rus. Old Written Sources]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.

12. Anon. (1625) *Mineya sluzhebnyaya. April'* [Monthly Menaion. April]. Moscow: Pechatnyy dvor.

13. Anon. (1629) *Mineya sluzhebnyaya. Iyul'* [Monthly Menaion. July]. Moscow: Pechatnyy dvor.

14. Anon. (1626) *Mineya sluzhebnyaya. May* [Monthly Menaion. May]. Moscow: Pechatnyy dvor.

15. Anon. (1619) *Mineya sluzhebnyaya. Oktyabr'* [Monthly Menaion. October] Moscow: Pechatnyy dvor.

16. Anon. (1619) *Mineya sluzhebnyaya. Sentyabr'* [Monthly Menaion. September]. Moscow: Pechatnyy dvor.

17. Anon. (1622) *Mineya sluzhebnyaya. Fevral'* [Monthly Menaion. February]. Moscow: Pechatnyy dvor.

18. Metropolitan Macarius (Bulgakov). (1857) *Istoriya Russkoy Tserkvi* [History of the Russian Church]. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

19. Filyushkin, A.I. (ed.) (2022) *Mobilizovannoe Srednevekov'e* [The Mobilized Middle Ages]. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

20. Repina, L.P. (ed.) (2010) *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad* [Images of Time and Historical Representations: Russia – East – West]. Moscow: *Krug*".

21. Pozdeeva, I.V. (2016) Moscow Printing House in the 17th Century: Between the Middle Ages and the Modern Age. *Acta Baltico-Slavica*. 40. pp. 126–166 (in Russian). doi: 10.11649/abs.2016.014

22. Ramazanova, N.V. (2004) *Moskovskoe tsarstvo v tserkovno-pevcheskom iskusstve XVI–XVII vekov* [The Muscovite Tsardom in Church Singing Art of the 16th – 17th Century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

23. The Russian State Library (RGB). *Mineya sluzhebnyaya za mart-may i Mineya obshchaya, na kryukovykh notakh, seredina XVII veka* [Monthly Menaion for March–May and General Menaion, on hook notes, the mid-17th century]. Fund 379. File 65.

24. Rostovtsev, E.A. & Sosnitskiy, D.A. (2014) *Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii* [Main areas of Russian memorial researches]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*. 2. pp. 106–126.

25. Svetlova, O.V. (2019) Bogosluzhebnye teksty svyatoy knyagine Ol'ge

[Liturgical texts to Saint Princess Olga]. In: *“Derzhavy Russkiya prosvetiteli” ravnoapostol'nye knyaz' Vladimir i knyaginya Ol'ga: Istoricheskiy vybor Rossii* [“The Powers of the Russian Enlighteners” Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and Princess Olga: The historical choice of Russia]. Moscow: Leto. pp. 438–469.

26. Seregina, N.S. (1994) *Pesnopeniya russkim svyatyam. Po materialam rukopisnoy pevcheskoy knigi XI–XIX vv. Stikhirar' mesyachnyy* [Hymns to Russian saints. Based on the materials of the manuscript liturgical book of the 11th–19th century. Monthly Sticherarion] St. Petersburg: Russian Institute of Art History.

27. Spasskiy, F.G. (2008) *Russkoe liturgicheskoe tvorchestvo* [Russian Liturgical Creativity]. Moscow: Council of the Russian Orthodox Church.

28. Sukina, L.B. (2011) *Chelovek veruyushchiy v russkoy kul'ture XVI–XVII vekov*. [A believer in the Russian Culture of the 16th–17th century]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

29. Usachev, A.S. (2004) *Drevnyaya Rus' v istoricheskoy mysli 60-kh gg. XVI v. (Stepennaya kniga)* [Old Rus' in the historical thought of the 1560s (Book of Royal Degrees)]. History Cand. Diss. Moscow.

30. Shustova, Yu.E. (2018) *Izdaniya Anfologionov v tipografii L'vovskogo Uspenskogo bratstva v XVII–XVIII vekakh* [Publications of Festal Menaions in the Lviv Stavropihiyan Confraternity printing-house in the 17th and 18th centuries]. *Rumyantsevskie chteniya – 2018* [The Rumyantsev Readings – 2018]. Proc. of the International Scientific and Practical Conferenc. April 24–25, 2018). Vol. 3. Moscow: Pashkov Dom. pp. 266–273.

31. Yakovenko, N.N. (1995) *Simvol “Bogokhranimoogo grada” u kiivs'kiy propagandi 1620–1640 rokiv* [The symbol of the “God-Protected City” in Kyiv propaganda of 1620–1640]. *Mediaevalia Ucrainica*. 4. pp. 52–75.

32. Petrowycz, M. (2012) *The Addition of Slavic Saints to 17th Century Liturgical Calendars of the Kyivan Metropolitanate. Inquiries into Eastern Christian worship*. Selected papers of the Second International Congress of the Society of Oriental Liturgy. Rome, September 17–21, 2008. Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters. pp. 331–343.

Чупрына Юлия Алексеевна – аспирант кафедры истории России с древнейших времён до XX века Института истории Санкт-Петербургского университета (Россия).

Yulia A. Chupryna – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: chupryna.yulya@mail.ru

УДК 94(47+477)"19/21"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/6

Русины Подляшья по данным переписи 1897 г.

В.П. Зиновьев¹, С.Г. Суляк²

¹Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: vpz@tsu.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Обращается внимание специалистов на материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи как на источник по этнической истории народов России. Перепись – выдающийся памятник статистики. Опубликованные материалы переписи насчитывают 89 томов и 119 книг (тетрадей), заполненных комбинированными таблицами и пояснениями к ним. Большинство томов посвящены отдельным губерниям и областям. В общих сводах по империи и в погубернских томах переписи информация разложена на 25 таблиц, распределяющих данные о населении в разных комбинациях по полу, возрасту, сословиям, месту рождения и месту жительства, семейному и хозяйственному положению, грамотности и одержимости физическими недостатками. В таблице XXII «Распределение населения по группам занятий и народностям на основании родного языка» приводится деление всего населения империи вплоть до отдельных уездов на этносы. Русские разделены на великороссов, малороссов и белорусов. В статье рассматривается том LX «Седлецкая губерния», он содержит информацию о русинах Подляшья. Они названы по языку малороссами. Перепись учла в губернии 107 785 малороссов, в т. ч. 25 536 самостоятельных лиц и 82 249 членов их семей из 772 146 чел. общего населения губернии (14 %). Том переписи по Седлецкой губернии имеет еще одну важную черту – довольно обширный и неординарный «Краткий обзор цифровых данных по Седлецкой губернии», выполненный статистиком Юлием Вильгельмовичем Бруннеманом, в котором дается очерк истории русинов Подляшья. Статистика и очерк представляют информацию, достойную внимания исследователей истории русинов.

Ключевые слова: Седлецкая губерния, Подляшье, русины, перепись населения 1897 г.

Rusins of Podlasie according to the 1897 census

Vasily P. Zinoviev¹, Sergey G. Sulyak²

¹ Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: vpz@tsu.ru

² St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

The article draws attention to the data of the First General Population Census of the Russian Empire as a source on the ethnic history of the peoples of Russia. As an outstanding monument of statistics, the Census comprises 89 volumes of 119 books (notebooks) of combined tables and commentary. Most of the volumes describe individual provinces and regions. General summaries of the empire and Provinces contain 25 tables distributing data on the population in different combinations by gender, age, class, place of birth, place of residence, marital status, economic status, literacy, and physical disabilities. Table XXII, "Distribution of the Population by Occupational Groups and Nationalities Based on Native Language," divides the entire population of Russia into ethnic groups. Russians are divided into Great Russians, Little Russians, and Belarusians. The article discusses Volume LX "Siedlce Governorate", which contains the information about the Rusins of Podlasie, classified as Little Russians by their language. The census recorded 107,785 Little Russians in the Governorate, including 25,536 economically active individuals and 82,249 members of their families out of 772,146 people of the total population of the Governorate (14%). Volume LX also contains a rather extensive and unusual "Brief Review of Numeric Data for the Siedlce Governorate", completed by statistician Julius Wilhelmovich Brunneman, which provides an outline of the history of Rusins in Podlasie.

Keywords: Siedlce Governorate, Podlasie, Rusins, the 1897 Population Census

Первая всеобщая перепись населения Российской империи – выдающийся памятник статистики и незаменимый источник для изучения этнического состава населения «разношерстной» Российской империи. В погубернских томах переписи в таблице XXII «Распределение населения по группам занятий и народностям на основании родного языка» приводится деление всего населения империи вплоть до отдельных уездов на этносы.

Настоящая статья является продолжением исследований переписи 1897 г. как источника по истории русинского населения Российской империи [1]. Наше внимание привлёк том LX «Седлецкая губерния», в котором приводится информация о русинах Подляшья. Они названы по языку малороссами.

Перепись учла в губернии 107 785 малороссов, в т. ч. 25 536 самодеятельных лиц и 82 249 членов их семей из 772 146 чел. общего населения губернии (14 %). Они в основном занимались земледелием: 19 437 самодеятельных лиц содержали при этом 76 324 чел. иждивенцев. Положение русинов можно было считать благополучным, т. к. на одного работника-русина (малоросса) в губернии приходилось 3,2 души на содержании. Один работающий содержал себя, жену и более двух детей. Это можно считать расширенным воспроизводством рабочей силы. В земледелии коэффициент воспроизводства равнялся 3,9, таким образом, земледелие было надежным способом жизнеобеспечения этноса. Кроме земледелия русины занимались ремеслом, торговлей, перевозками, но более остального – услужением, которым было занято 2 385 самодеятельных лиц из малороссов. Кроме того, в рядах воинских контингентов, расквартированных в губернии, насчитывалось 1 455 малороссов, однако они были из других губерний России (табл. 1).

Таблица 1

Распределение русского населения Седлецкой губернии по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№	Род занятий населения	Население губернии		Великороссы		Малороссы (русины)		Белороссы	
		Самодеятельные	Иждивенцы	Самодеятельные	Иждивенцы	Самодеятельные	Иждивенцы	Самодеятельные	Иждивенцы
1–3	Управление	2 033	4 857	776	1 613	161	361	12	21
4	Военнослужащие	14 784	902	9 896	712	1 455	37	20	1
5–8	Служители культуры	1 269	3 536	280	667	82	192	2	8
9–12	Образование, наука, культура, медицина	1 875	4 205	396	490	50	119	6	7
13	Прислуга	24 984	33 185	457	316	2 385	2 909	9	9
14–15	Рантье	5 557	8 180	564	311	225	133	2	4
16	Арестанты	540	8	80	0	57	1	0	0

Окончание табл. 1

№	Род занятий населения	Население губернии		Великороссы		Малороссы (русины)		Белорусы	
		Самодельные	Иждивенцы	Самодельные	Иждивенцы	Самодельные	Иждивенцы	Самодельные	Иждивенцы
17–18	Земледелие и пчеловодство	116 727	395 056	490	1 019	19 437	76 324	2	8
19	Животноводство	3 501	4 840	22	20	710	748	1	0
20	Лесные промыслы	758	1 862	1	7	33	83	0	0
21	Рыболовство, охота	127	413	4	2	5	1	0	0
22–40	Промышленность	22 642	58 784	287	252	619	965	8	4
41–45	Транспорт и связь	2 647	7 901	261	491	87	208	61	10
46–62	Торговля	10 132	36 680	45	43	56	65	0	0
63	Неопределенные занятия	1 346	1 226	39	17	137	71	0	0
64	Проституция	42	3	4	1	0	0	3	0
65	Занятия не указаны	704	765	33	30	40	32	0	0
Итого		209 672	562 474	13 638	5 975	25 536	82 249	154	72

Полсчитано по: [2: 132, 138].

Большинство русинов находились в трех уездах: Влодавском – 55,8 % всего населения, Бельском – 38,1 %, Константиновском – 30,5 %. Территория этих уездов и составляла большую часть исторического района Подлясье. Как известно, в 1912 г. из состава Седлецкой и Люблинской губерний была выделена Холмская губерния [3]. Однако ее формирование так и не было завершено до 1917 г. Дальнейшие события оторвали Холмщину и Подлясье от России, они перешли в состав нового польского государства, которое постаралось рассеять русинское население по своей территории и ассимилировать его.

Таблица 2

Распределение населения Седлецкой губернии по сословиям и по родному языку по данным переписи 1897 г. (душ обоего пола)

Народы	Сословия						
	Дворяне потомствен- ные	Дворяне личные и чиновники	Лица духов- ного звания	Почетные граждане	Купцы	Мещане	Крестьяне
Все народы, в т. ч.:	9 370	1248	1278	187	393	170 599	585 227
Русские, из них:	1 795	695	1140	154	23	5 861	117 361
великороссы	1 920	669	1 000	129	23	2 276	13 337
малороссы	49	23	137	17	0	3568	103 844
белорусы	6	3	3	8	0	17	180
Поляки	7 304	524	124	27	30	49 959	450 053
Евреи	11	2	12	4	328	114 322	5 423
В городах	4 256	951	362	94	253	85 657	25 565

Продолжение табл. 2

Народы	Сословия					
	Войсковые казаки	Прочие сословия	Без указания сословий	Ино- странцы	Итого в губернии	В городах
Все народы, в т. ч.:	211	487	207	2939	772 146	117 699
Русские, из них:	208	98	84	25	127 624	16 777
великороссы	106	75	71	7	19613	14 038
малороссы	99	23	9	18	107 785	2 681
белорусы	3	2	4	0	226	58
Поляки	2	376	65	2157	510 621	35 599
Евреи	1	10	38	1	12 0152	63 290
В городах	205	81	48	227	117 699	117 699

Источник: [2: 198–199].

Сведения, представленные в табл. 2, показывают, что городского населения в Седлецкой губернии было 15,2 %, немногим более среднероссийского (13,4 %), однако русинов среди них было мало: евреи составляли 53,8 %, поляки – 30,2, великороссы – 11,9, малороссы – 2,3 %, а если не учитывать малороссов из воинских частей, расквартированных в городах, то остаётся 1 297 малороссов-горожан, или 1,1 % городского населения губернии. Не будет большой ошибкой утверждать, что русины Седлецкой губернии были жителями

деревень. По сословной принадлежности они являлись крестьянами на 96,3 %, мещанами – на 0,3, из духовного сословия – на 0,13, дворянами – на 0,07 %. Среди русинов губернии насчитывались 38 священников, 35 учителей и учительниц, 14 медиков, 1 – из мира искусства, занимались общественной и сословной службой 75 чел., занятых в администрации, судах и полиции – 86 чел. Всего набралось 249 чел., или 0,2 % занятых умственным трудом из всего русинского населения [2: 138].

Эти подсчеты важны и полезны для изучения этнической истории, однако том переписи по Седлецкой губернии имел еще одну важную черту – довольно обширный и не ординарный «Краткий обзор цифровых данных по Седлецкой губернии», выполненный статистиком Юлием Вильгельмовичем Бруннеманом (1847–1919) [2: VII–XXIX]. Он подготовил такие же обзоры по Москве, Санкт-Петербургу, Эриванской губернии. Долгое время он являлся библиотекарем центрального отдела Императорского русского географического общества, старшим редактором Центрального статистического комитета МВД, одним из редакторов и авторов энциклопедии Брокгауза и Ефрона; являлся профессором статистики, действительным статским советником, в 1919 г. – заведующим статистическим отделом в Выборгском районе. Был в 1884 г. награжден за труды Малой золотой медалью Русского географического общества.

Ю.В. Бруннеман не ограничился статистическими выкладками, а дал краткий очерк истории русинов Подляшья. Ссылаясь на труды Павла Игнатьевича Житецкого, он утверждал, что славянские племена – первые известные насельники Подляшья.

П.И. Житецкий (23.12.1836–5.03.1911), авторитетный филолог, знаток малорусского наречия, автор ряда монографий на эту тему, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук. Его мнение заслуживает доверия.

В цифровом обзоре к тому по губернии Ю.В. Бруннеман писал следующее: «Седлецкая губерния, хотя и входит в состав бывшего Царства Польского, в первые века существования русских княжеств, принадлежала русским князьям. Местность, где находится Седлецкая губерния, лежащая к северу от древней Холмской Руси или Холмщины называлась Подляшьем. Название Подляшье распространялось на область, значительно превышавшую нынешнюю Седлецкую губернию, так как часть Подляшья, входившая в состав Забужной Руси, заключала в себе кроме Седлецкой губернии еще Августовский уезд Сувалкской губернии и часть Мазовецкаго уезда Ломжинской губернии. В древние времена русские племена занимали только самую южную и самую северную часть Забужнаго Подляшья; на севере Белорусское,

а на юге Малорусское племя. Вся внутренность области была занята литовско-латышским племенем Ятвягов. Русские племена все более и более подвигались в Ятвяжскую землю; Белорусы с северо-востока из Трокской, Виленской и Гродненской областей, а Малорусы с юга из Бреста, Дрогичина, Брянска и Бельска. Постепенно Малорусы и Белорусы сошлись в своем движении и уже в древние времена плотно основались почти во всем Подляшье, образовав коренное население этой области. Местные народные песни, собранные в новейшее время в уездах Седлецкой губернии: Бельском (пос. Пищац, села Цицибор, Горбово, Кошолы, Желевиха, Иоросли, Шостаки, Яблочня, Сурги), Влодавском (с. Полюбичи), Константиновском (села Голодница, Кленовица, Хотычи, Челегиница) и Радинском (пос. Вогин и с. Пашенки), доказывают, что в весьма давние времена Русские народности составляли уже коренное население нынешней Седлецкой губернии. В упомянутых песнях, по свидетельству знатока южно-русских наречий Житецкого, заметны сохранившиеся черты древне-русского языка и совершенно не заметно существенных следов западно-славянских языков (напр. польского), а имеются только внешние поверхностные наслоения. И по предположению Житецкого, до прибытия в Подляшье русских поселенцев, там жило Славянское племя родственное дреговичам и бужанам или белорусам и малорусам. Благодаря непрерывным вторжениям разных народностей: русских, польских (мазуры), литовско-латышских, в Подляшье на русские народности постоянно насливались иноплеменные и, разумеется, влияли на изменение языка их и обычаев, но все-таки первые настолько крепко пустили свои корни, что и до сих пор в некоторых местах вполне удержали и свой язык, и религию, и обычаи. Русская народность была так крепка, что племена литовско-латышские и польские (мазуры) занимавшие эти земли, значительно обрусевали, в особенности на востоке, нынешних Бельском и Влодавском уездах. Русская народность подкреплялась и в впоследствии новым оседанием малорусских и белорусских поселенцев; благодаря этому на пространстве Седлецкой и Гродненской губерний, пространстве сравнительно небольшом, встречаются все оттенки малороссийских говоров, разбросанных на протяжении от восточных границ Европейской России до пределов Угорской Руси. В настоящее время, в Седлецкой губернии более резко выделяются следующие наречия: волинско-галицкое, северное малорусское, подляшское малорусское, и польско-малорусское. Первое распространено в юго-восточной части Влодавского уезда и в восточной Бельского. Вторым говорят полешуки в западной части Влодавского уезда, это наречие в особенности выделяется в селениях: Ополе, Ганск, Коданец, Любень и Брус. Третье наречие, главным образом, распространяется

по Радинскому уезду и по Влодавскому от границы Радинского и Бельского, например, в Полюбичах, Вишницах, Городище; также по Бельскому и Константиновскому (Россоша, Ломазы, Дубов), на этом наречии сохранилось несколько документов со времен Стефана Батория. Наконец, четвертое наречие или вернее говор встречается и в Радинском, Влодавском и Соколовском и в Седлецком уездах, хотя в двух последних этот говор близок к чистому польскому языку. Нынешняя Седлецкая губерния не только по своему населению была русская, но и в административном отношении страна эта была русская». Первые города здесь также были построены русскими князьями – Романом Воыньским и Даниилом Галицким.

Далее Ю.В. Бруннеман утверждал, что «нынешняя Седлецкая губерния находилась в управлении Поляков всего 262 года, считая здесь и те 16 лет, которые она находилась под управлением автономного царства Польского, под управлением Литвы около 100 лет и под управлением Русских правительств свыше 600 лет. В настоящих своих границах Седлецкая губерния существует с 1867 г., когда согласно новому разделению царства Польского на десять губерний, Седлецкая губерния была составлена из четырех северных уездов бывшей Люблинской губернии: Седлецкого, Бельского, Радинского и Луковского и части Станиславского уезда Варшавской губернии. Распространение польского языка и римско-католического исповедания особенно стало усиливаться со времени учреждения церковной унии. В половине 1591 года, на съезде западнорусских православных архиереев в г. Бресте была доставлена первая грамота об унии, а в 1596 г. на Брестском соборе церковная уния была торжественно провозглашена. В то время Забужная Русь принадлежала к двум православным епархиям: Холмщина (нынешняя Люблинская губерния) принадлежала к Холмско-Белзской, а Подляшье (нынешняя Седлецкая губерния) – к Брестско-Владимирской. В первой из этих епархий, благодаря более сплошному русскому населению, как православие, так и русский язык держались значительно крепче, чем во второй, где, кроме русских, были и литовцы. Эти последние гораздо легче русских поддавались и ополячению и обращению в католичество и тем самым ослабляли силу сопротивления тому и другому в русском православном населении. Церковная уния в Подляшье имела несравненно больше успеха, чем в Холмщине, где большое значение имело образовавшееся в то время православное Люблинское братство; в состав его входили почти все местные православные дворянские роды, как-то; князья Острожские, Друцкие-Горские, Друцкие-Любецкие, Курцевичи-Булыги, Чарторийские, Святополк-Четвертинские, Сангушки-Каширские и т.д. Деятельность этого братства распространялась исключительно на

Холмщину и почти не касалась Подляшья. Многие приходы Седлецкой губернии (Подляшья), в настоящее время сплошь католические, еще во второй половине XVII столетия были православными; сначала они принимали унию, а потом постепенно переходили в католичество, поддаваясь в то же время и ополячению. В XVII столетии уния весьма часто распространялась насильственно польскими властями при деятельном участии католического духовенства. Так как униатское духовенство главную свою поддержку имело в польском католическом духовенстве, то рядом с обращением православных в унию, происходило и ополячение русских, чем значительно облегчалось впоследствии обращение униатов в католичество. Неудивительно, что при таких условиях население нынешней Седлецкой губернии в значительной степени и ополячилось и обратилось в католичество. Наконец окончательное окатоличение униатов произошло после Замойского собора, собранного в 1720 г. для исправления униатского богослужения и установления точных правил для униатского духовенства. После этого собора униатство оказалось настолько близко к католичеству, что переход из первого в последнее не представлял никакого труда, а так как католические приходы в материальном отношении были обставлены несравненно лучше, чем униатские, то униаты в течение всего XVIII столетия, в особенности после 1720 года, переходили вместе со своими священниками, целыми приходами в католичество. Более 60 церквей униатских были или заброшены, или обратились в костелы. В шестидесятых годах XIX столетия униатов в Седлецкой губернии считалось около 108 000, населявших уезды; Бельский, Влодавский, Константиновский, Радинский, Соколовский и Седлецкий, они составляли 110 приходов; еще в девяностых годах показывали себя бывшими униатами около 7 000 православных и около 13 000 католиков. В настоящее время почти 16 % населения Седлецкой губернии исповедует православную религию и 16,5 % считают своим родным языком – русский и все это не пришлый впоследствии народ, а засевший в давние времена на своих местах и отстоявшие с великим трудом свою народность и религию» [2: IX–X]. Ю. Бруннеман отмечает дальше: «Русские народности (великорусы, малорусы и белорусы) более населяют уезды наименее заселенные поляками. Во Влодавском уезде русские составляют свыше 58 % всего населения, затем в Бельском почти 44 % и в Константиновском свыше 33 %, в остальных уездах лиц, считающих своим родным языком русский немного...» [2: XIII].

Полагаем, что на этот труд историкам следует обратить внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиновьев В.П., Суляк С.Г.* Межэтническое разделение труда в Бессарабской губернии по данным переписи 1897 г. // Русин. 2023. № 74. С. 133–147.
2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. 60. Седлецкая губерния. [СПб.]: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. XXX, 217 с.
3. Холмская губерния // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4695808?ysclid=lzjeyw3sw8202813093 (дата обращения: 07.08.2024).

REFERENCE

1. Zinoviev, V.P. & Sulyak, S.G. (2023) Interethnic division of labor in Bessarabia according to the 1897 census. *Rusin*. 74. pp. 133–147 (In Russian). doi: 10.17223/18572685/74/6
2. Troynizkiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire of 1897]. Vol. LX. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
3. old.bigenc.ru. (n.d.) *Kholmская губерния* [Kholm Governorate]. [Online] Available from: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4695808?ysclid=lzjeyw3sw8202813093 (Accessed: 7th August 2024).

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Россия).

Vasily P. Zinoviev – National Research Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47).081/083

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/7

Освещение вопроса помощи слепым в епархиальной периодике Юго-Западного края Российской империи в 1862–1914 гг.

Н.С. Скляренко¹, С.А. Некрылов²

^{1,2} Томский государственный университет

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: Nik_sklyarenko@mail.ru

² E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается вопрос освещения помощи слепым на страницах епархиальной периодики Юго-Западного края Российской империи в 1862–1914 гг. В историографии нет единого подхода к проблеме формирования общественного мнения и популяризации благотворительной деятельности в отношении слепых, его специфика зависит от конкретного исторического периода и региона. В XIX в. проблема помощи инвалидам, в том числе слепым стала актуальной темой общественного и государственного обсуждения. В этой связи епархиальные газеты XIX – начала XX в. являлись важным инструментом пропаганды идей РПЦ, формирования общественного мнения и популяризации благотворительной деятельности. На основе проведенного анализа материалов епархиальных газет Юго-Западного края (1862–1914 гг.) Российской империи, в которую входили Волынская, Подольская и Киевские губернии, авторы выделяют два этапа освещения вопроса помощи слепым и приходят к выводу, что он был неоднороден. При этом в статье особо выделяется второй этап (1881–1914 гг.) в котором происходит эволюция взглядов на оказание помощи слепым, что нашло отражение на страницах периодической печати рассматриваемого региона.

Ключевые слова: епархиальная периодика, слепые, попечительство о слепых, благотворительность, Юго-Западный край

Coverage of the assistance to the blind in the diocesan periodicals of the South-Western region of the Russian Empire in 1862–1914

Nikita S. Sklyarenko¹, Sergey A. Nekrylov²

^{1,2} Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: Nik_sklyarenko@mail.ru

² E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Abstract

The article examines the coverage of assistance to the blind in the diocesan periodicals of the South-Western regions of the Russian Empire in 1862–1914. There is no single approach to the problem of forming public opinion and popularizing charitable activities for the blind in historiography, its specificity depending on a particular historical period and region. In the 19th century, the problem of helping the disabled, including the blind, became a topical issue of public and state discussion. In this regard, diocesan newspapers of the 19th – early 20th century were an important tool for promoting the ideas of the Russian Orthodox Church, forming public opinion and popularizing charitable activities. Based on the analysis of materials from diocesan newspapers of the South-Western regions (1862–1914) of the Russian Empire, which included Volhynia, Podolsk, and Kyiv provinces, the authors identify two stages of coverage of assistance to the blind and conclude that it was heterogeneous. The article particularly highlights the second stage (1881–1914), when the views on assistance to the blind evolved.

Keywords: diocesan periodicals, the blind, guardianship of the blind, charity, South-Western region

В XIX в. проблема помощи инвалидам, в том числе слепым и слабовидящим стала актуальной темой общественного и государственного дискурса. В это время формировалось понимание ответственности перед немощными членами общества, развивались механизмы помощи, а также формировалось общественное мнение о месте слепых в жизни общества. Важную роль в этом процессе играла Русская православная церковь (РПЦ), которая традиционно выступала в качестве морального и практического лидера в сфере благотворительности.

Епархиальные газеты XIX – начала XX в. являлись важным инструментом пропаганды идей РПЦ, формирования общественного мнения и популяризации благотворительной деятельности. На их страницах освещались различные аспекты церковной жизни, в том числе вопросы помощи нуждающимся, в частности слепым.

Хронологическими рамками исследования являются 1862–1914 гг., т. к. в это время прослеживается эволюция представления и отношения РПЦ к помощи и призрению слепых – от помощи, ограничивающейся денежной благотворительностью и призрением богадельням, до социализации слепых (в том числе обучения посильному ремеслу).

Источниковой базой исследования выступили периодические издания епархий, которые выпускались в губерниях Юго-Западного края: **Волынские** (1867–1916), **Киевские** (1868–1918) и **Подольские** (1862–1905; с 1906 г. были переименованы в журнал «Православная Подолия») епархиальные ведомости. Также для более всестороннего рассмотрения темы использовались отчёты Мариинского попечительства о слепых.

Методология дискурс-анализа разрабатывалась по Т.В. Лисовской[15]. Так, на основе привлеченной методологической разработки производилось составление собственного исследовательского поля:

- 1) Субъект коммуникации: священнослужители РПЦ;
- 2) Коммуникативная деятельность: проповеди и статьи, посвященные помощи слепым;
- 3) Текст: православная периодическая печать;
- 4) Среда создания, включающая два этапа освещения помощи слепым, о которых более подробно будет сказано ниже, 1861-1880 гг. и 1881-1914 гг. Ключевой особенностью является отношение к слепому, как субъекту помощи.

Работа направлена на изучение подходов и методов, использовавшихся на страницах епархиальных ведомостей Юго-Западного края, для освещения проблемы помощи слепым в конкретном историческом контексте: как именно епархиальные газеты освещали деятельность учреждений, связанную с помощью слепым (создание и деятельность богаделен и школ, киевского отделения Мариинского попечительства о слепых), и формировали общественное мнение о проблеме слепоты и необходимости помощи данной категории людей, а также каким образом епархиальная периодика пропагандировала благотворительность в пользу слепых. Таким образом, исследование данного периода с использованием указанного источника позволило проанализировать изменения в отношении к рассматриваемой проблеме в контексте церковной деятельности и общественного мнения с середины XIX в. до начала Первой мировой войны.

Выбор Юго-Западного края обусловлен несколькими факторами. Анализ данных двух переписей населения, в которых учитывались слепые, показал, что за почти десять лет на данной территории наблюдается значительный рост числа людей с нарушениями зрения. Это позволяет предположить наличие серьёзных проблем с глазными заболеваниями в данном регионе. Кроме того, на территории Киево-Печерского монастыря начинает формироваться традиция российско-го попечения «убогих» (нищих, слепых, глухих), которая со временем станет одним из двух типов общественного призрения – «почвенное», народное, характеризующееся, главным образом, принципом «накормить голодного, напоить жаждущего, провести заключённого, подать нуждающемуся» [16: 14]. Между тем Юго-Западный край в третьей четверти XIX в. на фоне нарастающих преобразований социального обеспечения слепых становится одним из его центров. Так, в Киевской (1882) и Подольской (1883) губерниях открываются отделения Мариинского попечительства о слепых (1881). Таким образом, Юго-Западный край в изучаемый период, с одной стороны, включал в себя основы народного призрения, а с другой – являлся одним из очагов современного на тот момент тренда «деятельной» благотворительности.

Существует множество исследований, посвящённых вопросу поддержки инвалидов по зрению в Российской империи, но для них характерно изучение общероссийской проблематики [2; 16; 32]. В то же время украинские и белорусские учёные активизировали научные исследования над проблемой помощи слепым в XIX – начале XX в. на современных территориях Беларуси и Украины [13; 14; 33; 34]. Несмотря на все положительные аспекты данных работ, роль периодических изданий, особенно церковных, как одного из факторов влияния на общественное мнение относительно помощи слепым остается недостаточно освещенной.

В период с 1862 по 1914 г. в 377 номерах исследуемых газет встречаются статьи, заметки, циркуляры либо упоминания, связанные с вопросом оказания помощи слепым: «Волинские епархиальные ведомости» (ВЕВ) – 92 номера (5,61 % от всех номеров газеты исследуемого периода (1 640)), «Киевские епархиальные ведомости» (КЕВ) – 149 номера (8,49 % от всех номеров исследуемого периода (1 754)), «Подольские епархиальные ведомости» (ПЕВ) и журнал «Православная Подолия» – 136 номера (7,46 % от всех номеров исследуемого периода (1 822)).

На основе проведённого анализа выяснилось, что период можно разделить на два этапа в соответствии с их содержательной направленностью:

1. 1861–1880 гг. – редакция газет освещала помощь слепым в соответствии с собственными интересами и предпочтениями; наблюдается низкая частота публикаций (из 377 выявленных номеров на данный этап приходится только 54 номеров).

2. 1881–1914 гг. – после создания ведомства призрения слепых в составе Ведомства учреждений императрицы Марии (Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых) тема освещения помощи слепым в газетах транслируется согласно политике Попечительства.

Одной из общих тем 1-го этапа исследуемых газет, которая не совсем вписался в рамки освещения оказания помощи, являются заметки (в 7 номерах) о литературном творчестве Г.И. Ширяева, которому, несмотря на полученную в детстве от оспы слепоту, удалось не только посетить святые места в Российской империи (в Казани, Киеве, Соловецком монастыре и др.), но и отправиться в Святую землю, после чего он занялся описанием своих путешествий и размышлением на богословские темы. Однако, не считая информирования читателей о поступающих сочинениях автора, в периодике отсутствуют заметки о его биографии. Возможной причиной подобного отношения к положению слепого является представление о слепоте и помощи слепым. Так, на основе проанализированных «Поучений в неделю о слепом» возникает представление, что для священнослужителей исследуемых епархий важнее было наставлять прихожан на «исцеление» внутренней, «духовной слепоты», чем на оказание помощи людям с «физической слепотой» [26–28]. При этом вопрос об оказании помощи слепым не снимался вовсе, поскольку в ментальности того периода была чёткая установка о необходимости оказания помощи немощным (в том числе и слепым) в связи с устоявшейся ещё с Крещения Руси традиции, которую можно охарактеризовать со ссылкой на слова жителя того времени: «...за милосердие, оказываемое бедному, слепому, больному телом, Отец небесный обещает и дарует Свои небесные и земные благословения сторицею...» [4]. Как правило, на страницах исследуемых газет милосердие сводилось к выдаче пособий и подаваний, мысли о создании большого числа богаделен, впрочем, в № 4 «Волынских епархиальных ведомостей» от 16 февраля 1873 г., встречаются статьи об истории «Института слепых» и «Мариинского института для слепых девиц», которые дополнялись информацией о правилах приёма в данные учебные заведения, однако это единственный случай фиксации публикаций данного направления [6].

Переходным периодом ко второму этапу, предположительно, является 1880 г., когда в двух номерах «Киевских епархиальных ведомостей» публикуется статья об организации приюта для ослепших

(на Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – *Н.С., С.Н.*) воинов. Причинами такого выбора являются следующие обстоятельства. Во-первых, основанный приют создавался не как «классическая» богадельня, а как учреждение, в котором ослепшие воины получали «профессию» (плетение корзин, матов и т. д.). Во-вторых, в организации данного приюта принял участие член Госсовета К.К. Грот – один из главных организаторов системы попечения над слепым в Российской империи. Таким образом, создавалась система, на базе которой впоследствии начнет проводить свою политику Мариинское попечительство о слепых.

Второй этап освещения помощи слепым неразрывно связан с деятельностью Мариинского попечительства о слепых (позднее – Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых). Прежде чем анализировать второй этап, необходимо вкратце охарактеризовать цель и область деятельности самого Попечительства для понимания исторического контекста. Созданное в 1881 г., оно видело задачи в распределении среди слепых поступающих пожертвований, а также «в разумном воспитании и обучении слепых детей и в приучении к труду взрослых слепцов... с целью поднять слепых по возможности до уровня зрячих» [29]. Также существовала задача по предупреждению слепоты, однако в первые годы деятельности Попечительства этому аспекту в силу финансовых и организационных трудностей не уделялось большого внимания, а первые «глазные» (окулистические) отряды начнут свою работу только с 1893 г. Не делая национальных, сословных и религиозных различий, Попечительство о слепых ставило своей целью помощь всем слепым, проживающим на территории Российской империи, что больше совпадало с идеями европейских просветителей того времени, чем с традиционной православной благотворительной этикой. Иначе говоря, Попечительство олицетворяло малочисленную прогрессивную верхушку общества, «цивилизацию» (по В.О. Ключевскому), которая стремилась насаждать современные на тот момент благотворительные новации в российском обществе.

На территории Юго-Западного края существовало два отделения Попечительства: Киевское и Каменец-Подольское. В Волынской губернии отсутствовало такое отделение, однако имелся свой уполномоченный, заведующий сборами в пользу Попечительства. Первое учебное заведение для слепых появляется в Киеве в 1882 г. В Каменец-Подольске сначала в 1884 г. открывается богадельня для взрослых слепых, спустя 10 лет появляется также училище для слепых [14: 199–200]. Первые окулистические отряды начали свою деятельность в Юго-Западном крае с 1894 г. К сожалению, не представляется возможным определить точное количество глазных

отрядов, работавших на территории Юго-Западного края, можно только установить период их деятельности – 1894–1913 гг. Также в 1890-е гг. начинают создаваться лечебницы Попечительства, где на постоянной основе оказывалась врачебная помощь слепым. Таким образом, можно установить, что изначально под руководством Мариинского попечительства о слепых на территории Юго-Западного края организовалась сначала система социальной помощи (богадельни и училища), а затем началась работа медицинских служб.

Деятельность Мариинского попечительства о слепых отмечается в каждом материале газет, связанном с помощью слепым [25]. Причём этому моменту стремятся придать легитимный характер. Примером тому могут служить церковные сборы «в неделю о слепых». Необходимо уточнить, что сборы «в неделю слепых» проводились до 1881 г. Предположительно, они начались в 1860–1870-е гг., так как в это время появляются первые проповеди, связанные с данной неделей, однако трудно установить их эффективность, так как частота публикаций проповедей была низкой (4 проповеди за 20 лет). Изначально предполагалось, что пожертвования должны были оставаться в ведомстве прихода/епархии, но Попечительству удалось отстоять право на их использование. Так, с 1881 по 1914 г. в «Епархиальных ведомостях» периодически публиковались «Определения святейшего Синода», в которых недвусмысленно утверждалось, что «по указу Его Императорского Величества» все собранные в течение «недели о слепых» сборы должны отправляться сотрудникам-уполномоченным Попечительства, которые имелись в каждой губернии. Кроме того, на страницах «Ведомостей» печатались благодарности священнослужителям от Попечительства за деятельность в оказании помощи слепым, тем самым подчёркивая своё первенство по вопросу призрения слепых [12].

Впрочем, возможно, именно переход сборов «недели о слепых» в ведомство Мариинского попечительства о слепых повлиял на то, что сборам начинают придавать большее значение. Так, на страницах «Епархиальных ведомостей» тема сбора средств на помощь слепым зафиксирована в 74 номерах: в ВЕВ – в 18 номерах, в КЕВ – в 33 номерах, в ПЕВ – в 25 номерах. Часть заметок сводилась к информированию читателя о времени проведения сбора (5-я или 6-я неделя после Пасхи), однако также встречались циркуляры и распоряжения о принципах организации сбора средств в течение «недели о слепых», а также о порядке их переправления в Попечительство. Так, для наибольшего охвата священнослужителям рекомендовалось читать «Слово о слепом» не после литургии, а «вслед за чтением св. Евангелия» – во время наибольшего присутствия прихожан [17]. Об

эффективности проводимых сборов в «неделю о слепых» можно судить из табл. 1, составленной на основе отчётов Мариинского попечительства о слепых.

Таблица 1

Денежные суммы от церковных сборов

№ п/п	Название территории	1899 г.	1901 г.	1903 г.	1905 г.	1912 г.
1	Вологодская губ.	942 р. 52 ½ к.	1 041 р. 63 к.	777 р.	591 р. 59 к.	1 238 р. 60 к.
2	Волынская губ. ¹	1 316 р. 98 к.	1 835 р. 18 к.	–	709 р. 38 к.	2 422 р. 2 к.
3	Воронежская губ.	4 713 р. 88 к.	5 096 р. 9 к.	4 695 р.	2 339 р. 65 к.	4 262 р.
4	Иркутское отд.	–	1 595 р. 70 к.	–	573 р. 14 к.	706 р.
5	Кавказское отд.	7 680 р. 80 ½ к.	9 491 р. 13 к.	12 413 р.	8 832 р. 90 к.	2 174 р.
6	Казанская губ.	1 836 р. 18 к.	2 711 р. 80 к.	1 991 р.	2 930 р. 13 к.	1 246 р.
7	Киевская губ.	5 188 р. 73 к.	4 891 р. 26 к.	3 203 р.	2 572 р. 34 к.	3 636 р.
8	Московская губ.	8 368 р. 65 к.	7 593 р. 28 к.	6 076 р.	6 155 р. 94 к.	4 179 р.
9	Подольская губ.	2 073 р. 42 к.	1 651 р. 13 к.	2 201 р.	1 010 р. 18 к.	3 544 р.
10	Псковская губ.	580 р. 20 к.	1 346 р. 50 к.	601 р.	895 р. 51 к.	745 р.

Источник: [16: 257; 20–23].

Как можно заметить, доходы от кружечного сбора во время «недели о слепых» не были устойчивыми, являясь при этом важной статьёй дохода Попечительства о слепых. На динамику поступления влияли как активность священников, так и политические события в стране. Например, события Русско-японской войны оказали заметное воздействие на проводимый в 1905 г. сбор.

Ещё один заметный, но неоднородный раздел, который встречается на страницах исследуемых «Епархиальных ведомостей», – тема организации офтальмологической помощи слепым и слабовидящим. На территории Юго-Западного края она осуществлялась через деятельность «летучих» окулистических (глазных) отрядов при поддержке

Киевского отделения Попечительства о слепых, организованного в 1881 г. Целями создания таких отрядов, с одной стороны была помощь как можно большему числу людей с болезнями глаз, а с другой – организация практики для молодых специалистов. Первый отряд начинает действовать в 1894 г., располагаясь в местечке Пиковое Винницкого уезда Подольской губернии. Руководил отрядом доктор М. Козловский и Миткевич. Являясь первым подобным опытом, деятельность отряда не получила широкой огласки. Встречается только одна заметка в КЕВ в 1894 г., а также в 1895 г. По результатам деятельности всех окулистических отрядов Российской империи за 1894 г. в КЕВ и ВЕВ были опубликованы отчёты об их работе. В «Подольских епархиальных ведомостях» заметки о последующих глазных отрядах стали появляться только с 1896 г. (две заметки). Впоследствии были опубликованы заметки о деятельности глазных отрядов в 1897, 1900, 1902, 1903 гг. В общей сложности в трех епархиальных газетах зафиксировано 18 публикаций, связанных с деятельностью глазных «летучих» отрядов.

При этом вызывают вопросы отсутствие в «Ведомостях» отчётов, связанных непосредственно с деятельностью глазных отрядов в Волынской, Подольской и Киевской губерниях, т. к. Мариинское попечительство о слепых ежегодно публиковало данные о деятельности как окулистических отрядов, так и «постоянных глазных пунктов и лечебниц». Так, их число с 1893 по 1911 г. в Российской империи увеличилось с 4 до 142 ед., 10 из которых находились Юго-Западном крае [19: 43–46]. Можно предположить, что это могло быть связано с высокой степенью осведомлённости о месторасположении данных лечебных заведений среди местного населения. Однако в таком случае не совсем понятна причина информирования населения о проводившейся в 1913 г. в Староконстантиновском уезде Волынской губернии «высадке» очередного летучего отряда, который был организован по просьбе местного населения (кроме того, это первая и единственная заметка об отправлении «летучего отряда» в Волынскую губернию) [10].

Интересным моментом является вопрос, связанный с определением численности слепых на страницах «Епархиальных ведомостей». Необходимо сразу отметить, что освещался он крайне слабо с допущением некоторых погрешностей. Это проявлялось как в неточностях указания численности людей с нарушениями зрения в статьях и проповедях, так и в недостаточном внимании к переписям населения в Российской империи. Так, до проведения первой *переписи для слепых* в 1886 г.² разброс численности мог составлять от 100 тыс. [7] до 1 млн человек [8]. Объективные данные стали появ-

латься в «Ведомостях» ближе к 1889 г., т. е. через 3 года после проведения переписи [9]. Так, оказалось, что приблизительная численность слепых в Российской империи – более 174 тыс. человек (примерно 20 слепых на 10 тыс. человек), что оказалось в пять раз больше, чем в «Голландии» (Нидерландах) (4,5 на 10 тыс.), или в два раза, чем в Австрии (9,1 на 10 тыс.) и США (9,8 на 10 тыс. человек) [9; 11: 18]. При этом, освещая общую статистику, в «Епархиальных ведомостях» не приводились данные о численности слепых на территории Юго-Западного края. На основе этого было принято решение изучить данный вопрос для понимания масштаба проблемы. Использовались переписи, в которых была зафиксирована численность слепых: 1886 и 1897 гг. На основании этих данных удалось определить, что за десять лет (с 1886 по 1897 г.) количество слепых в каждой губернии Юго-Западного края возросло на 15 %. Таким образом, несмотря на рост числа слепых на исследуемой территории, редакции «Ведомостей» не стремилось освещать данную проблему, хотя она могла привлечь внимание общественности.

Таблица 2

Статистика численности слепых

№ п/п	Название губернии	1886 г.			1897 г.			
		Муж.	Жен.	Итог	Муж.	Жен.	Итог	Рост, %
1	Киевская	3 060	2 286	5346	3 367	2 928	6295	15,08
2	Подольская	2 455	1 776	4231	2 717	2 269	4986	15,14
3	Волынская	1 954	1 449	3403	2 182	1 919	4101	17,02

Источник: [1; 24].

Помимо освещения финансово-медицинских проблем слепых на страницах газет начинают публиковаться объявления на подписку журналов, освещающих вопросы образования и социального призражения слепых: журналы «Русский слепец» (1887–1890) и «Слепец» (1890–1917), издававшиеся при поддержке Мариинского попечительства о слепых, и киевский (частный) журнал «Друг слепых» (1886–1888). Содержание объявлений наталкивает на мысль об их формальном характере, поскольку отсутствует стремление обратить внимание читателя на важность данных журналов как источники по изучению проблемы слепоты и слепых. Структура приглашения на подписку для всех трех журналов, в целом, однотипна. Состояла она из самого «названия-шапки», стоимости подписки и программы-содержания номера, где кратко описывались основные темы выходящего номера. Всего в «Епархиальных ведомостях» Юго-Западного края

за весь период (1886–1914 гг.) было опубликовано 15 приглашений. Возможно, редакторы епархиальных газет не придавали должного значения данной специализированной периодике, ставя в приоритет более насущные проблемы например, освещение деятельности Мариинского попечительства о слепых или оповещение прихожан об очередной «неделе о слепых», поскольку это, возможно, было эффективнее для дела благотворительности.

С 1881 г. в европейской части Российской империи начинается активное создание сети специальных учебных заведений для слепых (Санкт-Петербург, Киев, Казань и др.). Для информирования населения об открытии новых «институтов» и «училищ» в «Епархиальных ведомостях» края публиковались заметки о приёме в учебное заведение. Так, предлагалось отправлять детей в специальные учебные заведения Минска, Харькова, Санкт-Петербурга и других городов. Кроме того, публиковались материалы, связанные с темой помощи слепым и слабовидящим. Таким примером является опубликованное в 1888 г. «Руководство для первоначального воспитания слепых детей», переведённое с французского сотрудниками журнала «Русский слепец». Состояло оно из 18 пунктов, содержавших базовые принципы взаимодействия с ребёнком, потерявшим зрение: поощрение самостоятельности, активности и любознательности, стремление «приучения» ребёнка жить с учётом своих особенностей.

«Последуйте же, родители, примеру многих других: если вы это сделаете, то дитя будет вам обязано своим счастьем; как доказано опытом, оно впоследствии достигнет возможности содержать себя честным трудом. Если же вы этого не сделаете, то вам это не простится, ваше дитя станет для всех тяжёлым бременем, будет чувствовать себя несчастным и ни к чему негодным, и наконец, когда оно узнает, что многие другие слепые содержат себя собственным трудом и находят в работе пользу и утешение, ваше дитя будет вас упрекать в том, что вы недостаточно заботились об его первоначальном воспитании, и таким образом стали прямыми виновниками его несчастной жизни» [31].

Приведённый текстовый фрагмент, предполагает, что адресат обладает недостаточным объёмом знаний и, намереваясь устранить данный пробел, настоятельно рекомендует читателю следовать приведённым в «Руководстве...» правилам в силу нежелательных для читателя последствий. Сам текст, возможно, был больше рассчитан на сельского обывателя в силу его общей малограмотности по сравнению с горожанином, поскольку прослеживается «проповедческий» стиль подачи информации (акцент на нравоучение, подражание добродетельным «родителям»).

Данное «Руководство» было опубликовано не только в «Епархи-

альных ведомостях» Юго-Западного края, но и, если верить редакции журнала, «во всех губернских и епархиальных ведомостях» [30]. Несмотря на большую значимость «Руководства» для общественности как первого случая всеобщего информирования населения о принципах правильного воспитания ослепшего ребёнка, в дальнейшем его не перепечатывали. Возможно, руководство Попечительства посчитало, что такого объёма будет более чем достаточно для населения.

В сущности, на втором этапе прослеживается трансформация дискурса в исследуемой периодике. Так, появляются выдержки о необходимости слепых не только призывать «денежно», но и обучать: «С лишением органа зрения, как прямого проводника духовного развития человека, несчастные слепые дети лишаются навсегда не только духовного развития, но и возможности приучиться к тем *полезным занятиям* (курсив наш. – Н.С., С.Н.), которые могли бы обеспечивать их *безбедное существование*» [3].

Кроме того, в газетах начинают публиковаться обращения к священникам с целью изучения происхождения «калечности» человека, просящего милостыню, мотивируя это умышленным причинением вреда здоровью с целью заработка либо для себя, либо для постороннего человека. Например, в 23-м номере «Волынских епархиальных ведомостей» от 1901 г. помещена статья «Вниманию духовенства» ужасающего характера. В ней повествуется о мальчике, который был похищен нищими-слепыми. Кроме того что ребёнок провёл в заточении около двух лет, исполняя роль поводыря для слепых, так ещё остался инвалидом, поскольку он был сначала «покалечен» (с целью получения дополнительных «рабочих рук» для милостыни), и в течение этого период «люди-звери всегда больно били, истязали и издевались над беззащитным ребёнком» [5]. Таким образом, наблюдается постепенный сдвиг от установившейся православной традиции призрения, когда человек-инвалид (слепой, глухой, «калеченный») являлся личностью «блаженной», заслуживающей подаяния, но не социализации, к постепенному осознанию необходимости интегрировать инвалидов в общество. Более того, начинается борьба с нищенством инвалидов как явлением, поскольку «практика» умышленного «калечения» была «популярна» не только в Российской империи, но и на Западе [16: 93].

Таким образом, на основе проведённого исследования можно сделать выводы о том, что, несмотря на нахождение на общей территории (Юго-Западный край), вопрос освещения помощи слепым в исследуемых газетах был неоднороден. Это особо касается первого этапа (1861–1880 гг.), когда у епархий была свобода творчества, однако она, как правило, сводилось к проповедям в «неделю о

слепом», где акцент делался больше на духовную слепоту. Сама же помощь слепым ограничилась либо призывом помещать слепых в богадельни, либо поощрением раздачи милостыни. Таким образом, на данном этапе существовали субъект-объектные отношения в соответствии с русской православной благотворительной традицией [16: 64]. На втором этапе с организацией Мариинского попечительства о слепых происходит упорядочивание системы помощи инвалидам с проблемами зрения. Под патронажем Попечительства создаются новые учебные заведения для слепых и организованы «летучие» глазные отряды. Поэтому с целью информирования о своей деятельности в Юго-Западном крае Попечительство активно использует «Епархиальные ведомости», при этом, как правило, они продолжают функционировать разрозненно, освещая деятельность помощи слепых в пределах своей епархии, либо затрагивают события общеимперского масштаба. Необходимо отметить, что «Епархиальные ведомости» по отношению к Попечительству о слепых находились в подчинённом положении, транслируя достижения и направления деятельности Попечительства. Впрочем, в этом есть логическое объяснение, поскольку Попечительство целенаправленно занималось помощью слепым, в отличие от РПЦ, у которой помощь слепым была одним из направлений благотворительности, что, возможно, являлось одной из причин слабого (по сравнению со вторым этапом) освещения вопроса помощи слепым и слабовидящим до 1881 г. Ещё одной из возможных причин отсутствия формирования более эффективной системы помощи слепым, а следовательно, и освещения этого вопроса в Юго-Западном крае до 1881 г. может быть частая смена высшего руководства. Так, за исследуемый период, на пост генерал-губернатора Юго-Западного края занимали 10 человек, а в Каменец-Подольской епархии – 13 епископов, которые, скорее всего, имели разные взгляды на организацию призрения нищих, слепых и т. д. Таким образом, не удавалось при такой текучести кадров организовать отлаженную систему, что негативно сказывалось на организации помощи слепым в Юго-Западном крае.

Примечания

1. До 1914 г. в Волынской губернии не существовало своего отделения Попечительства о слепых.

2. Перепись населения 1886 г. проводилась только в европейской части Российской империи, не затронув территории Сибири и Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аленицын В.Д.* Статистика слепых в России по переписи 1886 года / разработано редакторами Центрального Статистического Комитета В. Аленицыным и А. Сырневым. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1888. 223 с.

2. *Бадя Л.В.* Трудовая помощь детям-инвалидам в учебно-воспитательных учреждениях дореволюционной России // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2006. Т. 2, № 10. С. 137–147.

3. Беседа в день освящения храма в здании для Убежища и училища слепых детей // Киевские епархиальные ведомости. 1883. 30 декабря. № 24. С. 503.

4. Благочестивые соотечественники! // Киевские епархиальные ведомости. 1864. 15 апреля. № 8. С. 251.

5. Вниманию духовенства // Волынские епархиальные ведомости. 1901. 11 августа. № 23. С. 682–684.

6. Волынские епархиальные ведомости. 1873. 16 февраля. № 4. С. 91–101.

7. Волынские епархиальные ведомости. 1881. 11 мая. № 14. С. 303.

8. Волынские епархиальные ведомости. 1886. 1 мая. № 13. С. 411.

9. Волынские епархиальные ведомости. 1889. 21 декабря. № 36. С. 936–937.

10. Волынские епархиальные ведомости. 1913. 25 апреля. № 17. С. 304–305.

11. *Головин С.С.*, профессор имп. Новороссийского университета. О слепоте в России. Одесса: Типография «Техник», 1910. 124 с.

12. Известия и заметки // Подольские епархиальные ведомости. 1885. 2 марта. № 9. С. 176–177.

13. *Корсаков Д.Г.* Деятельность Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых в белорусских губерниях Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2019. № 4. С. 56–63.

14. *Кравченко О.В.* Опіка над дітьми на українських землях у складі Російської імперії наприкінці XVIII – на початку XX ст.: дис. ... докт. іст. наук. Харків, 2019. 690 с.

15. *Лисовская Т.В.* Дискурс-анализ в изучении конфессиональной истории: теория и практика // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 1. С. 5–18.

16. *Малофеев Н.Н.* Специальное образование в меняющемся мире. Россия: учеб. пособие для студентов пед. вузов: в 2 ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 2010. 319 с.

17. Определение святейшего синода // Киевские епархиальные ведомости. 1882. 30 марта. № 6. С. 104.

18. Определения святейшего синода // Волынские епархиальные ведомости. 1883. 11 мая. № 14. С. 388.
19. Отчёт Особого отдела по предупреждению слепоты за 1911 год / сост. постоянный окулист Попечительства Л.П. Аствацатуров; ред. д-р М.И. Рейх. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 171 с.
20. Отчёт № 17 попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1899 год. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1900. 253 с.
21. Отчёт № 19 попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1901 год. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. 282 с.
22. Отчёт № 23 попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1905 год. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. 283 с.
23. Отчёт № 30 попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1912 год. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 285 с.
24. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. [СПб.]: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1897–1905.
25. Подольские епархиальные ведомости. 1882. 6 апреля. № 13–14. С. 149.
26. Поучение в неделю о слепом, сказанное в Балтской Николаевской церкви 24 мая // Подольские епархиальные ведомости. 1864. 1 июля. № 13. С. 450–452.
27. Поучение в неделю о слепом // Подольские епархиальные ведомости. 1867. 15 мая. № 10. С. 331–333.
28. Поучение в неделю шестую – о слепом // Киевские епархиальные ведомости. 1878. 1 ноября. № 21. С. 593–595.
29. Русский слепец: журнал для обсуждения вопросов, касающихся улучшения положения слепых. 1886. Январь. № 1. С. 5.
30. Русский слепец: журнал для обсуждения вопросов, касающихся улучшения положения слепых. 1888. Май. № 5. С. 38.
31. Руководство для первоначального воспитания слепых детей // Киевские епархиальные ведомости. 1888. 15–23 апреля. № 15–16. С. 229–235.
32. *Слугина Н.В.* Благотворительные социально-педагогические заведения для детей в Туле и Тульской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 448–453.
33. *Стремецька В.О.* Організація навчання сліпих та глухонімих дітей у XIX – на початку XX століття // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили комплексу «Києво-Могилянська академія»]. Сер.: Педагогіка. 2009. Т. 112, вип. 99. С. 143–147.
34. *Фурман А.В., Підгурська М.В.* Історія соціальної роботи. Тернопіль: ТНЕУ, 2014. 174 с.

REFERENCE

1. Alenitsyn, V.D. (ed.) (1888) *Statistika slepykh v Rossii po perepisi 1886 goda* [Statistics of the blind in Russia according to the 1886 census]. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.

2. Badya, L.V. (2006) *Trudovaya pomoshch' detyam-invalidam v uchebno-vospitatel'nykh uchrezhdeniyakh dorevolutsionnoy Rossii* [Labor assistance to disabled children in educational institutions of pre-revolutionary Russia]. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal "Gaudeamus"*. Vol. 2(10). pp. 137–147.

3. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. (1883) *Beseda v den' osveshcheniya khrama v zdanii dlya Ubezhishcha i uchilishcha slepykh detey* [Conversation on the day of the consecration of the church in the building for the Shelter and School for Blind Children]. 30th December. p. 503.

4. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. (1864) *Blagochestivye sootechestvenniki!* [Pious compatriots!]. 15th April. p. 251.

Volynskie eparkhial'nye vedomosti. (1901) *Vnimaniyu dukhovenstva* [To the attention of the clergy]. 11th August. pp. 682–684.

5. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1873) 16th February. pp. 91–101.

6. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1881) 11th May. p. 303.

7. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1886) 1st May. p. 411.

8. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1889) 21st December. pp. 936–937.

9. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913) 25th April. pp. 304–305.

10. Golovin, S.S. (1910) *O slepote v Rossii* [About blindness in Russia]. Odessa: Tekhnik.

11. *Podol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1885) *Izvestiya i zametki* [News and notes]. 2nd March. pp. 176–177.

12. Korsakov, D.G. (2019) *Deyatel'nost' Popechitel'stva imperatritsy Marii Aleksandrovny o slepykh v belorusskikh guberniyakh Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Activities of the Guardianship of Empress Maria Alexandrovna for the Blind in the Belarusian Provinces of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries)]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 4. pp. 56–63.

13. Kravchenko, O.V. (2019) *Opika nad dit'mi na ukrains'kikh zemlyakh u skladi Rosiys'koi imperii naprikintsi XVIII – na pochatku XX st.* History Dr. Diss. Kharkiv.

14. Lisovskaya, T.V. (2023) *Diskurs-analiz v izuchenii konfessional'noy istorii: teoriya i praktika* [Discourse analysis in the study of confessional history: Theory and practice]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 1. pp. 5–18.

15. Malofeev, N.N. (2010) *Spetsial'noe obrazovanie v menyayushchemsya mire. Rossiya* [Special Education in a Changing World. Russia]. Moscow: Prosveshchenie.

16. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. (1882) *Opreделение svyateyshego sinoda* [Definition of the Holy Synod]. 30th March. p. 104.

17. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1883) Opredelenie svyateyshego sinoda [Definition of the Holy Synod]. 11th May. p. 388.
18. Astvatsaturov, L.P. & Reykh, M.I. (1913) *Otchet Osobogo otdela po preduprezhdeniyu slepotyza 1911 god* [Report of the Special Section for the Prevention of Blindness for 1911]. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.
19. The Guardianship of Empress Maria Alexandrovna for the Blind. (1899) *Otchet № 17 popechitel'stva imperatritsy Marii Aleksandrovny o slepykh za 1899 god* [Report No. 17 of the Guardianship of Empress Maria Aleksandrovna for the Blind for 1899]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
20. The Guardianship of Empress Maria Alexandrovna for the Blind. (1901) *Otchet № 19 popechitel'stva imperatritsy Marii Aleksandrovny o slepykh za 1901 god* [Report No. 19 of the Guardianship of Empress Maria Aleksandrovna for the Blind for 1901]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
21. The Guardianship of Empress Maria Alexandrovna for the Blind. (1905) *Otchet № 23 popechitel'stva imperatritsy Marii Aleksandrovny o slepykh za 1905 god* [Report No. 23 of the Guardianship of Empress Maria Aleksandrovna for the Blind for 1905]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
22. The Guardianship of Empress Maria Alexandrovna for the Blind. (1912) *Otchet № 30 popechitel'stva imperatritsy Marii Aleksandrovny o slepykh za 1912 god* [Report No. 30 of the Guardianship of Empress Maria Aleksandrovna for the Blind for 1912]. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.
23. Troynitsky, N.A. (ed.) (1897–1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire of 1897]. St. Petersburg: The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
24. *Podol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1882) 6th April. p. 149.
25. *Podol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1864) Pouchenie v nedelyu o slepom, skazannoe v Baltskoy Nikolaevskoy tserkvi 24 maya [Sermon on the Sunday of the Blind, given in the Baltic St. Nicholas Church on May 24]. 1st July. pp. 450–452.
26. *Podol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1867) *Pouchenie v nedelyu o slepom* [Sermon on the Sunday of the Blind]. 15th May. pp. 331–333.
27. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. (1878) Pouchenie v nedelyu shestuyu – o slepom [Sermon on the Sixth Sunday – on the Blind]. 1st November. pp. 593–595.
28. *Russkiy slepets: zhurnal dlya obsuzhdeniya voprosov, kasayushchikhsya uluchsheniya polozheniya slepykh*. (1886). January. p. 5.
29. *Russkiy slepets: zhurnal dlya obsuzhdeniya voprosov, kasayushchikhsya uluchsheniya polozheniya slepykh*. (1888). May. p. 38.
30. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. (1888) Rukovodstvo dlya pervonachal'nogo vospitaniya slepykh detey [Guide to the initial education of blind children]. 15th – 23rd April. pp. 229–235.

31. Slugina, N.V. (2012) Blagotvoritel'nye sotsial'no-pedagogicheskie zavedeniya dlya detey v Tule i Tul'skoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [Charitable social and educational institutions for children in Tula and Tula province in the late 19th – early 20th century]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 448–453.

32. Stremetska, V.O. (2009) Organizatsiya navchannya slipikh ta glukhonimikh ditey u XIX – na pochatku XX stolittya. *Naukovi pratsi [Chornomors'kogo derzhavnogo universitetu imeni Petra Mogili kompleksu "Kievo-Mogilyans'ka akademiya"]*. Ser.: *Pedagogika*. 112(99). pp. 143–147.

33. Furman, A.V. & Pidgurska, M.V. (2014) *Istoriya sotsial'noi roboti* [History of Social Work]. Ternopil: TNEU.

Скляренко Никита Сергеевич – магистрант, лаборант проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Россия).

Nikita S. Sklyarenko – Tomsk State University (Russia).

E-mail: Nik_sklyarenko@mail.ru

Некрылов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Россия).

Sergey A. Nekrylov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: medicinahistory@yandex.ru

УДК 94(47).083+94(438).071

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/8

Русские монархисты начала XX в. о русинах Восточной Галиции

Д.И. Стогов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

им. В.И. Ульянова (Ленина)

Россия, 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, литера Ф

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Авторское резюме

Анализируются взгляды русских консервативных политиков, учёных и публицистов начала XX в. относительно русинского населения восточной Галиции. Обращается внимание на тот факт, что в связи с началом Первой мировой войны и занятием русскими войсками в 1914 г. принадлежавшей ранее Австро-Венгрии восточной Галиции появилась надежда на практическую реализацию планов по интеграции местных русинов с остальным русским миром. Проанализированы публицистические труды известных русских консерваторов, некоторые из которых (рецензия П.Ф. Полянского на сочинение А.В. Белгородского «Галиция – исконное достояние России», а также черновики статей И.Я. Гурлянда, посвящённые Галиции) извлечены из архива и введены в научный оборот. Делается вывод о том, что русские правые не просто живо интересовались жизнью и бытом галицких русинов, но и рассматривали их как составную часть единого русского народа. Социокультурные различия русинов и остальных русских увязывались с проблемой длительного пребывания русинов в составе Речи Посполитой, а затем Габсбургской монархии. Практически все правые резко критиковали униатство и украинскую идею, видя её истоки в польских и австро-венгерских политических интригах. В статье подчёркивается, что правые выработывали проекты дальнейшего развития русинов в рамках Российской империи, большинство консерваторов сходились во мнении о важности привлечения к делу интеграции чиновников и учителей из великорусских губерний, высказывались суждения о необходимости проведения земельной реформы в духе столыпинской аграрной политики. Также делается вывод о том, что правые так и не смогли выработать целостной программы воссоединения галицких русинов с русским народом.

Ключевые слова: Российская империя, Австро-Венгрия, Галиция, Буковина, Первая мировая война, русины, консерватизм, униатство, публицистика, монархисты

Russian monarchists of the early 20th century about the Rusins of Eastern Galicia

Dmitrii I. Stogov

St. Petersburg State Electrotechnical University

5 Professor Popov Street, Saint Petersburg, 197022, Russia

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Abstract

The article analyses the views of Russian conservative politicians, scientists, and publicists of the early 20th century regarding the Rusin population of eastern Galicia. Attention is drawn to the fact that due to the outbreak of the First World War and the occupation of eastern Galicia, former Austro-Hungarian territory, by Russian troops in 1914, there was hope for the practical implementation of plans for the integration of local Rusins with the rest of the Russian world. The author analyses the journalistic works of famous Russian conservatives, some of which (P.F. Polyansky's review of A.V. Belgorod's "Galicia – the ancestral heritage of Russia", as well as drafts of I.Y. Gurland's articles on Galicia) were found in the archive to be introduced into scholarly discourse. The article concludes that Russian right-wingers were not only keenly interested in the life of Galician Rusins, but also considered them as an integral part of the united Russian people. The socio-cultural differences between Rusins and other Russians were linked to the problem of the Rusins' long stay in the Polish-Lithuanian Commonwealth, and later the Habsburg monarchy. Almost all right-wingers sharply criticized uniatism and the Ukrainian idea, seeing its origins in Polish and Austro-Hungarian political intrigues. The article emphasizes that the right-wingers developed projects for the further development of the Rusins within the Russian Empire. Most conservatives agreed on the importance of involving officials and teachers from the Great Russian provinces in the integration and expressed opinions on the need for land reform according to Stolypin's agrarian policy. The article concludes that the right-wingers have not been able to develop a comprehensive program for the reunification of Galician Rusins with the Russian people.

Keywords: Russian Empire, Austria-Hungary, Galicia, Bukovina, World War I, Rusins, conservatism, Uniatism, journalism, monarchists

В наше непростое для судеб славянства время представляется актуальным обращение к прошлому славянских народов, в особенности тех из них, чья жизнь протекала на стыке западной и русской цивили-

лизаций. В значительной степени это касается русинов, проживавших на территории Восточной Галиции, до начала Первой мировой войны подвластной Австро-Венгрии. О жизни русинов политики и публицисты писали довольно много ещё в первое десятилетие и в начале второго десятилетия XX в. После того как в сентябре 1914 г., в самом начале Первой мировой войны, русские войска взяли крупнейший город региона – Львов, почти всю восточную Галицию и Буковину, а затем, в марте 1915 г. – крепость Перемышль, в русском обществе русинский вопрос стал обсуждаться ещё активнее. Не обошли вниманием эту проблему и русские консерваторы, монархисты – представители правых и крайне правых (черносотенных) организаций, либо стоявшие близко к ним по убеждениям, сочувствующие идеям монархии.

Цель настоящего исследования – изучение трудов консервативных политиков и публицистов начала XX в., в которых в той или иной степени затрагивалось положение русинов в Восточной Галиции. Задачи исследования заключаются в определении основных вопросов, связанных с русинами, которые рассматривались в трудах правых; изучении проектов русских консерваторов, связанных с предполагаемым будущим русинов в составе Российской империи; прослеживании дальнейшей судьбы этих проектов; выявлении причин, связанных с тем, что эти проекты и различные предложения правых относительно русинов оказались не востребованными.

Хронологические рамки исследования определены периодом с 1900-х гг. до февраля–марта 1917 г. (Февральская революция, фактически парализовавшая деятельность русских монархистов). Особое внимание в работе уделено периоду Первой мировой войны, что объясняется победами Русской армии в Галиции и Буковине и появившимися в связи с этими событиями надеждами на интеграцию местного населения в рамках Российской империи.

К настоящему времени вышло в свет значительное количество научных трудов, связанных как с русинами [3; 9; 13; 21–25], так и с русскими монархистами начала XX в. [11; 13; 16; 21; 30; 31]. В частности, А.А. Иванов проанализировал отношение правых к украинству, мазепинству и пришёл к выводу о том, что практически все консерваторы, признавая этнографические различия между великороссами и жителями Юго-Западной Руси, выступали категорически против признания украинцев самостоятельной нацией [16: 193].

Заслуживает внимания статья В.Б. Колмакова, посвящённая проблеме Галиции в русской консервативной публицистике начала XX в. [13]. Автор, анализируя труды консерваторов, в первую очередь Д.В. Скрынченко, приходит к выводу о том, что правые выражали обеспокоенность в связи с распространением идеи украинства, при-

знавали факт «пропагандистской опасности» этой идеи для единства русского мира в условиях войны и «традиционной оппозиционности либеральной интеллигенции» [13: 19]. Вместе с тем следует признать, что проблема, рассматриваемая В.Б. Колмаковым, требует дальнейшего изучения и осмысления.

Рассмотрим основные положения трудов русских консерваторов начала XX в., в которых в той или иной степени присутствует русинская проблематика.

Русины восточной Галиции как одна из ветвей единого русского народа. Практически все русские монархисты начала XX в. разделяли идею о том, что русины представляют собой одну из ветвей единого русского народа. Приведём в этой связи ряд характерных высказываний правых политиков и публицистов. Так, один из идеологов черносотенного движения, публицист Клавдий Никандрович Пасхалов (1843–1924) в работе «Русский вопрос» называл русинское население Австро-Венгрии русскими, говорил о его «русском происхождении» и о русском языке как родном для них [15: 599]. Политик и публицист характеризовал русинов как «русских людей, не желающих отказаться от своего происхождения и родного языка» [15: 601]. Мало того, широкое внедрение понятия «русины» на подвластных Австро-Венгрии территориях Пасхалов связывал с австрийским государственным деятелем графом Стадионом (Франц-Сераф фон Штадион-Вартгаузен), стремившимся разъединить русских [15: 599]. Впрочем, это мнение о понятии «русины» в то время широко бытовало в польских кругах, к тому же Пасхалов неверно указал 1870-е гг., тогда как на самом деле граф фон Штадион умер ещё в 1853 г.

Генерал от кавалерии, консервативный политик, представитель неославянофилов, публицист Александр Алексеевич Киреев (1833–1910), как и К.Н. Пасхалов, именовал население восточной Галиции галицкими русскими [12: 123]. Аналогичную позицию занимал Михаил Васильевич Гневушев (впоследствии епископ Вяземский Макарий, священномученик, 1858–1918), член Совета Киевской Русской монархической партии, который говорил о русском населении Галиции [19: 816]. Член правомонархической организации «Русское собрание», участник черносотенного Союза русского народа, член Государственной думы (фракция правых) Георгий Георгиевич Замысловский (1872–1920) в одной из своих думских речей (4 марта 1916 г.) указывал на необходимость объединения русского народа вследствие воссоединения с Россией восточной Галиции [8: 500]. Филолог, славянофил Антон Семёнович Будилович (1846–1908) не просто констатировал факт принадлежности русинского населения Восточной Галиции к единому русскому народу [2: 457–458]. Он под-

чёркивал искусственный характер попыток отделить русинское население Восточной Галиции от русского мира. Мыслитель отмечал, что попытки создать у русинов свой вариант «второго большого русского языка» носят искусственный характер. В итоге, как отмечал мыслитель и публицист, русинам насаждался «искусственный жаргон», в котором значительное место занимали полонизмы и латинизмы [2: 327].

Общими практически для всех правых стали рассуждения о положительном значении воссоединения галицких русинов с остальным русским народом [4]. При этом монархисты подчёркивали, что присоединение русинов к Православной церкви поможет скорейшему воссоединению разрозненного русского народа [1].

Можно привести множество иных примеров, свидетельствующих о неизменном отождествлении правыми русинов Восточной Галиции с русским народом. Они рассматривались русскими монархистами как одна из ветвей единого русского народа. Отсюда и безусловно положительная оценка вхождения региона в состав Российской империи в результате занятия Восточной Галиции и Буковины русскими войсками на начальном этапе Первой мировой войны.

Важной составной частью рассуждений русских монархистов являются проекты, связанные с предполагаемой интеграцией русинского населения в рамках Российской империи. В частности, консерваторы признавали, что решение земельного вопроса в Восточной Галиции является одной из самых актуальных проблем, требующих неотложного решения. Большинство правых сходились во мнении, что принудительное отчуждение помещичьей земли на этой территории недопустимо. Предполагалось решение проблемы в духе столыпинской аграрной политики с созданием условий для активного переселения русинского населения на широкие просторы Российской империи [13: 17; 15: 261–262; 28]. Впрочем, некоторые монархисты критически отзывались о характере системы землевладения в Галиции. В частности, руководитель черносотенного движения в Бердичевском уезде Киевской губернии Мария Николаевна Мариуц-Гринева (1851 – после 1919) ещё в 1911 г. выражала опасение, что инородцы могут забрать землю у крестьянского населения Малороссии, и приводила в пример ситуацию в подвластной Австро-Венгрии «Галиции, Буковине, Угорской Руси, которые стали совсем нищими, ибо у них евреи и поляки скупили всю землю, заставляют насильно переходить в католичество и учиться польскому языку, а за преданность православной вере сажают в тюрьму и бьют палками» [11: 855].

Особенности культуры, быта и языка русинов Восточной Галиции. Обзор консервативной публицистики даёт представление о взглядах русских правых на социокультурные особенности русинского насе-

ления Восточной Галиции. А.С. Будилович считал, что бытовые, культурные и прочие различия между русинами и остальными русскими не носят кардинального характера. С другой стороны, по мнению публициста, недруги России (австрийцы, поляки и пр.) всячески стремились усилить эти различия, придать им статус некоего законченного явления, провозгласить русинов, украинцев самостоятельными народами, отличными от русского. То же самое, по его словам, касается и языковых различий [2: 313]. Последние объяснялись польским и немецким влиянием [2: 317, 328]. Будилович обращал внимание на тот факт, что «галицкие сепаратисты» сознательно стремились усилить эти различия путём распространения в широкой среде, в том числе в учебных заведениях «жаргонной литературы» [2: 328]. «Галицко-украинский жаргон» правый публицист объявлял искусственным и подчёркивал, что он формировался путем активного заимствования из чужих языков [2: 341]. Будилович указывал на факт насаждения «жаргона», отличного от русского языка, в Восточной Галиции австрийскими властями [2: 550].

Аналогичным образом рассматривали социокультурные особенности галицких русинов и другие консерваторы. В частности, сотрудник Учебного комитета при Святейшем Синоде Пётр Фёдорович Полянский (впоследствии митрополит Крутицкий Пётр, священномученик, 1862 – 1937), рецензируя книгу А.В. Белгородского «Галиция – исконное достояние России», отмечал, что русины Галиции, «несмотря на все свои многовековые мучения и страдания, сохранили православную веру и русскую народность» [17: 2].

Редактор газеты «Россия», политик и публицист консервативного направления Илья Яковлевич Гурлянд (1868 – 1921) в обнаруженных нами в фондах Российского государственного исторического архива черновиках статей, посвящённых Галиции, подчёркивал, что многие сферы деятельности русского населения Галиции «проникнуты польским духом» [18: 20]. Публицист обращал внимание на тот факт, что на те или иные различия между русинами и остальными русскими обращают внимание противники России, участники политической борьбы в Австро-Венгрии, преследуя свои цели – разъединить русский народ. Обострение этой политической борьбы в Габсбургской монархии в период, непосредственно предшествовавший Первой мировой войне, привело к тому, что множество вопросов, которые, казалось бы, уже давно были решены и сданы в архив, вновь всплыли на поверхность. В частности, по словам Гурлянда, это вопросы об этимологическом и фонетическом письме местного населения Галиции, о возможности образования нового «украинофильского» языка, украинской народности и даже государства с республиканским

правлением от Карпат до Кавказа» [18: 26 об.]. Публицист полагал, что на факт различия между русинами и остальным русским населением обычно обращали пристальное внимание польские помещики и представители польского духовенства, выступая как «полонизаторы» и «латинизаторы» [18: 26 об.].

С точки зрения русских консерваторов, необходимо преодолеть различия, существующие между галицкими русинами и остальным русским населением. Для этого, полагали они, нужно разработать проекты реформы системы местного управления, хозяйствования и в особенности системы образования. В частности, И.Я. Гурлянд говорил о важности искоренения «польского духа» в Галиции [18: 20]. Правые полагали, что в средних и высших учебных заведениях на территориях, освобождённых от власти австрийцев, преподавание должно вестись на литературном русском языке [5: 4].

Таким образом, русские консерваторы начала XX в., признавая те или иные социокультурные различия между русинским населением Восточной Галиции и русскими Российской империи, объясняли их долгим пребыванием этой территории в составе различных государств (в том числе Речи Посполитой и Австро-Венгрии). По мнению правых, не стоит делать акцент на этих различиях. Напротив, ими, по утверждению русских консерваторов, оперируют прежде всего враги исторической России – поляки, австрийцы и вскормленные ими «украинствующие».

Русины Восточной Галиции и униатство. Одним из главных сторонников противопоставления русинов Восточной Галиции и русских Российской империи русские монархисты считали униатское духовенство. С униатством правые (например, К.Н. Пасхалов) связывали «вакханалию беззаконий и преследований», которой подвергалось русинское население Восточной Галиции [15: 600]. Политик и публицист отмечал, что, несмотря на обращение русинов Восточной Галиции в униатство, вместе с византийской обрядностью они сохранили связи с православным миром, в том числе и с Россией. В частности, он подчёркивал, что неслучайно молитвенники и богослужебные книги русины, как правило, приобретали в Почаевской лавре, в то время входившей в состав Российской империи [15: 600]. Так или иначе, писал далее Пасхалов, австро-венгерские власти не просто навязывали местному населению униатство, но и жёстко преследовали тех, кто тем или иным образом пытался противостоять униатам. Пасхалов приводил факты, связанные с преследованием жителей тех галицких селений, которые пожелали перейти из униатства в православие [15: 600].

Правый публицист Н.Н. Иконников вслед за К.Н. Пасхаловым от-

мечал, что все усилия униатов, польских, а затем австро-венгерских властей истребить среди галицких русинов православное самосознание не увенчались успехом [10: 5]. Причину этого обстоятельства автор статьи видел в изначально сформировавшемся у местного населения ещё до заключения Брестской унии (1596 г.) твёрдом православном самосознании [10: 5]. Н.Н. Иконников утверждал, что галичане приняли унию, во-первых, позже, чем другие жители Западной и Юго-Западной Руси, а во-вторых, фактически формально [10: 6]. Важнейшими составляющими, по мнению Иконникова, связывавшими галицких русинов с остальным русским миром, являлись церковнославянский язык и греко-восточная обрядность [10: 6]. Действия австро-венгерских властей правым публицистом оценивались самым негативным образом; при этом подчёркивалось, что правительство страны действовало заодно с польскими магнатами [10: 6–7]. Как отмечал Н.Н. Иконников, их цель заключалась в намерении истребить какие бы то ни было остатки православной обрядности у русинов. В результате из-за угрозы репрессий те были вынуждены прятать русские книги и даже иконы [10: 7].

О негативной роли униатства писали и другие политики, учёные и публицисты консервативно-монархических убеждений. Так, известный правый публицист, историк, богослов, один из организаторов Минского отдела Всероссийского национального союза Дмитрий Васильевич Скрынченко (1874–1947) в статье «Украинская расправа» с удовлетворением отмечал, что русскими властями в Спасо-Евфимьевский монастырь в Суздале был выслан униатский митрополит Андрей Шептицкий после того, как, находясь ранее в ссылке в Курске, он стал там заниматься пропагандой унии и украинства, встречаясь с «иезуитствующими проходимцами» [27: 300]. Один из лидеров монархического движения, председатель Русской монархической партии священномученик протоиерей Иоанн Восторгов (1864–1918) указывал, что принятие унии есть «полная капитуляция пред Западом, полный отказ от самостоятельности, от своих культурно-исторических задач и типа, от себя, от своего народного дела» [20: 358].

Один из учредителей «Всероссийского Дубровинского Союза русского народа» Николай Николаевич Жеденов (ок. 1861–1933) в передовой статье издававшейся им ультраправой газеты «Гроза» выразил удовлетворение в связи с массовым обращением галицких русинов из униатства в православие после занятия русскими войсками восточной Галиции, а также в связи с посещением русинами Почаевской лавры с целью их восстановления в православии [7: 3].

Говоря о негативной роли униатства, практически все правые сходились во мнении о необходимости искоренения «униатского

духа» и об обращении галичан в православие. Часть правых (к примеру, авторы статей в газете «Колокол») полагала, что этот процесс должен идти мягко и ненасильственно, абсолютно добровольно [26; 29]. Другие (к примеру, авторы статей в газете «Почаевский листок») считали, что с униатством следует покончить раз и навсегда, и как можно быстрее [1: 15]. Обращает на себя внимание тот факт, что на жёстких и быстрых антиуниатских мерах настаивало издание («Почаевский листок»), выходившее на территории, непосредственно прилегающей к освобождённой русскими войсками от австрийского владычества Восточной Галиции. Очевидно, журналисты «Листка» знали не понаслышке об актуальных проблемах местного населения, в том числе о конфликтах на религиозной почве, чем, судя по всему, и объясняется бескомпромиссное отношение издания к униатству.

Анализ рассмотренных публицистических произведений русских консерваторов позволяет сделать выводы, во-первых, об их негативном отношении к униатству, а во-вторых, о том, что австро-венгерские власти использовали униатство для того, чтобы в большей степени оторвать галицких русинов от русского православного мира. Сходясь во мнении о необходимости обращения галичан в православие, консерваторы расходились во мнении относительно быстроты и добровольности этого обращения. Часть правых настаивали на быстром искоренении униатства, другие полагали, что этот процесс следует осуществлять постепенно и сугубо добровольно.

Русины Восточной Галиции и украинство. Особое место в правой публицистике занимает анализ политической позиции украинофилов или, как обычно их называли в то время, мазепинцев. Безусловно, все монархисты резко негативно относились к украинству как таковому. Среди правых доминировала точка зрения, согласно которой движение украинофилов целенаправленно взращивалось австро-венгерскими властями. В частности, об этом писал К.Н. Пасхалов, который отмечал, что австрийское покровительство мазепинству приводило к тому, что большая часть галицийской интеллигенции и духовенства перешла в лагерь «украинствующих» и стала бороться с представителями «москвофилов» [15: 601]. Цель Австро-Венгрии, утверждал политик и публицист, заключалась в желании оторвать 20-миллионное население Малороссии от Российской империи и добиться в перспективе её вхождения в состав Габсбургской монархии [15: 602]. Пасхалов указывал, что слово «Украина» является не этнографическим, а сугубо географическим термином, обозначает окраину государства. Украинский язык, по словам публициста, является «фабрикацией, непонятной народу» [15: 603]. Пасхалов выражал озабоченность в связи с распространением украинства и боялся,

что галичане будучи чрезмерно податливыми к «соблазнительным формулам» типа «свобода, равенство, братство», могут окончательно оторваться от русского мира [15: 603].

Касаясь природы украинства, правые высказывали мнение о том, что эти идеи, как правило, воспринимают местные униатские священнослужители и представители галицкой интеллигенции, тогда как простой народ Галиции относится к украинской идее индифферентно [6].

Правые публицисты много писали о необходимости скорейшего преодоления украинства в Галиции. При этом высказывались различные предложения. В частности, анонимный публицист газеты «Колокол» полагал, что следовало бы пригласить на присоединённую к России территорию Восточной Галиции и Буковины чиновников, представителей православного духовенства и интеллигенции из великорусских губерний, дабы они способствовали скорейшей интеграции русинов в рамках Российской империи [14].

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что анализ содержания публицистических трудов, научных статей и книг, публичных речей, проповедей ведущих представителей русского монархического движения начала XX в. позволяет констатировать следующий факт: русские правые в значительной степени интересовались жизнью, бытом, судьбой русинов Восточной Галиции, разрабатывали проекты, связанные с будущим русинов.

Практически все русские монархисты сходились во мнении о том, что русины представляют собой одну из ветвей единого русского народа. Соответственно, вхождение Восточной Галиции с русинским населением в состав Российской империи, определённые условия для которого сложились на начальном этапе Первой мировой войны после побед русской армии, рассматривалось практически всеми правыми как воссоединение исторических русских земель, некогда, в эпоху Древнерусского государства, составлявших единое целое. Вхождение региона в состав империи оценивалось как бесспорное благо с далекоидущими положительными последствиями.

Русские монархисты рассматривали особенности быта, культуры, языка, традиций русинов как частное явление, вызванное их длительным пребыванием в составе Речи Посполитой, а затем Австрийской (Австро-Венгерской) империи. Соответственно, практически все правые политики и публицисты ставили в качестве неотложной задачу по объединению русинов с остальными русскими. В этой связи особое внимание уделялось проектам, связанным с реформами местной системы управления, хозяйствования и в особенности системы образования, в том числе речь шла о необходимости овладения русинами русским литературным языком.

Русские правые подчёркивали, что главным камнем преткновения, который может помешать воссоединению русинов с остальным русским народом, является униатство. Часть монархистов при этом высказывались за немедленное обращение русинов в православие и за ликвидацию униатской церкви, другие полагали, что в деле решения религиозного вопроса следовало бы предпринимать более гибкие и осторожные шаги. При этом они считали, что в восточной Галиции в любом случае необходимо создать все условия для распространения среди местного населения православия.

Особый интерес в сочинениях, публичных речах и проповедях русских монархистов вызывала украинская проблематика. Практически все русские правые подчёркивали, что украинская идея была искусственно создана местной интеллигенцией, её распространению способствовали австро-венгерские власти и польские магнаты. Безусловно, всеми русскими монархистами идея украинства рассматривалась как чуждая и враждебная русскому народу. При этом многие правые полагали, что русинскому крестьянству эта идея совершенно не интересна, её носителями является часть местной интеллигенции. Многие монархисты обращали внимание на то, что австро-венгерские власти сознательно распространяли украинскую идею в целях подготовки к постепенному отторжению от Российской империи значительной части территории Малороссии. В качестве преодоления украинства правыми рассматривались различные меры. Прежде всего высказывалась идея о необходимости привлечения в Восточную Галицию чиновников и представителей интеллигенции (учителей, врачей, агрономов и т. д.) из великорусских губерний, что способствовало бы ускорению процесса интеграции местного населения с остальными русскими. Подчёркивалась важность нейтрализации польского (и вообще католического) влияния на местное население.

В русской правой среде велись дискуссии, касавшиеся будущего административно-территориального устройства присоединённых земель. В целом среди русских монархистов преобладало мнение о необходимости сохранения в Восточной Галиции помещичьего землевладения при одновременной реализации активной переселенческой политики в духе столыпинской аграрной реформы. Высказывались идеи, связанные с переселением части русинского населения в восточные регионы Российской империи при субсидировании этого переселения со стороны правительства страны.

Последующие поражения русской армии в Первой мировой войне, революция 1917 г. и Гражданская война поставили крест на амбициозных проектах, связанных с интеграцией русинского населения Восточной Галиции с остальным русским народом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Австрийский плач по Галиции // Почаевский листок. 1914. 22 декабря. № 43–44. С. 15–16.
2. *Будилович А.С.* Славянское единство / сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 784 с.
3. *Буркут И.* Первая мировая война в исторической памяти галичан и буковинцев // Русин. 2010. № 1 (19). С. 97–112.
4. В объятиях родной матери // Колокол. 1914. 23 августа. № 2491. С. 1.
5. Внешние известия. Освобождение Буковинской Руси // Новое время. 1914. 4 (17) сентября. № 13822. С. 4.
6. *Давыдов Я.* Редакционные малороссы // Колокол. 1914. 23 февраля. № 2346. С. 2.
7. За день // Гроза. 1914. 17 сентября. № 628. С. 3.
8. *Замысловский Г.Г.* В борьбе с ненавистниками России. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2013. 720 с.
9. *Зиновьев В.П., Казаков В.В.* Журнал «Славянский век» о положении русинов Галиции в конце XIX – начале XX в. // Русин. 2016. № 1 (43). С. 120–127. doi: 10.17223/18572685/43/8
10. *Иконников Н.Н.* Борцы за Православие в Галиции // Почаевский листок. 1914. 22 декабря. № 43–44. С. 5–7.
11. *Кальченко Т.В.* Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904–1919). Историческая энциклопедия. Киев: Ин-терконтиненталь-Украина, 2024. 976 с.
12. *Киреев А.А.* Учение славянофилов / сост. С.В. Лебедев, Т.В. Линицкая; предисл. и коммент. С.В. Лебедев; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2012. 640 с.
13. *Колмаков В.Б.* Проблема Галиции в русской консервативной публицистике начала XX века // Берегиня 777. Сова: общество, политика, экономика. 2012. № 1 (12). С. 15–21.
14. Основы русской государственности в Галиции // Колокол. 1914. 30 ноября. № 2573. С. 1.
15. *Пасхалов К.Н.* Русский вопрос / сост., предисл. и коммент Д. Стогов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Алгоритм, 2008. 720 с.
16. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 2022. Т. 1: Консервативные партии / А.А. Иванов. 599 с.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 11. 1914. Д. 432. О книге А.В. Белгородского «Галиция – исконное достояние России». М., 1914.
18. РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 75. Статьи И.Я. Гурлянда о Галиции.
19. Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа / сост.,

вступ. и биограф. ст., коммент. А.Д. Степанов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. 1136 с.

20. Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений: в 5 т. СПб.: Царское дело, 1995. Т. 4. 660 с.

21. *Стогов Д.И.* Русинская проблематика в трудах русских консерваторов конца XIX – начала XX в. // Русин. 2022. № 67. С. 174–187. doi: 10.17223/18572685/67/10

22. *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. Международный исторический журнал / отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2019. № 55. С. 272–316. doi: 10.17223/18572685/55/16

23. *Суляк С.Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны // Русин. 2016. № 2 (44). С. 73–92. doi: 10.17223/18572685/44/6

24. *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

25. *Сушко А.В., Петин Д.И.* Борьба за «Подъяремную Русь»: переход в православие военнопленных русинов в Омске (1915–1917) // Русин. 2021. № 65. С. 99–114. doi: 10.17223/18572685/65/6

26. *Трезубов А.* «Отторженное воссоединим!» // Колокол. 1914. 6 сентября. № 2502. С. 1.

27. Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл., примеч. А.Ю. Минакова. М.: Кн. мир, 2016. 800 с.

28. Устройство Галиции // Колокол. 1915. 29 апреля. № 2692. С. 1.

29. *Ф-н. К.* Русская политика в Галиции (из бесед) // Колокол. 1914. 16 октября. № 2510. С. 1.

30. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. 640 с.

31. *Ivanov A.A., Kotov A.E., Yanchenko D.G., Ovsjannikov D.V.* Ukrainian Question in the Russian Conservative Thought. The end of XIXth – early XXth century // *Blye Gody*. 2017. Vol. 43, is. 1. P. 129–138.

REFERENCES

1. *Pochaevskiy listok*. (1914) *Avstriyskiy plach po Galitsii* [The Austrian lament for Galicia]. 22nd December. p. 15–16.

2. *Budilovich, A.S.* (2014) *Slavyanskoe edinstvo* [Slavic Unity]. Moscow: Institute of Russian Civilization.

3. *Burkut, I.* (2010) *Pervaya mirovaya voyna v istoricheskoy pamyati galichan i bukovintsev* [The First World War in the historical memory of Galicians and Bukovinians]. *Rusin*. 1(19). p. 97–112.

4. *Kolokol*. (1914a) *V ob"yatiyakh rodnoy materi* [In the arms of own mother]. 23rd August. p. 1.

5. *Novoe vremya*. (1914) Vneshnie izvestiya. Osvobozhdenie Bukovinsky Rusi [External news. Liberation of Bukovina Rus]. 4th September. p. 4.
6. Davydov, Ya (1914) Redaktsionnye malorossy [Editorial Little Russians]. *Kolokol*. 23rd February. p. 2.
7. *Groza*. (1914) Za den' [During the day]. 17th September. p. 3.
8. Zamyslovskiy, G.G. (2013) *V bor'be s nenavistnikami Rossii* [In the fight against the enemies of Russia]. Moscow: Institute of the Russian Civilization.
9. Zinoviev, V.P. & Kazakov, V.V. (2016) Magazine "Slavic century" on the situation of the ruthenians of Galicia in the late 19th – early 20th centuries. *Rusin*. 1(43). pp. 120–127 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/43/8
10. Ikonnikov, N.N. (1914) Bortsy za Pravoslavie v Galitsii [Fighters for Orthodoxy in Galicia]. *Pochaevskiy listok*. 22nd December. p. 5–7.
11. Kalchenko, T.V. (2014) *Monarkhicheskoe dvizhenie v Kieve i na territorii Kievskoy gubernii (1904–1919)*. *Istoricheskaya entsiklopediya* [The Monarchist Movement in Kiev and Kiev Province (1904–1919). Historical Encyclopedia]. Kiev: Interkontinental'-Ukraina.
12. Kireev, A.A. (2012) *Uchenie slavyanofilov* [The Doctrine of the Slavophiles]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
13. Kolmakov, V.B. (2012) Problema Galitsii v russkoy konservativnoy publitsistike nachala XX veka [The Problem of Galicia in Russian Conservative Journalism of the Early 20th Century]. *Bereginya 777. Sova: obshchestvo, politika, ekonomika*. 1(12). pp. 15–21.
14. *Kolokol*. (1914b) Osnovy russkoy gosudarstvennosti v Galitsii [The foundations of Russian Statehood in Galicia]. 30th November. p. 1.
15. Paskhalov, K.N. (2008) *Russkiy vopros* [The Russian Question]. Moscow: Algoritm.
16. Zhuravlev, V.V. & Shelokhaev, V.V. (eds) (2022) *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – nachalo XX v.: v 3 t* [Political parties of Russia. The late 19th – early 20th century]. Vol. 1. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
17. Russian State Historical Archives (RGIA). *O knige A.V. Belgorodskogo "Galitsiya – iskonnoe dostoyanie Rossii"* [About A.V. Belgorodsky's "Galicia – the ancestral heritage of Russia"]. Fund 802. List 11. File 432.
18. Russian State Historical Archives (RGIA). *Stat'i I.Ya. Gurlyanda o Galitsii* [Articles by I.Ya. Gurland about Galicia]. Fund 1629. List 1. File 75.
19. Platonov, O.A. (ed.) (2011) *Svyatye chernosotentsy. Svyashchenny Soyuz Russkogo Naroda* [Holy Black Hundreds. The Holy Union of the Russian People]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
20. Hieromartyr Archpriest John Vostorgov. (1995) *Polnoe sobranie sochineniy v 5 tomakh* [The Complete Works in 5 volumes]. Vol. 4. St. Petersburg: Tsarskoe delo.
21. Stogov, D.I. (2022) The Rusin agenda in the works of Russian Conservatives of the late 19th – early 20th century. *Rusin*. 67. p. 174–187 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/67/10

22. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology]. *Rusin*. 55. p. 272–316 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/55/16
23. Sulyak, S.G. (2016) Rusins in the memoirs of the participants of the Great War. *Rusin*. 2(44). p. 73–92 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/44/6
24. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusins during the First World War and the Russian Smuta]. *Rusin*. 1(3). p. 46–65 (in Russian).
25. Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2021) The Struggle for “The Enslaved Rus”: Conversion of Rusin Prisoners of War to Orthodoxy in Omsk (1915–1917). *Rusin*. 65. p. 99–114 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/65/6
26. Tregubov, A. (1914) “Ottorzhennoe vossoedinim!” [“Let’s reunite the rejected!”]. *Kolokol*. 6th September. p. 1.
27. Minakov, A.Yu. (ed.) (2016) *Ukrainskiy vopros v russkoy patrioticheskoy mysli* [The Ukrainian question in Russian Patriotic Thought]. Moscow: Knizhnyy mir.
28. *Kolokol*. (1915) Ustroenie Galitsii [The Dispensation of Galicia]. 29th April. p. 1.
29. F-n., K. (1914) Russkaya politika v Galitsii (iz besed) [Russian politics in Galicia (from conversations)]. *Kolokol*. 16th October. p. 1.
30. Platonov, O.A. (ed.) (2008) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundred. Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
31. Ivanov, A.A., Kotov, A.E., Yanchenko, D.G. & Ovsjannikov, D.V. (2017) Ukrainian Question in the Russian Conservative Thought. The end of 19th – early 20th century. *Bylye Gody*. 43(1). pp. 129–138.

Стогов Дмитрий Игоревич – доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Россия).

Dmitrii I. Stogov – St. Petersburg State Electrotechnical University (Russia).

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

УДК 86.372.24+ 94(479.22)+94(4)*1914/18"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/9

Подвиг полкового священника-русина

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Александр Григорьевич Тарноруцкий (30.07.1888–19.10.1916), настоятель прихода в с. Круглик Хотинского уезда Бессарабской губернии. Ушёл на фронт, получив назначение священником 318-го Черныярского пехотного полка. Прибыл на новое место службы через четыре дня после утверждения в должности, 3 февраля 1915 г. Добросовестно выполнял свой долг, в быту был неприхотлив, разделял с солдатами все тяготы службы. В полку его называли «наш Батя». Во время боёв о. Александр находился на передовой. За мужество награждён орденами св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, св. Анны 2-й степени с мечами, наперсным золотым крестом на георгиевской ленте, орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Свой последний подвиг А. Тарноруцкий совершил 19 октября 1916 г. Он с крестом в руках повёл солдат в атаку, воодушевляя их. В этом бою он погиб. Посмертно был награждён орденом Святого Георгия Победоносца 4-й степени. Похоронен на погосте кишинёвской Свято-Георгиевской церкви.

Ключевые слова: Александр Тарноруцкий, русины, Бессарабская губерния, Бессарабия, Хотинский уезд, Первая мировая война, Свято-Георгиевская церковь

The feat of the regimental Rusin priest

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Aleksandr Grigorievich Tarnorutsky (July 30, 1888 – October 19, 1916) was the parish rector in the village of Kruglik, Khotinsky district, Bessarabia province. Tarnorutsky went to the front, having received an appointment as a priest of the 318th Chernoyarsk

infantry regiment. He arrived at his new duty station four days after being confirmed in his position, on February 3, 1915. Tarnorutsky conscientiously fulfilled his duty, was unpretentious in everyday life, and shared all the hardships of service with the soldiers. In the regiment, they called him their “batya” (Eng. Pops). During the battles, Father Aleksandr was on the front lines. For courage, he was awarded the Imperial Order of St. Anne, 3rd class with swords and bow ribbon, the Imperial Order of St. Anne, 2nd Class with swords, a pectoral cross on the St. George ribbon, and the Order of St. Vladimir, 4th Class with swords and bow ribbon. Tarnorutsky performed his last feat on October 19, 1916. He led the soldiers into the attack with a cross in his hands, inspiring them, and died in that battle. He was posthumously awarded the Order of St. George the Victorious, 4th Class. He was buried in the cemetery of the St. George Church in Chişinău.

Keywords: Aleksandr Tarnorutsky, Rusins, Bessarabian province, Bessarabia, Khotyn district, World War I, St. George Church

В конце августа 1914 г. для духовного окормления воинов Русской императорской армии на фронт ушли 29 добровольцев-священников из Бессарабии. По предложению архиепископа Кишинёвского и Хотинского Платона (Рождественского)¹ они были избраны самим духовенством, по одному священнику из каждого округа. Среди добровольцев был и иерей Александр Григорьевич Тарноруцкий.

Как впоследствии писал Георгий Иванович Шавельский, протопресвитер военного и морского духовенства: «В последних числах сентября 1914 г. я уже телеграфировал архиепископу Платону: “Труды бессарабского духовного отряда в боевой линии выше всякой похвалы”. А в октябре того же года вновь сообщил ему, что бессарабские пастыри-добровольцы “развивают богатую деятельность с большим усердием”. Некоторые из присланных потом героически окончили свои дни на войне. Так, о. Григорий Ксифти умер от тифа, заразившись при напутствии больных воинов; о. Александр Тарноруцкий 14 октября 1914 г. был смертельно ранен вражеской пулей в момент, когда во главе полка с крестом в руке бросился в контратаку против неожиданно напавшего неприятеля. О. Иоанн Донос был убит в гражданской войне в январе 1920 г., будучи священником Гренадерской дивизии. Он был поднят на большевистские штыки. Я всегда с особой отрадой вспоминаю священников этого бессарабского духовного отряда, скромных, воспитанных, дисциплинированных, толковых и в то же время самоотверженных, составивших прекрасное ядро в разросшемся до чрезвычайных размеров институте военного духовенства на Великой войне.

Прекрасная сама по себе и беспримерная в нашей истории посылка духовного отряда на войну принадлежала архиепископу Платону,

в своих заботах о действующей армии не ограничившемся этим делом. Его труды на благо действующей армии в Великую войну были так велики, так исключительны и беспримерны, что я должен сказать о них подробнее.

Как только был получен манифест о войне, архиепископ Платон немедленно разослал этот манифест по всем церквам своей епархии, с призывом к духовенству напрячь все свои силы к оказанию моральной и материальной помощи воинам и оставшимся их семьям. В Кишинёве же он немедленно сформировал Комитет под своим председательством, в который, между прочим, вошли энергичные пастыри: протоиерей Николай Лашков и священник Василий Гумма.

Первым делом этого Комитета была отправка упомянутых 29 добровольцев-священников для безвозмездного служения на театре военных действий. Эти священники были, по предложению архиепископа Платона, избраны самим же духовенством: каждый округ избрал из своей среды одного священника. Прежде чем выехать на войну, они прошли под руководством врача Ф.Ф. Чорбы² десятидневные курсы по оказанию первой помощи раненым. А затем, 25 августа 1914 г., после молебна и напутственных наставлений владыки, они, во главе с архиепископом Платоном и губернатором Гильхемом, двинулись на вокзал. Весь священнический отряд был разделён на 4 части, по числу мест назначения: Вильно, Брест, Пинск и Бердичев» [12: 88–89].

О Александре Тарноруцком был написан большой очерк, опубликованный в «Кишинёвских епархиальных новостях» в 1917 г. под псевдонимом И.П. [3]. В наше время на основании данного очерка небольшой материал о А. Тарноруцком написали В. Тарнакин и Т. Соловьёва в своём сборнике «Бессарабские истории» [11], к сожалению, допустив в нём ряд неточностей. В своё время подвиг священника широко освещался в российской прессе (см., напр.: [6]). Сведения о нём есть на портале «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов», созданном Министерством обороны России при поддержке Федерального архивного агентства и Российского исторического общества, где выложены документы Российского Государственного Военно-исторического архива (здесь его фамилия иногда пишется, как Торноруцкий) [7].

Александр Григорьевич Тарноруцкий родился 30 июля 1888 г. в с. Котылево Новоселицкой волости Хотинского уезда Бессарабской губернии в семье тамошнего священника иерея Григория [3: 289]. Григорий Тарноруцкий, 1865 г. р., в 1887 г. закончил Кишинёвскую духовную семинарию. К 1915 г. уже 9 лет как служил настоятелем Свято-Успенской церкви с. Стурзовка Бельцко-Слободзейской во-

лости Бельцкого уезда³. Отцом Григория был дьячок Афанасий из с. Каларашовка Арионешской волости Сорокского уезда [5: 86; 10: 68].

Первоначальное воспитание А. Тарноруцкий получил от отца и матери Натальи Ананиевны. Затем учился в народной школе с. Долиняны Данкоуцкой волости Хотинского уезда, потом в Единецком духовном училище. По окончании училища поступил в Кишинёвскую духовную семинарию. В 1910 г. закончил в ней четыре класса и решил поступить в Новороссийский университет. Однако ему это не удалось. Он возвратился в Кишинёв и поступил в 5-й класс семинарии. Вскоре Александр решил оставить семинарию и отправиться священником в Сибирь, в один из вновь образованных поселков [3: 289].

Он был зачислен на священническое место в одну из сибирских епархий с окладом диакона. Вступил в брак с дочерью священника о. Андрея Дмитриева Евдокией, которая закончила курс Кишинёвского епархиального женского училища. Однако Александра уговорил остаться архиепископ Серафим (Чичагов)⁴, управлявший в то время епархией [3: 289–290].

Вскоре Александр Тарноруцкий был рукоположен в диаконы, а 24 января 1910 г. – в иерея викарием Кишинёвской епархии епископом Никодимом (Кротковым)⁵. Возведён в сан священника в церкви Св. Варвары с. Старо-Рошканы Бендерского уезда (Рошканы, Телицкой волости. – С.С.). Село было молдавским, и из-за незнания молдавского языка нормально выполнять свои обязанности о. Александр не мог. Его вскоре перевели настоятелем церкви Покрова Пресвятой Богородицы с. Круглик Данкоуцкой волости Хотинского уезда с русинским населением. В приходе по состоянию на 1915 г. было 511 душ мужского пола и 443 – женского [3: 290; 10: 42, 242].

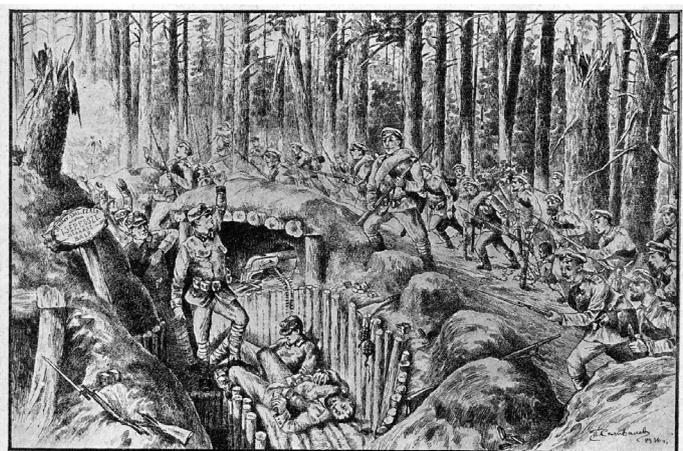
В этом приходе о. Александр «почувствовал себя, как в своей близкой, родной семье и посвятил себя усердному служению». Местное духовное начальство отмечало его как пастыря «отличного поведения». 20 апреля 1914 г. епархиальное начальство наградило его набедренником. В свободное от пасторских обязанностей время о. Александр занимался сельским хозяйством. К 24 десятинам из священнической доли церковной земли он взял в аренду ещё 55 десятин, приобрёл плуги, косилки [3: 290].

К началу войны его сыну Дмитрию шёл четвёртый год, Иоанну – третий, дочери Людмиле – шестой месяц. Дочь Клавдия родилась уже во время войны – 18 марта 1915 г. [3: 291–292].

С началом военных событий в приграничные населённые пункты Хотинского уезда Бессарабии вторглись австро-венгерские войска. Многие жители села и соседних 15 сел ушли в глубь Бессарабии, опасаясь врага. Отец Александр остался. Ему пришлось также обслу-

живать и соседние церковные приходы. Когда неприятеля изгнали из пределов Хотинского уезда и жители возвратились обратно, о. Александр выразил желание уйти на фронт [3: 291].

1 декабря 1914 г. его представили к замещению должности полкового священника 318-го Черноярского пехотного полка, входившего в состав 80-й пехотной дивизии, а 29 января 1915 г. утвердили в этой должности. 3 февраля 1915 г. он прибыл в полк и приступил к выполнению своих обязанностей [3: 292]. Он разделял вместе с солдатами все тяготы службы. Командир полка полковник К.П. Кушakov писал 16 февраля 1917 г. Кишинёвской духовной консистории: «...будучи крайне не прихотливым и выносливым, священник Александр Тарноруцкий везде устраивал свой комфорт быстро: приедет, бывало, верхом, поставит возле себя маленький ручной чемоданчик, расстелет попону, положит в изголовье седло, укроется рясой, и доволен, и покоен, особенно, если ещё он к тому-же добудет кружку горячего чая и ломоть хлеба. Так я его видел везде: и в походе, и на позициях, и на бивуаках. Другого комфорта он не искал и не любил. Предложишь ему поместиться лучше, всегда откажется под каким-либо предлогом». Был он, по словам командира полка, человеком всесторонне развитым, начитанным, вдумчивым. Отметил полковник силу духа священника, которая проявлялась и во время боев. Отец Александр всегда старался быть рядом с солдатами. Они его называли Батей. «Умел он говорить с солдатами, и они его хорошо понимали, так как он сам был сельский, как и они» [3: 292–294].

Атака Черноярского пехотного полка на укрепленную австрийскую позицию. В бою взято до 1 000 пленных, 11 пулеметов и 3 бомбомета.

Атака Черноярского полка на укрепленные австрийские позиции. В бою взято до 1 000 пленных, 11 пулеметов и 3 бомбомета [6: 9].

Судя по сообщению из больницы Гербовецкой общины Российского Красного Креста (Кишинёв) от 13 октября 1915 г., А. Тарноруцкий находился там на излечении (чем был болен, не указано) [8: 358].

В первом наградном листе от 1 июля 1916 г. № 4142 написано: «27 мая 1916 года, при форсировании реки Стыри и наступлении на деревню Копыли (Луцкого уезда Волынской губернии. – С.С.), полковой священник о. Тарноруцкий, в критический момент, явился на берег реки Стырь, где, под действительным ураганным огнём противника, воодушевлял солдат, чем способствовал переправе на понтонах на левый берег реки Стырь двух батальонов и особенно закреплению их на том берегу. Во всех последующих боях, неоднократно под сильным ружейным и артиллерийским огнём противника, с полным самоотвержением и презрением к смерти, исполнял свои пастырские обязанности, напутствуя раненных, посещая передовые окопы и воодушевляя солдат полка на героические подвиги, чем поддерживал дух полка» [3: 294].

В наградном листе от 31 августа 1916 г. за № 8874 указано: «...при атаке укреплённой неприятельской позиции в районе деревни Углы – Кашовка (Ковельский уезд, Волынская губерния. – С.С.), 16 июля 1916 г., полковой священник о. Тарноруцкий, узнав о предстоящей атаке, под сильным артиллерийским, пулемётным и ружейным огнём противника явился в передовые окопы, находившиеся от линии противника в шагах 150-ти, воодушевлял чинов полка, изнурённых продолжительными, непрерывными боями, на грядущий подвиг, чем поднял дух полка и тем способствовал общему успеху атаки, результатом которой было пленных 32 офицера и около 1000 нижних чинов, 11 пулемётов и много другой военной добычи, при численности некоторых рот полка в 30 штыков. Во всех последующих боях о. Тарноруцкий с редким самоотвержением и мужеством, под действительным огнём противника, исполнял свои пастырские обязанности» [3: 294–295].

За самоотверженность и мужество он был представлен 2 июля 1915 г. к ордену св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, 25 апреля 1916 г. – к ордену св. Анны 2-й степени с мечами, 27 августа 1916 г. – к наперсному золотому кресту на георгиевской ленте, 10 сентября 1916 г. – ордену св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом [3: 295].

Последний подвиг о. Александр совершил 19 октября 1916 г. В тот день он попросил командира полка разрешения пойти в окопы: «Видел солдат раненных... Боже, какие они измученные, неспавшие, мокрые, озябшие, с ног до головы в грязи... Пойду к ним, утешу, поддержу» [3: 295–296].

Подвиг священника Черноморского полка
о. Александра Тарноруцкого [6].

На эти позиции 318-й пехотный Черноморский полк прибыл из резерва в ночь с 4 по 5 октября, «в дождь, грязь и слякоть». Накануне немцы провели напротив д. Ворончин (Владимирово-волинский уезд, Волинская губерния. – С.С.) на участке 212 Романовского полка газовую атаку и заняли его окопы. Полк получил задание выбить противника из занятых окопов. Пройдя через лес и болота верховья р. Стоход, на рассвете 6 октября удалось выбить части 74-го германского полка и сдать участок 414 Торопецкому пехотному полку. 9 октября полк опять вызвали на эту позицию, снова полк прошёл через болота, все намочили и замёрзли. Так продолжалось девять дней. Пищу и хлеб

доставляли за три версты под ружейным и артиллерийским обстрелом. Окопы были лёгкие, наносные из дёрна, на болотистой почве. Ежедневно полк из-за обстрелов противника терял 70–100 человек. Укрепляли позиции днём и ночью под огнём противника. «Немцы владели тем, чего не было у нас: сухими, прочными окопами и большим количеством миномётов». Мины днём разрушали укрепления, сделанные ночью. Полк, в свою очередь, тоже нападал на передовые части противника. Люди были измучены. Смену обещали через день [3: 296–297].

19 октября немцы открыли огонь из орудий, миномётов и бомбомётов, от которого разлетались покрытые дёрном бруствера окопов. Все убежища и блиндажи были разрушены. Находившейся в тылу лес «был в топком и глубоком болоте, и там нельзя было ютиться». Под огнём противника роты отодвигались на фланги, немцы, прикрываясь ручными стальными щитами, наступали на позиции полка, «тащили свои миномёты, пулемёты и бомбомёты, из которых обстреливали наши роту вправо и влево». Немецкий траншейный батальон был

уже на «линии нашей позиции». Противнику удалось захватить часть окопов, приходилось выбивать его с флангов, т. к. вдоль позиций тянулось глубокое болото. Полк потерял много людей. 13-й и 14-й ротам удалось выбить противника из части окопов, но большой участок был занят немцами. Оставаться в таком положении было нельзя, «от флангового огня полк нёс бы тяжёлые потери» [3: 297].

«Вот тут-то и появился между отошедшими по болоту и кустам солдатами наш “Батя”». Священник собрал возле себя около 150 солдат из 5 и 8 рот, воодушевил их и с крестом в руках вместе с ними пошёл в атаку через болото на врага. Атаку поддержали 13-й и 14-й роты с фланга. Отец Александр, будучи ранен в голову, дошёл до вражеских окопов. Здесь он получил разрывную пулю в грудь «и хотел что-то сказать, но не успел... После слова “Ребятки!”, он прижал крест к поражённой разрывною пулею груди и свалился на руки старенькому бородатому солдату-чувашу, который втащил его в шалаш, куда принесли и его маленький ручной чемоданчик... Через несколько минут наш родной «Батя» скончался. Ночью его перенесли на перевязочный пункт. Участок позиции был занят» [3: 297–298].

«Одновременно с отцом Александром был убит командир 13 роты подпоручик Гончаров и ранены командир 7 роты прапорщик Калинин и младший офицер Лавренюк, а впоследствии прапорщики Чаговец, Литвиненко, Успенский, Сапонько и Горячий. Солдат убито 84, ранено 528 и контужено 122» [3: 298].

За свой подвиг в урочище Чёрный Лес [9: 14] священник 318-го пехотного Черныярского полка Александр Тарноруцкий приказом № 46 протопресвитера военного и морского духовенства от 31.08.1917 г. (в приказе ошибочно – Торноруцкий. – С.С.) был посмертно награждён орденом Святого Георгия Победоносца 4-й степени [2].

Отпевание отца Александра было совершено 21 октября в церкви с. Береск Волынской губернии благочинным 53-й пехотной дивизии в сослужении пяти полковых священников. На отпевании присутствовали начальник 80-й пехотной дивизии, командир, офицеры и солдаты черныярского полка. Похоронен о. Александр был вблизи алтаря церкви [2: 299].

Кишинёвский духовный комитет, возглавляемый архиепископом Анастасием (Грибановским)⁶, добился разрешения перенести тело о. Александра в Кишинёв. При обсуждении вопроса о месте погребения (участок кладбища, где покоятся многие воины-бессарабцы или погост Свято-Георгиевской церкви) было решено похоронить о. Александра на погосте Свято-Георгиевской церкви, настоятелем которой был его дядя о. Феофан Дубневич и «где покойный молился в дни своей юности». Останки своего любимого «Бати» привезли предста-

вители Черноморского полка 4 декабря 1916 г., офицеры, солдаты во главе с командиром полка. В 16 часов 5 декабря на вокзал прибыли представители бессарабского духовенства. К этому времени на вокзале уже собрались офицеры и солдаты Черноморского полка во главе с командиром, два военных оркестра, родные усопшего и «тысячи народа». Перед самым выносом тела прибыл железнодорожный поезд, в котором был «архиепископ Анастасий, возвращавшийся из своей поездки по епархии». Выйдя из вагона, владыка «направился к гробу, преклонил колени, помолился и трижды благословил гроб» [3: 300].

В 16.30 погребальная процессия тронулась с вокзала по Николаевской⁷ улице. Впереди шли певчие, за ними – священнослужители в белых ризах с «возжжёнными светильниками», далее – «офицеры, неся на раменах (на плечах. – С.С.) своих дорогие останки своего славного, любимого батюшки, за гробом – командир полка, родные покойного, оркестры музыки двух полков и масса народу, заполнившего улицу и тротуары; церковное пение чередовалось с похоронным маршем» [3: 301].

В 18.00 процессия прибыла в Свято-Георгиевскую церковь. «Здесь, среди церкви, была совершена заупокойная всенощная, а на следующий день, 5 декабря, – заупокойная литургия. В 11 часов, после краткой заупокойной литии, гроб изнесён был из церкви, поставлен на траурную колесницу и торжественно, в предшествовании духовенства и сопровождении офицеров, солдат, массы народа, при пении умилительных церковных пений, под звуки похоронного марша, привезён был в кафедральный собор. Здесь высокопреосвященный архиепископ Анастасий, в сослужении преосвященного епископа Гавриила и 20-ти священников, совершил у гроба панихиду и произнёс глубокопрочувствованное слово» [3: 301–302].

Из собора тело усопшего было перенесено на погост Свято-Георгиевской церкви «в таком же порядке и про такой же торжественной обстановке, как принесено оно было в соборе. На погосте этом, в северной стороне его, налево от западного входа в церковь, в саженях 3–4 от него, в склепе, честные останки преданы земле. Высокопреосвященный архиепископ Анастасий в святительском облачении шёл в процессии от собора до самого места упокоения пастыря-мученика и гроб запечатал крестным изображением» [3: 302].

В 2007 г. в Свято-Георгиевской церкви по инициативе кишинёвского краеведа В. Тарнакина и Н. Тарнакиной была установлена мемориальная доска [11: 44]. Сначала её повесила слева на храме, затем перенесли к мемориальному кресту за алтарём.

Александр Тарноруцкий был одним из немногих обычных полковых священников Первой мировой войны, удостоившихся такого количества наград за свои подвиги.

Примечания

1. Платон (Рождественский Порфирий Федорович; 1866–1934), митрополит всея Америки и Канады, глава Митрополичьего округа в Северной Америке. 8 июня 1907 г. Платон был возведён в сан архиепископа и назначен правящим архиереем Алеутской и Североамериканской епархии, сменив на кафедре архиепископа свт. Тихона (Беллавина; впоследствии патриарх Московский и всея России). В 1909 г. вызывался для присутствия в Синод. В период управления Платона Североамериканской епархией там увеличилось число приходов, прежде всего – за счёт возвращавшихся из унии русинов. 20 марта 1914 г. Патон был назначен архиепископом Кишинёвским и Хотинским. В связи с началом Первой мировой войны в Кишинёве были открыты церковный лазарет, трудовое братство при архиерейском доме, приют для сирот войны (подробнее см.: [4]).

2. Тома (Фома) Феодосьевич Чорба (1864–1936) – бессарабский врач, организатор здравоохранения и общественный деятель.

3. В «Справочной книге Кишинёвской епархии на 1915 год» почему-то фамилия записана через «о»: Торноруцкий [10: 68].

4. В 1997 г. Архиерейским собором Русской православной церкви причислен к лику святых как новомученик.

5. В 1995 г. канонизован в Костромской епархии как местночтимый святой. Почитается верующими в Соборе Костромских святых. В августе 2000 г. на Юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских.

6. Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич; 1873–1965), митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский, Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей. Анастасий 14 мая 1914 г. был переведён на самостоятельную Холмскую и Люблинскую кафедру. После оккупации Холмщины австро-немецкими войсками эвакуирован в Москву. 10 декабря 1915 г. назначен на Кишинёвскую и Хотинскую кафедру, с 6 мая 1916 г. стал архиепископом. В годы Первой мировой войны Анастасий свой дом отдал под лазарет для раненых, многократно выезжал на фронт, совершал молебны и панихиды на позициях, патриотические проповеди Анастасия отличались искренним вдохновением и красноречием. Главной целью войны для России считал присоединение Карпатской Руси. Участвовал в работе Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг., возглавлял на Соборе отдел церковного имущества и хозяйства. Поддержал предложение о восстановлении патриаршества в России. В 1-м туре голосования за кандидатов на Патриарший престол

Анастасий получил 13 голосов, став 6-м по числу набранных голосов. После избрания Патриарха Анастасий, как знаток древних уставов, возглавил соборную комиссию, выработавшую чин интронизации Первосвященника. Избран членом Священного Синода и Высшего церковного совета РПЦ. После захвата в 1918 г. румынскими войсками Бессарабии Священный Синод Румынской православной церкви без согласия Московской патриархии распространил свою власть на Кишинёвскую епархию. Отказавшись от предложения румынской церковной власти войти в румынский Синод, в 1919 г. удалился в Константинополь, пребывал там в Галате, в подворье русского Пантелеимонова монастыря. Правомерно сохранил за собой прежний титул, поскольку поставление на Кишинёвскую кафедру епископа румынским Синодом было канонически незаконным (подробнее см.: [1]).

7. ул. Николаевская: в годы румынской оккупации – Ștefan cel Mare, в советское время – Фрунзе, в настоящее время – Columna.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владислав (Цыпин), прот.* Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич) // Православная энциклопедия. Т. II: Алексий, человек божий – Анфим Анхильский. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2001. С. 237–239.

2. Георгиевские кавалеры периода Первой мировой войны: именные списки – Т. URL: <https://62info.ru/history/node/11681> (дата обращения: 5.10.2024).

3. *И.П.* Памяти священника о. Александра Григорьевича Тарноруцкого, павшего на поле брани 19 октября 1916 года // Кишинёвские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1917. № 17. 30 апреля. С. 287–304.

4. *Либеровский Е.А.* Платон (Рождественский Порфирий Федорович) // Православная энциклопедия. Т. LVI: Пётр Дамиани – Повечерие. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2019. С. 658–663.

5. *Лотоцкий П.А.* Список и краткие биографии окончивших полный курс Кишинёвской духовной семинарии за сто лет её существования (1813–1913 гг.). Кишинёв: Епархиальная типография, 1913. [6], 164, [13] с.

6. Подвиг священника... Черныярского полка о. Александра Торноруцкого // Огонёк. Еженедельный художественно-литературный журнал. 1916. № 49. 4 (17) декабря. 1917. С. 10.

7. Портал «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов». URL: <https://gwar.mil.ru/> (дата обращения: 5.10.2024).

8. Российский Государственный Военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. Картотека бюро учёта потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф без номера. Ящик 7419-С. 2270 л. Л. 358.

9. РГВИА. Ф. 16196. Особое делопроизводство по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских армий (1914–1918). Оп. 1. Именные списки потерь солдат и офицеров 1 мировой войны 1914–1918 гг. (по полкам и бригадам). Д. 1598. Именной список потерь генералов, штаб и обер-офицеров. 24 л.

10. Справочная книга Кишинёвской епархии на 1915 год / составлена и издана канцелярией Кишинёвской духовной консистории. Кишинёв: Епарх. тип., 1915. [2], IX, 5–347, [1] с., [3] л. портр.

11. *Тарнакин В., Соловьева Т.* Священник, который повёл в атаку // Тарнакин В., Соловьева Т. Бессарабские истории. Ист.-краеведческие журналистские расследования. Кишинёв: Pontos, 2011 (F.E.-P. «Tipogr. Centrală»). С. 39–44.

12. *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии. М.: Вече, 2019. 512 с.

REFERENCES

1. Anon. (2001) Vladislav (Tsy-pin), prot. Anastasiy (Gribanovskiy Aleksandr Alekseevich). In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. II. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 237–239.

2. 62info.ru/. (n.d.) *Georgievskie kavaleriy perioda Pervoy mirovoy voyny: imennyye spiski – T* [Holders of the Order of St. George during the First World War: name lists – T]. [Online] Available from: <https://62info.ru/history/node/11681> (Accessed: 5th October 2024).

3. I.P. (1917) Pamyati svyashchennika o. Aleksandra Grigor'evicha Tarnorutskogo, pavshego na pole brani 19 oktyabrya 1916 goda [In memory of the priest Fr. Alexander Grigorievich Tarnorutsky, who fell on the battlefield on October 19, 1916]. *Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti*. 30th April. pp. 287–304.

4. Liberovskiy, E.A. (2019) Platon (Rozhdestvenskiy Porfiriy Fedorovich). In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. LVI. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 658–663.

5. Lototskiy, P.A. (1913) *Spisok i kratkie biografii okonchivshikh polnyy kurs Kishinevskoy dukhovnoy seminarii za sto let ee sushchestvovaniya (1813–1913 gg.)* [List and brief biographies of those who completed the full course of the Chişinău Theological Seminary over the hundred years of its existence (1813–1913)]. Chişinău: Eparkhial'naya tipografiya.

6. *Ogonek. Ezhenedel'nyy khudozhestvenno-literaturnyy zhurnal.* (1917) Podvig

svyashchennika... Chernoyarskogo polka o. Aleksandra Tornorutskogo [The feat of the priest... of the Chernoyarsk Regiment, Fr. Aleksandr Tornorutsky]. 4th (17th) December. pp. 10.

7. Portal “Pamyati geroev Velikoy voyny 1914–1918 godov” [Portal “In Memory of the Heroes of the Great War of 1914–1918”]. [Online] Available from: <https://gwar.mil.ru/> (Accessed: 5th October 2024).

8. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund of the card index of the bureau for recording losses in the First World War (officers and soldiers). Cabinet without a number. Box 7419-C. 2270 p. p. 358.

9. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Osoboe deloproizvodstvo po sboru i registratsii svedeniy o vybyvshikh za smert'yu ili za ranami, a takzhe propavshikh bez vesti voinskiikh chinakh, deystvuyushchikh protiv nepriyatel'skikh armiy (1914–1918)* [Special records for collecting and registering information on those who left the army due to death or wounds, as well as missing in action, while fighting against enemy armies (1914–1918)]. Fund 16196. List 1. File 1598. Nominal list of casualties of generals, staff and senior officers. 24 l.

10. The Chancery of the Chişinău Consistory. (1915) *Spravochnaya kniga Kishinevskoy eparkhii na 1915 god* [Reference book of the Chişinău diocese for 1915]. Chişinău: Eparkh. tip.

11. Tarnakin, V. & Solovieva, T. (2011) *Bessarabskie istorii. Ist.-kraevedcheskie zhurnalistskie rassledovaniya* [Bessarabian stories. Historical and Local History Journalistic Investigations]. Chişinău: Pontos. pp. 39–44.

12. Shavelskiy, G.I. (2019) *Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoy armii* [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army]. Moscow: Veche.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47)*1920'

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/10

Генерал Я.А. Слащёв и миссия полковника Я.Д. Ноги в Галичину (апрель – август 1920 г.)*

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Рассматривается биография полковника Я.Д. Ноги, внука писателя Н.С. Лескова и соратника генерала Я.А. Слащёва, и его поездка в Галичину для переговоров с представителями Украинской Народной Республики. Исследование основано на переданных самим Ногой в Русский заграничный исторический архив материалах о поездке, в том числе его подробных докладах генералу Слащёву. В настоящее время эти неопубликованные документы хранятся в фонде Р-6217 Государственного архива Российской Федерации. Кроме того, при подготовке статьи использовались материалы архива Славянской библиотеки в Праге, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива высших органов власти Украины и ряда других архивов. Автор пытается объяснить мотивы Слащёва, побудившие его пойти на контакт с украинцами, а также причину того, почему роль посланника получил полковник Нога, в прошлом являвшийся сотрудником Министерства иностранных дел Украинской державы. В статье подробно освещён ход командировки Ноги (с апреля по август 1920 г.), его остановки в Константинополе, Софии и Бухаресте, взаимодействие с русскими и украинскими структурами в этих городах, переговоры с главным атаманом С.В. Петлюрой и украинскими командирами на станции Хриплин недалеко от Станиславова, влияние миссии Ноги на взаимоотношения между Русской армией и петлюровцами. Отдельное внимание уделяется конфликту между главнокомандующим Русской армией П.Н. Врангелем и генералом Слащёвым и роли украинского вопроса в этом конфликте.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00046 «Украинский вопрос в политике генерала П.Н. Врангеля (весна–осень 1920 г.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>

Ключевые слова: Гражданская война, Русская армия, Украинская Народная Республика, Крым, Галичина, Я.Д. Нога, Я.А. Слащёв, П.Н. Врангель, С.В. Петлюра

General Yakov A. Slashchov and Colonel Yaroslav D. Noga's mission to Galicia (April – August 1920)*

Anton A. Chemakin

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

The article dwells on the biography of Colonel Yaroslav D. Noga, the grandson to the writer Nikolay S. Leskov and an associate of General Yakov A. Slashchov, as well as Noga's trip to Galicia for negotiations with representatives of the Ukrainian People's Republic. The research is based on materials about the trip transferred by Noga himself to the Russian Foreign Historical Archive, including his detailed reports to General Slashchov. Currently, these unpublished documents are stored in the R-6217 collection of the State Archives of the Russian Federation. In addition, the author drew on the materials from the archives of the Slavic Library in Prague, the Russian State Military Historical Archive, the Russian State Historical Archive, the Central State Archive of the Supreme Authorities of Ukraine, and a number of other archives. The author of the article aims to explain Slashchov's motives that prompted him to make contact with the Ukrainians, as well as the reason why Colonel Noga, a former employee of the Ministry of Foreign Affairs of the Ukrainian State, was given the role of envoy. The article details the course of Noga's mission (from April to August 1920), his stops in Constantinople, Sofia, and Bucharest, interactions with Russian and Ukrainian structures in these cities, negotiations with Chief Ataman Symon V. Petliura and Ukrainian commanders at the station Khryplyn near Stanislavov, and the influence of Noga's mission on the relations between the Russian Army and the Petliurites. Special attention is given to the conflict between the Commander-in-Chief of the Russian Army Pyotr N. Wrangel and General Slashchov, as well as the role of the Ukrainian question in this conflict.

---

* The study was funded by the Russian Science Foundation, project № 24-28-00046 "The Ukrainian question in general P.N. Wrangel's policy (spring – autumn 1920)", <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>.

Keywords: Civil War, Russian Army, Ukrainian People's Republic, Crimea, Galicia, Yaroslav D. Noga, Yakov A. Slashchov, Pyotr N. Wrangel, Symon V. Petliura

Весной – летом 1920 г. белый полковник Я.Д. Нога совершил поездку в Галичину, где находилось военное и политическое руководство Украинской Народной Республики (УНР), с целью переговоров о совместной борьбе с большевиками. Формально Нога был послан от имени главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генерала П.Н. Врангеля, фактически же организатором поездки был командующий Крымским корпусом генерал Я.А. Слащёв. В российской историографии этот сюжет никогда не рассматривался, а сам Нога если и упоминался, то в контексте деятельности Слащёва и без какой-либо связи с украинским вопросом. В немецкой, украинской и польской историографии можно встретить отдельные упоминания о миссии Ноги, но все они чрезвычайно лаконичные [3: 152; 42: 215; 45: 184]. Наиболее подробно этот сюжет освещён в работе украинского историка А.В. Иванца, который чаще всего именуется Ногой врангелевским представителем, хотя мельком упоминает и про его возможные связи со Слащёвым, а также приводит краткую биографию полковника [19: 77, 79, 82, 129]. Интерес Слащёва к украинской проблематике показан в ряде работ современных авторов [1; 5], но в них нет никаких упоминаний о роли генерала в организации поездки белого эmissара к петлюровцам. Таким образом, сюжет этот относится к числу малоизученных, и лишь привлечение новых источников может помочь его освещению.

В мае 1925 г. полковник Нога передал в пражский Русский заграничный исторический архив (РЗИА) два пакета с документами, связанными как с его поездкой к Петлюре, так и с деятельностью генерала Слащёва [46]. Подавляющая часть этих документов – писем, отчетов, докладных записок, инструкций, удостоверений, карт – была посвящена именно украинскому вопросу. Генерал-майор В.В. Чернавин, рецензировавший для РЗИА предложенные Ногой документы, отметил, что эти бумаги «представляют заслуживающий внимание исторический материал» [16: 54 об. – 55]. После Второй мировой войны документы Ноги были переданы СССР и ныне входят в состав фонда Р-6217 («Коллекция материалов правительства Врангеля во время его пребывания в Крыму») ГАРФ. Именно на основании этих документов, дополненных рядом других источников, и стало возможным реконструировать миссию Ноги.

Ярослав Дмитриевич Нога родился 1 августа 1880 г. [25: 109 об.] Отец его, поручик 12-го уланского Белгородского полка Дмитрий Иванович Нога (ум. в 1910 г.) был киевским потомственным дворя-

нином и владел совместно с братом имением в селе Бурты Каневского уезда, а мать Вера Николаевна Лескова (1856–1918) являлась дочерью писателя Н.С. Лескова. Лесков, узнав, что его дочь выходит замуж за офицера, был рад, но при этом в разговоре с младшим сыном Андреем заметил, что фамилия Нога «немножко смешная», правда, тут же добавив, что «у хохлов и не такие случаются». Через год после свадьбы Нога подал в отставку и поселился вместе с женой в Буртах, безуспешно пытаясь заниматься сельским хозяйством [20: 110, 116, 130].

Ярослав учился в Киевском кадетском корпусе, курса не окончил [26: 76], но в октябре 1898 г. был подвергнут испытанию по программе для лиц, желающих поступить на службу вольноопределяющимся II разряда [25: 106]. В январе 1899 г. Нога поступил в 25-й драгунский Казанский полк, в августе того же года был командирован в Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище. В июле 1901 г. окончил училище по 1-му разряду, в октябре 1902 г. был признан «по своим служебным и нравственным качествам» вполне достойным производства в офицеры [25: 99]. В декабре 1903 г. Я. Ногу произвели в корнеты и перевели на службу в Отдельный корпус пограничной стражи. За время Русско-японской войны он заслужил пять орденов, а также Высочайшую денежную награду. В декабре 1905 г. Нога был произведён в поручики, в апреле 1906 г. переведён на службу в Ченстоховскую бригаду Пограничной стражи, но в неё так и не прибыл, а был в мае того же года прикомандирован к Санкт-Петербургской Александра III бригаде. В ноябре 1907 г. его прикомандировали к Санкт-Петербургскому жандармскому дивизиону, а в 1908 г. оформили официальный перевод в него [27: 2–4]. В 1910 г. Нога уволился со службы по состоянию здоровья и был зачислен в запас армейской кавалерии по Сахалинской области [7: 1, 6].

Уйдя из жандармов, он подал ходатайство о предоставлении места в Туркестане. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов наложил на прошение резолюцию: «Лично хорошо знаю. За честность ручаюсь». В начале 1912 г. Я. Нога был приказом по Главному управлению землеустройства и земледелия причислен к Переселенческому управлению, а весной 1912 г. назначен чиновником особых поручений и откомандирован в Ташкент в распоряжение заведующего переселенческим делом в Сыр-Дарьинском районе по делу водворения и устройства переселенцев. В январе 1913 г. заведующий переселенческим делом отмечал, что «Нога заявил себя старательным и вдумчивым, а равно безукоризненным в нравственном отношении». В апреле 1914 г. Нога обратился к главному начальнику края с просьбой о предоставлении ему должности заведующего Туркестанской

публичной библиотекой и музеем, каковую вскоре и получил [27: 4–5; 29: 10–44].

В конце июля 1914 г. Я.Д. Нога был вновь переименован в чин поручика с зачислением по армейской кавалерии, а в сентябре переведен в Ингушский конный полк. За бой 15 февраля 1915 г. у деревни Цу-Бабин Нога был произведён к ротмистры (штабс-ротмистром он стал незадолго до этого за выслугу лет), а за участие во взятии Станиславова удостоился Высочайшего благоволения. Кроме того, «за отличие в делах против австро-германцев» он был награждён орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. 22 февраля 1915 г. при наступлении на деревню Езержаны (Озеряны) около города Тлумач в Галичине Ярослав Нога был тяжело контужен неприятельским снарядом, последствием контузии стали ослабление слуха и общее угнетение центральной нервной системы. Находящийся в бессознательном состоянии Нога был эвакуирован в Одессу, а оттуда перевезён в Петроград. Некоторое время он лечился в госпитале и на дому. Когда состояние улучшилось, он вернулся в Ингушский конный полк, а затем в ноябре 1915 г. стал командиром 4-го взвода корпусного продовольственного транспорта 2-го армейского корпуса. Во время служебной командировки в Петроград Нога заболел, и в апреле 1916 г. комиссия врачей при петроградском Семёновском Александровском военном госпитале признала его нуждающимся в дальнейшем лечении. 26 мая 1916 г. Я. Нога был освидетельствован в комиссии при Петроградском Николаевском военном госпитале. Больной жаловался на заикание, невладение левой рукой и ногой, периодические головные боли, бессонницу, лёгкую возбудимость всей нервной системы и забывчивость. «Заикание. Непроизвольные подёргивания в различных мышцах, слабость левой ноги, головные боли, сердцебиение, понижение слуха, спазмы в животе. <...> Походка не твёрдая, при ходьбе волочит слегка левую ногу. Утрата болевой чувствительности на левой половине лица и понижение ее на левой половине туловища», – отмечалось во врачебном заключении. Комиссия пришла к выводу, что Нога, причисленный к 3-му классу раненых, страдает «резко выраженным травматическим неврозом», поэтому он годен лишь к нестроевой службе, и то лишь в обстановке мирного времени [27: 1, 5–8 об.; 28: 13–14].

В феврале 1917 г. он был зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа и направлен в распоряжение председателя Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны. В конце лета 1917 г. предполагалось вернуть Ногу на службу в Туркестанскую публичную библиотеку и музей, но начальство долго не могло его разыскать. Выяснилось, что в комиссии он больше не

состоит, а сам находится в Пятигорском эвакуационном пункте, т. к. еще 20 апреля был отправлен Главным управлением Российского Красного креста для лечения на Кавказ [28: 7–8, 10, 12]. Вопрос с Ногой так и не был решен вплоть до захвата власти большевиками, после которого он уехал на Украину. В 1918 г. Я.Д. Нога некоторое время числился в конвое гетмана П.П. Скоропадского [37: 9], а затем поступил на дипломатическую службу, войдя в состав украинской миссии на Кубань в качестве консульского агента I ранга и консула Украинской державы в Пятигорске [39: 49]. Впоследствии посольство УНР в Турции охарактеризует его как «человека беспринципного, самовольно кинувшего пост украинского консула» [19: 129]. Действительно, после падения режима Скоропадского на рубеже 1918–1919 гг. Нога поступил в Добровольческую армию. Служить на передовой он не мог из-за контузии, поэтому находился при штабах.

Согласно воспоминаниям Слащёва, ещё в конце 1919 г. по настоянию Врангеля и протекции начальника контрразведки Ставки полковника Г.К. Симинского Я. Нога, к этому времени произведённый в полковники, был прислан в Крым в качестве информатора с инструкцией следить за ним. Официально Нога числился «представителем штаба главнокомандующего при Крымской группе». «Полковник Нога беспрепятственно, с моей стороны, занялся своим делом, но, к глубокому сожалению ставки и, в частности, Врангеля, не нашёл подтверждения распущенных про меня слухов, – вспоминал Слащёв. – Несмотря на свою контрразведывательную деятельность, он оказался честным человеком и послал Семинскому [sic!] пространное донесение, которое позже случайно попало ко мне в руки» [31: 65]. В этом донесении, отправленном 25 марта 1920 г., Нога отмечал: «Фронт *исключительно* (выделено в источнике. – А.Ч.) держится личностью генерала Слащёва; человек “особенный”, энергичный, безусловно храбрый и не останавливается ни перед чем в достижении успеха на фронте и противодействии развалу в тылу. Он только один удержал Крым до сих пор, и он только один, облеченный диктаторскою властью, может его удержать». В этом же донесении Я.Д. Нога обращал внимание на необходимость переговоров с Н.И. Махно, видя в них спасение общего стратегического положения и призывая к объединению со всеми антибольшевистскими силами под девизом «Кто против красных – все с нами». Также он выступал против прибытия в Крым лиц, «которые пожелают здесь делать старую политику, что может погубить зачатки объединения всех отрядов партизан Украины, действующих ныне против большевиков» [30: 6–7]. Таким образом, Нога, присланный наблюдать за Слащёвым, стал его союзником и доверенным лицом, а также выдвинул идею объединения ВСЮР с

махновцами и другими украинскими отрядами. Сам Слащёв имел репутацию крайне правого – так, к примеру, в листовках он призывал красноармейцев плюнуть на «жидов», которые ими руководят, и идти вместе с ним за «Русь Святую» [4: 110–111], был почетным членом русской национальной общины Ялты [6], но при этом очевидно и то, что никаких устоявшихся взглядов у генерала не было. Видимо, именно под влиянием бывшего гетманского консула Ноги Слащёв заинтересовался украинским вопросом, причём на первых порах этот интерес был чисто военным.

К началу апреля у Слащёва и Ноги возникла идея войти в контакт с украинцами. К этому времени генерала А.И. Деникина на посту главнокомандующего сменил Врангель, и политический курс тоже начал меняться. Слащёв предложил отправить Ногу в качестве посланца в Ставку армии УНР. Уже 18 апреля 1920 г. Слащёв на станции Джанкой выдал Ноге удостоверение: «По приказанию и с согласия правителя и главнокомандующего Вооруженными силами Юга России я, командир Крымского корпуса, сим удостоверяю, что предъявитель сего, состоящий при мне представителем политической части штаба главнокомандующего полковник Ярослав Дмитриевич Нога действительно командирован на Украину к украинскому командованию и лицам, стоящим во главе украинского правительства, для установления связи и ведения переговоров о заключении полного содружества между вверенными мне войсками и вооруженными силами Украины и её правительства, почему полковнику Нога надлежит верить и считать его моим представителем при украинском правительстве и войсках». Слащёв просил союзные консульства и миссии, а также все представительства ВСЮР за границей оказывать Ноге полное содействие [10: 1–1 об.]. Таким образом, Нога ехал в том числе и от имени Врангеля, но фактическим организатором и куратором командировки был Я. Слащёв.

При отъезде Ярославу Ноге была вручена инструкция от штаба главнокомандующего ВСЮР, автором которой был начальник штаба генерал П.С. Махров [16: 54]. Согласно этой инструкции, Нога, прибыв на Украину, должен был выяснить, кто стоит во главе украинских вооруженных сил и пользуется наибольшим влиянием в войсках. Предполагалось, что военная власть может находиться не обязательно в руках Петлюры, а у другого лица или даже целой группы лиц. Нога должен был рассказать этому лицу или группе лиц о событиях, произошедших на Юге России: уходе Деникина, назначении Врангеля, который встал «на путь объединения всех народностей и партий в единый противобольшевистский фронт» (эти же сведения следовало сообщать при встречах с поляками и галичинами).

По общеполитическим вопросам нужно было дать разъяснения о земельной реформе и рабочем вопросе в духе приказов Врангеля, рассказать о соглашении с атаманами казачьих войск и отметить, что проводимая крымскими властями политика – «общеславянская». «Генерал Врангель, как главнокомандующий всеми ВСЮР, признаёт армии национальных образований (Украина, Грузия, Азербейджан и т. д.) за армии федеративных частей России, пользующихся полной самостоятельностью и подчиняющихся генералу Врангелю лишь в оперативном отношении, – отмечалось в инструкции. – Таким образом, Украинская армия является совершенно самостоятельной в своей внутренней жизни и порядке». Я. Нога следовало настаивать на необходимости соглашения об общем противобольшевистском фронте и признании единого командования в лице Врангеля, объясняя, что «такое подчинение совершенно необходимо по стратегическим целям и отнюдь не влечёт за собой вмешательства во внутреннюю политическую жизнь и направление в украинских войсках». В свою очередь Нога мог пообещать от имени Врангеля поддержку украинским войскам снарядами, патронами и военным снаряжением, для получения которых желательно было занятие украинцами портов Чёрного моря, особенно Одессы. Основной целью Ноги было организовать отправку украинской военной делегации к Врангелю, в которую, если удастся, можно было бы включить и дипломатических представителей для установления официальных отношений между правительством Украины и главнокомандующим ВСЮР [13: 1–2].

Во второй половине апреля Я. Нога покинул Крым. В Константинополе он зашёл в посольство УНР, но не сообщил о своей миссии, а попросил украинский паспорт, чтобы вернуться на Украину и поступить в армию УНР, в чём ему было отказано [38: 115 об.]. 14 мая Нога прибыл в Софию, откуда 20 мая отправил обстоятельный доклад Я.А. Слащёву. Он сообщал, что в Константинополе узнал о заключении союза между Польшей и Украиной. Полный текст договора не был известен, но Ноге удалось узнать некоторые его положения. Кроме того, встреченные в Константинополе знакомые украинцы сообщили ему, что все украинские партии (за исключением «боротьбитов» и хлеборобов-гетманцев), атаманы и партизаны подчиняются Петлюре, стоящему во главе войск и правительства. «Как Вы изволите видеть, дело представляется для нас серьёзным и совсем не в таком виде, как мы представляли сидя в Крыму. <...> Итак, приходится считаться, на мой взгляд, только с Петлюрой и правительством, около него сгруппировавшимся, тем более что он один ныне возглавляет власть не только признанную Польшей и Румынией, но и поддерживаемую Францией», – объяснял Нога Слащёву сложившуюся ситуацию.

Первые впечатления сводились к тому, что украинская армия находится в лучшем положении, чем крымская, а надежды на то, что придётся договариваться не с Петлюрой, а с какой-то более приемлемой фигурой, не оправдались. Осознавая, что проехать по русскому паспорту на Украину через Польшу не получится, Нога решил направиться в Бухарест, который являлся центром украинской дипломатии. Под видом частного лица он зашёл в украинское посольство в Болгарии и объяснил, что хочет как киевлянин проехать в Киев. Здесь он познакомился с поверенным в делах В.С. Драгомирецким и генералом для поручений при Петлюре Н.Е. Шаповалом, с которым был ранее знаком по Киеву. Нога рассказал им о событиях, произошедших в Крыму, но эти его слова первоначально были восприняты с большим недоверием. При втором свидании Драгомирецкий и Шаповал поинтересовались, почему, если Русская армия хочет найти пути к соглашению, с её стороны не принимаются соответствующих шагов? Посчитав момент благоприятным, Нога предоставил свои удостоверения. Отношение к нему сразу же изменилось. «Начало сделано, но я ясно понимаю всю сложность и трудность моего положения, а потому буду добиваться исключительно военного содружества, усиленно изворачиваясь от каких бы то ни было политических вопросов, разговоров о федерации, автономии, самостоятельности и прочее», – сообщал Нога Слащёву [10: 2–5 об.].

Шаповал написал письмо Петлюре, в котором сообщил о встрече с Ногой 18 мая. Он рассказал, что у представителя Слащёва возникли проблемы из-за позиции посольства УНР в Константинополе, приславшего в Софию телеграмму с просьбой не ставить ему украинскую визу, и из-за этого он задержался в столице Болгарии. Шаповал с этой позицией был не согласен, считая, что «не мешает его вызвать [в Ставку]» [37: 9]. Вероятно, сыграл на руку Ногe и тот факт, что Драгомирецкий, галичанин по происхождению, долгие годы жил в России и работал в Министерстве внутренних дел. В 1900-е гг. он был секретарем Галицко-русского общества в Санкт-Петербурге, но в годы Гражданской войны оказался членом украинского посольства в Болгарии. С сентября 1919 г. Драгомирецкий возглавлял посольство в качестве поверенного в делах и лояльно служил властям УНР, хотя и подозревался некоторыми в русофильстве. В 1920-е гг., перебравшись в Прагу, Драгомирецкий вновь вернется в «русский» лагерь [23]. В.С. Драгомирецкий выехал к правительству УНР, желая, среди прочего, осветить вопрос о цели приезда Ноги и решить вопрос с визами для него. Он должен был вернуться дней через 10, но из-за политической сумятицы в украинских кругах и смены правительства задержался на месяц [10: 6]. В это время украинские представители в Бухаресте,

оповещённые Драгомирецким о прибытии Ноги, пытались выяснить, что с ним делать. Член военной миссии УНР в Румынии контр-адмирал М.М. Остроградский трижды обращался к своим властям, но никаких инструкций не получил. 11 июня он написал Петлюре письмо, в котором сообщал, что решил вызвать Я. Ногу в Бухарест. Остроградский хотел просить румынские власти выдать Ноге разрешение на въезд «как бывшему нашему консулу на Кубани, каковым действительно он когда-то и был». Также Остроградский интересовался, будет ли правительство УНР вести с Ногой переговоры, а если будет, то где – в Виннице, Могилёве-Подольском, Бухаресте [33: 9]? Польский посол в Болгарии Т. Грабовский готов был помочь Ноге проехать в Бухарест, но он не знал, как к этому отнесётся польское посольство в Румынии [22: 56 об.]. 12 июня украинский военный представитель в Румынии генерал С.Н. Дельвиг писал министру иностранных дел УНР про Ярослава Ногу: «Он сидит в Софии и ждёт визы, которую необходимо иметь, чтобы проехать Румынию. Раньше, чем я прибыл в Бухарест, ему начали добывать обычную визу. Я с этим не согласился, и как только увижу действующего министра иностранных дел, то обговорю с ним и с польским послом дело. Тайно пропускать от союзных правительств такую особу не считаю возможным» [36: 3–3 об.].

Новости, привезённые вернувшимся в Софию В.С. Драгомирецким, были благоприятными: он заверил Ногу во вполне доброжелательном отношении Петлюры и правительства к целям его приезда и готовности принять его. Также Драгомирецкий предупредил, что одним из основных будет вопрос о взятии Одессы: украинское командование полагало, что город можно будет взять координированными действиями белого флота и Тираспольской группы генерала М.В. Омеляновича-Павленко. По словам Драгомирецкого, украинцы могли взять Одессу и сами, но опасались столкновения с врангелевским флотом и десантом, и поэтому приезд Ноги в украинскую Ставку приобретал важное значение [10: 6 об. – 9 об.]. Несмотря на это, ожидание визы продолжалось. «Полковник Нога так мне надоедает, что я не знаю уже, что мне делать. Единственная надежда на Вас, господин генерал, что Вы ускорите получение разрешения», – жаловался Драгомирецкий Дельвигу 29 июня [22: 58–58 об.]. Наконец 9 июля Дельвиг сообщил В. Драгомирецкому, что телеграмма о пропуске Ноги в Румынию отправлена в Софию [22: 54]. Через несколько дней Я. Нога выехал в Бухарест, для решения же формальных вопросов на болгаро-румынской границе его должен был встретить представитель правительства УНР [10: 6 об.].

В очередном докладе Нога сообщал Слащёву, что прибыл в Бухарест. Он жаловался, что задержался в дороге, и, «если бы на пути до

Бухареста я встретил бы больше внимания и сочувствия к целям моей поездки со стороны наших начальствующих лиц за границей, то это значительно ускорило бы ход дела». Несмотря на это, в Бухаресте местные русские представители – посол С.А. Поклевский-Козелл и военный агент генерал-лейтенант А.В. Геруа – отнеслись к нему со всем вниманием. При помощи Геруа Ноге удалось войти в контакт с украинским посольством, а также заручиться необходимыми для проезда в Галицию и Польшу письмами от польского и французского представителей. В Бухаресте ему удалось в частном порядке пообщаться и с офицерами-галичанами, которые уверяли его «в тяготеции галичан именно к нашей армии и вообще к России, конечно, на основах широкой федерации с сохранением своих нравов и свободы политической жизни».

Я.Д. Ноге удалось наладить контакты с украинским послом К.А. Мациевичем и военным представителем Дельвигом, и те, высказывая мнение своего правительства, «объявили о необходимости совместной нашей работы не только в вопросах войны, но и мира, если бы таковые возникли» [12: 5 об.]. В это время в Бухарест приходили сведения об отступлении польской армии под натиском большевиков и о том, что поляки могут начать переговоры о мире. Посоветовавшись с Геруа, Нога решил предпринять все меры против заключения мира, а если поляки его заключат, то употребить «все усилия повернуть Украину и Галицию на союз с нами и дальнейшее сопротивление большевикам» [10: 11–13].

В этот раз урегулирование всех формальностей, связанных с переходом границы, прошло достаточно быстро. 15 июля Геруа написал письмо начальнику Генерального штаба Румынии генералу К. Кристеску, в котором сообщал о планах создать единый антибольшевистский фронт и о миссии полковника Ноги. Он просил предоставить всю имеющуюся информацию о передвижениях войск в районе между Днестром и Днепром, в частности армии генерала М.В. Омеляновича-Павленко, а также облегчить Ноге прохождение через румынскую границу в наиболее подходящем для выполнения его миссии пункте и разрешить впоследствии вернуться в Румынию [22: 53–53 об.]. 18 июля Геруа также написал и Дельвигу, прося оказать содействие скорейшему отъезду Ноги к украинскому командованию [22: 52]. Уже 22 июля Ярослав Нога вместе с Мациевичем отправился из Бухареста в Ставку армии УНР, где предполагалось получить военные и политические полномочия для Мациевича и Дельвига и немедленно вместе с ними выехать в Крым [12: 5 об.].

В начале августа 1920 г. Я.Д. Нога посетил украинскую Ставку на станции Хриплин недалеко от Станиславова [43: 1647] – местность,

знакомую ему по боям Первой мировой войны (свою контузию он получил менее чем в 30 км отсюда). К этому времени петлюровцы не контролировали своей территории, вытесненные в Галичину наступающей Красной армией. Хорунжий С. Магальяс вспоминал: «Станция Хриплин была большой узловой станцией, через которую в то время беспрерывно тянулись военные эшелоны в направлении фронта. <...> Штаб головного атамана состоял из десятка с лишним классных и товарных вагонов, в которых размещены были: канцелярия головного атамана, оперативный отдел армии во главе с генералом М. Омеляновичем-Павленко, административные и хозяйственные учреждения, охранный отдел штаба головного атамана, отдел контрразведки полк[овника] Чеботарёва, наш информационный отдел и другие. Весь этот штабной эшелон занимал боковую железнодорожную линию рядом со станцией вдоль дороги, которая вела к речке Быстрице. Дорога эта была засажена большими вербами и садами и вела к пляжу над Быстрицей. Это было хорошее и уютное место» [21: 9].

Подробного отчета о переговорах Ноги с высшим политическим и военным руководством УНР не сохранилось, поэтому приходится обращаться к воспоминаниям. Так, полковник армии УНР И. Д. Литвиненко отмечал, что Нога «фактически не имел полномочий на заключение военного союза как такового, поэтому Петлюра и не мог с ним говорить об условиях этого союза. Полковник Нога приезжал к петлюровцам с целью договориться о том, чтобы не вступать в бои между собой, не разоружать друг друга, так как и петлюровцы и врангелевцы ведут борьбу против Красной армии» [32: 168–169]. Министр иностранных дел УНР А. В. Никовский также писал, что поездка Ноги «имела характер чисто информационный, без всяких полномочий» [34: 40 об.]. «Долго этот полковник шатался и в штабе командарма, и в штабе головного атамана в Хриплине, до тех пор, как – или обстоятельства того требовали, или, может, сам он чем-то так повлиял – наше правительство решило послать в Крым, в ответ на их вежливость, свою делегацию», – вспоминал сотник Л. Е. Чикаленко [40: 114]. 3 ноября 1920 г. Петлюра напишет послу УНР в Швейцарии Н. Н. Василько: «Не я, не наше правительство, а Врангель первый начал принимать меры, чтобы договориться со мной. Ещё в августе ко мне приезжал его уполномоченный полковн[ик] Нога, чтобы выяснить возможность совместных акций. Я в принципе не имел ничего [против] и ныне не имею, чтобы контакт в акциях был <...> Я не дал оформления для этого дела, пока не выяснил агентурным способом настоящей ситуации у Врангеля» [24: 271]. Ответная делегация УНР в Крым, посланная Петлюрой, должна была не только установить связь с Врангелем, но и неофициально разведать обстановку и понять, что

из себя представляет крымская армия. Впрочем, и Нога не ограничивался дипломатическими поручениями, но и занимался разведкой в интересах Русской армии. Впоследствии он предоставит крымским властям доклад о состоянии армии УНР, а кроме того, сообщит, что организовал в украинской армии две ячейки из офицеров русской ориентации. «Вообще для людей, хорошо знающих Украинскую армию и имеющую в ней старых друзей, довольно легко не только вести соответствующую пропаганду, но и знать решительно всё что надо», – заключал Я. Нога [12: 3]. Кроме того, в Ставке он ознакомился с планом восстания на Украине и дислокацией баз повстанческих отрядов, а также лично переговорил с рядом атаманов, приезжавших из подконтрольных красным районов, – Палием, Марусевичем, Волынцем и Тютюнником, при встрече с которыми приходилось «вести всеми мерами пропаганду, уверяя их в дружественном отношении нашей армии» [12: 2 об.]. Впрочем, Нога не был в полной мере удовлетворён результатами своей поездки. Возвращаясь через Бухарест, он в частном разговоре с генералом Дельвигом отметил, что украинское военное командование показалось ему «недостаточно решительным, слабовольным» в сравнении с новым руководством ВСЮР, которое «быстро принимает решения и непоколебимо проводит их в жизнь». Дельвигом сделал вывод, что это впечатление сложилось потому, что украинская «власть отнеслась к предложению г. Ноги осторожнее, чем он надеялся» [22: 63].

Вместе с Ногой в Крым поехали члены ответной украинской делегации полковник И.Д. Литвиненко, полковник М.Н. Крат, хорунжий К. Роменский, хорунжий И.К. Блудымко, а в Галаце к ним присоединился сотник Л.Е. Чикаленко [40: 117]. Изначально Нога предполагал, что вместе с ним поедут Мациевич и Дельвигом, но итоговый состав делегации оказался намного менее статусным. Из Галаца миссия отправилась в Рени, оттуда – на пароходе «Саратов» в Ялту, а из Ялты – на катере в Севастополь. Лишь по прибытии в Севастополь 28 августа выяснилось, что всё идет не так, как планировал Я. Нога. «Оказалось, что во время его отсутствия произошли серьёзные изменения во взаимодействии политических влияний в окружении Врангеля. Выяснилось, что его поездка к нам случилась под влиянием ген[ерала] Слащёва. Это его [Слащёва] оценка политического и стратегического положения командования “Вооруженных сил Юга России” послужила причиной поездки полк[овника] Ноги в нашу армию. Кажется, что среди тех сил, которые составляли окружение Слащёва, Нога играл не последнюю роль. Теперь же, как оказалось, Слащёв уже не только “не у дел”, а уже и “в опале”», – вспоминал Чикаленко [40: 123–124]. Нога был обеспокоен тем, что приехавших никто не встретил, но в

конце концов он успокоился, надеясь, что отставка Слащёва сильно не повлияет на ход дел [40: 123–124, 126].

Действительно, за то время, что Ярослав Нога был в Галичине у Петлюры, в руководстве Белым движением в Крыму произошли изменения. В августе 1920 г. Врангель, не доверявший Слащёву, спровоцировал его отставку с поста командующего 2-м армейским (бывшим Крымским) корпусом. Хотя отставка была и вполне почётной, Слащёв остался не у дел. Окруженный бывшими гетманцами [40: 136–138], он начал досаждать Врангелю различными предложениями, связанными с Украиной. Так, 3 сентября он послал Врангелю рапорт «о необходимости перенесения центра тяжести военных операций на Украину» [30: 59–62]. Два дня спустя у Слащёва уже был готов план овладения Правобережной Украиной [9: 1–3 об.], и он явно надеялся, что Врангель позволит именно ему заняться его реализацией. В политическом плане Я. Слащёв предлагал в одностороннем порядке признать права Украины на автономию в составе общероссийской федерации, образовать при главкоме Совет по украинским делам, а также избрать наказного украинского атамана. Вероятно, этим атаманом Слащёв также видел себя, и к тому же часть находившихся в Крыму украинских деятелей выдвигали его кандидатуру, чтобы возглавить украинские войска, которые планировалось формировать [17: 164]. Слащёв представил свои проекты Врангелю, но тот заявил, что «в силу известных политических соображений» окончательного ответа дать не может [30: 64–66]. Эта активность отставного генерала как раз совпала с приездом Ноги и петлюровской делегации, что не могло не вызвать подозрений у Врангеля.

7 сентября 1920 г. Я.Д. Нога представил доклад на имя Врангеля, в котором сообщил собранную им информацию о численности и командном составе армии УНР, повстанческом движении, настроениях в украинской армии. По его словам, в хорошем состоянии находились 1, 3 и 6-я дивизии, остальная пехота была «в состоянии среднего разложения». Снарядов для артиллерии имелось «весьма ограниченное количество». Конница, напротив, «в отличном состоянии», в кавалерийских частях поддерживалась «старая, запорожская» дисциплина: «Грабежи в особых случаях легализируются командирами полков (взятие местечек с боем, особенно еврейских), причём делится все поровну между казаками. За самовольные отдельные грабежи немедленно виселица». Согласно официальным сведениям петлюровской Ставки, армия УНР насчитывала до 30 тыс. человек, по мнению же Ноги, она не превышала 20 тыс. вместе с тыловыми частями. Он полагал, что большее значение имело повстанческое движение, на которое было обращено все внимание петлюровских

властей. Говоря о настроениях в армии УНР, Ярослав Нога отмечал: «Отношение к большевикам определённо отрицательное. К старой Доброармии, возглавляемой генералом Деникиным, враждебное. К нынешнему главнокомандующему и нашей теперешней армии сдержанно-выжидательное, с перевесом однако в сторону содружества и совместных боевых действий против общего врага – большевиков. Высшие строевые начальники во главе с генералами Омельяновичем-Павленко и Удовиченко именно так и думают; что же касается Ставки головного атамана, то там до сих пор царит самостийный дух, но общее настроение армии таково, что Петлюру может постигнуть участь генерала Деникина». Основные результаты командировки Ноги, по его мнению, сводились к следующему: 1) украинская армия и правительство «верит и желает боевого содружества с нашей армией», почему они и прислали свою ответную делегацию; 2) Польша и Румыния выступают за создание единого противобольшевистского фронта при поддержке Франции; 3) между русской, польской и украинской миссиями в Бухаресте установлен полный контакт, а румыны согласились на уступку Врангелю русского оружия и патронов, имеющих на их территории; 4) повстанческим атаманам на Украине даны инструкции изменить отношение к Русской армии с враждебного на дружественное и при возможности посылать своих офицеров для связи с врангелевскими отрядами. «Уступки с их стороны безусловно предвидятся. Создание общего фронта весьма возможно, также как и подчинение украинцев нашему главнокомандующему, но нужна в этом направлении большая энергичная политическая работа в Варшаве и Бухаресте», – подводил итог Я. Нога, при этом «по долгу службы» категорически предупреждая, что при повторении старого «вместо общего фронта мы легко можем увидеть снова перед собой враждебно настроенные вооружённые народные массы» [12: 1–4].

Члены украинской делегации считали, что этим докладом Нога только ухудшил своё положение. «Делегация, которая ездила от Врангеля к Украинской армии, представила доклад настолько “ураинофильским”, что полковника Ногу, главу делегации, отставили, ибо, как говорили – “ясно, что проданся”», – сообщали члены украинской миссии по возвращении [38: 47]. Нога действительно выступал за сотрудничество с петлюровцами, но, справедливости ради, он не пытался представлять всё исключительно в благоприятном свете. Так, он привёз с собой и доклад генерал-майора Н.В. Антоновича, который по собственной инициативе посетил Петлюру и сделал вывод, что головной атаман – человек «с огромным самомнением и не большого ума», а его «позы приближают к мысли, не на пороге ли он душевного расстройтва» [11: 1–2].

Полковник Литвиненко впоследствии так докладывал Петлюре и Омельяновичу-Павленко об обстановке вокруг делегации: «Чрезвычайно интересно, что за время до нашего приема главкомом велась закулисная борьба партий согласия с Украиной и абсолютного непризнания её. Это борьба была настолько острой, что полковник Нога несколько дней не мог добиться, чтобы его принял [председатель правительства] г. Кривошеин, так как в своём докладе высказался, «что спасти дело Русской армии может только согласие с Украиной». Интересно также и то, что разные лица несколько раз передавали делегации про расположение к Украине генерала Слащёва-Крымского, который «играл очень важную роль в правящих кругах». Делегация считала невежливым видеться с кем-нибудь до приема её главкомом, а потому не виделась и со Слащёвым. Потом уже оказалось, что ген[ерал] Слащёв является главой оппозиции Врангелю, и потому его отозвали с фронта» [34: 9–9 об.]. В итоге на приёме делегации у Кривошеина Нога не присутствовал [40: 140], хотя и сопровождал её до места встречи [43: 1652]. А.В. Кривошеин сказал членам делегации, что её приезд для крымского правительства был в известной степени неожиданностью, намекая на то, что он был инициирован кем-то другим, а не людьми, обладающими влиянием в данный момент [43: 1652–1653]. До Врангеля доходили слухи о контактах украинцев со Слащёвым, и главком, по сведениям Литвиненко, сказал на одном из совещаний: «Да, эта делегация ведёт себя довольно странно. Она ещё не была у меня, а уже виделась с особами, которые не имеют никакого отношения до них, ни за что не отвечают и не имеют никакого служебного положения» [34: 9 об.]. Врангеля убедили, что данная информация не соответствует действительности, и лишь после этого главком принял делегацию.

Встреча состоялась 10 сентября, и, хотя она прошла корректно и с соблюдением всех формальностей, доверия между обеими сторонами не было. «В то время, когда Врангель направил к правительству [УНР] полковника Ногу, у него, возможно, было намерение говорить с нами честно, но это было не долго, наша миссия, приехав в Крым, той честности уже не видела», – отмечал контр-адмирал Остроградский [33: 12 об.]. Собственно говоря, основная причина была в том, что первоначальная инициатива о переговорах исходила не от Врангеля, а от Слащёва и в некоторой степени от Махрова. В течение лета в руководстве ВСЮР произошли серьезные изменения – Я.А. Слащёв был отправлен в почётную отставку, а П.С. Махров в Польшу в качестве военного агента. Кроме того, назойливая активность Слащёва, лоббировавшего интересы проукраинской «партии», не могла не вызвать подозрений у главнокомандующего. Осенью 1920 г. состоится ещё несколько раундов переговоров между врангелевцами и петлюровцами

в Бухаресте и Варшаве, но они ни к чему не приведут. В дальнейшем выяснится, что Врангель был не в полной мере согласен с теми предложениями, которые, согласно инструкции Махрова, Нога передал Петлюре. Так, например, в инструкции говорилось про желательность занятия Одессы украинскими войсками, но осенью 1920 г., когда начнутся переговоры в Бухаресте, Врангель выступит категорически против данного пункта, считая, что Одесса должна контролироваться Русской армией [44]. Таким образом, некоторую роль в провале последующих переговоров сыграл и «слащёвский» фактор, и изменение оперативной обстановки за полгода, прошедшие с момента отъезда Ноги из Крыма, и недопонимание, возникшее, вероятно, из-за того, что при отправке миссии в начале апреля Врангелю, только что занявшему пост главнокомандующего, просто-напросто было не до неё.

Несмотря на вполне успешное выполнение задания, Я.Д. Нога новых поручений не получил. Слащёв утверждал в своих мемуарах, что «во время врангелевского командования Нога был исключен со службы» [31: 65]. Действительности это не соответствует, но совершенно очевидно, что Я. Ноге Врангель не доверял. После возвращения из Галичины полковник числился в распоряжении дежурного генерала 2-й армии. Чувствуя бесперспективность дальнейшей службы, Нога решил уволиться сам по состоянию здоровья. 29 октября 1920 г. он был освидетельствован врачебной комиссией при Военно-санитарном управлении Всевеликого войска Донского и признан «вовсе негодным к службе, как раненый 2-го класса» [15: 11–11 об.].

В ноябре 1920 г. Ярослав Нога вместе с Русской армией эвакуировался из Крыма в Константинополь. По состоянию на февраль 1921 г. он был членом Украинского национального комитета в Константинополе [18: 39], ставившего своей целью добиваться создания федерации Украины и России. На одном из заседаний комитета Нога сделал доклад о своей поездке к Петлюре, во время которого прямо обвинил штаб Врангеля в нежелании принять требования украинского правительства, из-за чего все присутствовавшие и оказались в Константинополе. «Какую бы армию вы не организовывали, хоть и украинскую, если украинский штаб не будет независимо руководить ею, ничего из того не выйдет», – подчёркивал он [35: 34].

В конце 1920 – первой половине 1921 г. Я.Д. Нога сохранял тесные контакты со Слащёвым. Так, например, когда Слащёв оказался под французским домашним арестом, представителю УНР адмиралу Остроградскому пришлось поддерживать контакты с ним именно через Ногу [33: 13]. В архиве Ноги сохранилась неопубликованная статья Я.Д. Слащёва «Идея национальности и большевизм», написанная примерно в середине 1921 г. Слащёв отмечал, что сущность

большевизма заключается в его антинациональности, и поэтому ему должен быть противопоставлен союз отдельных народностей России («Светлый Национал»). Слащёв полагал, что географическое положение Украины, а также непрекращающиеся восстания должны сделать её первым театром военных действий против большевиков при использовании остатков армии Врангеля или новой интервенции. Исходя из этого, он считал необходимым признать полную самостоятельность Украины как суверенного государства и использовать остатки армии Врангеля на украинском направлении. «Думается нам, что такое использование возможно лишь при том условии, что во главе этой боевой единицы станет новое лицо, вполне приемлемое как для Украины, так и для широких русских кругов, которое обладало бы соответствующими личными, боевыми и административными качествами и могло бы действительно одухотворить армию и повести её к победе, избегнув вместе с тем тех непростительных ошибок в тылу, которые были допущены в Крыму и до известной степени обусловили бегство армии Врангеля из Крыма, представлявшего собою неприступную крепость...», – писал Слащёв в одном из черновых вариантов статьи [14: 1–2]. Нет никаких сомнений, что лицом, которое сможет возглавить украинскую армию, Слащёв видел самого себя. Вся его заинтересованность украинским вопросом теперь сводилась к сугубо личным мотивам – желанию вновь вернуться на первые роли и отомстить Врангелю, невзирая на возможные последствия и потенциальный раскол Русской армии. Конечно, в конце лета 1920 г. Я. Слащёв, подавая Врангелю различные проекты по украинскому вопросу, занимал намного более умеренные позиции, но личный мотив явно читался и в них (чего только стоило предложение ввести пост наказного украинского атамана, на который он явно претендовал). Следовательно, опасения Врангеля, что Слащёв, педалируя украинскую тему, ведёт какую-то интригу против главного командования, не были полностью безосновательными, а недоверие главкома и его окружения к Ногге и привезённой им украинской делегации также вполне объяснимо.

Я.А. Слащёв не ограничился написанием статьи, а вступил в переговоры с украинскими правыми кругами («вольными казаками») и даже заключил с ними договор, предполагавший признание независимости Украины и военный союз между войсками Слащёва и украинской армией (стоит, правда, оговориться, что на момент заключения договора реальной военной силой ни одна из сторон не обладала) [1: 25; 5: 371–372]. При этом Слащёв в 1921 г. вёл переговоры не только с украинцами, но и с русскими монархистами и даже с сионистами [4: 144–145], а в конце концов, как известно, вернулся в Советскую Россию.

Я. Нога за своим шефом не последовал, а отправился из Константинополя в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС) и поселился в Белграде. В ноябре 1922 г. в беженской анкете он отметил, что в постоянном уходе не нуждается, а на жизнь хотел бы зарабатывать интеллигентным трудом [15: 8, 10]. С 1923 г. Ярослав Нога проживал в Праге и работал поваром. В июне 1925 г. он подал заявление с просьбой зачислить его в члены Союза русских инвалидов в Чехословакии [8: 2, 3]. В опубликованной в марте 1930 г. статье сотрудника «Нового времени» А.А. Бурнакина мельком упоминается, что в Югославии живет внук Н.С. Лескова полковник Нога, «служивший в штабе на перекопских позициях» [2: 2]. Вполне вероятно, что во второй половине 1920-х гг. Нога вернулся в Королевство СХС, где проживала его младшая сестра, журналистка Н.Д. Бахарева-Полюшкина. В сентябре 1937 г. ему была выдана справка, подтверждающая диагноз, из которой следует, что он по-прежнему жил в Югославии [15: 9]. После Второй мировой войны Нога перебрался в Аргентину и по состоянию на 1952 г. проживал в Буэнос-Айресе [41]. Дальнейшие его следы теряются.

Ярослав Нога был типичным примером человека, считавшего себя одновременно и русским, и украинцем. По всей видимости, он был вполне искренним сторонником налаживания контактов Русской армии с армией УНР для совместной борьбы с большевиками. При этом генерал Слащев, которому Нога подчинялся, неоднократно пытался использовать украинский вопрос в своих личных интересах – вряд ли можно говорить о том, что он пересмотрел свои прежние взгляды и неожиданно стал сторонником союза с УНР, а затем и признания независимости Украины. Очевидно, что он, педалируя украинскую тему, рассчитывал благодаря ей вернуться к активной военной и политической деятельности, а в 1921 г. к этим мотивам добавилось и желание отомстить Врангелю. Я.Д. Нога же в августе – сентябре 1920 г. оказался в эпицентре борьбы между «врангелевской» и «слащевской» группировками по украинскому вопросу и в итоге не только не получил никакой награды за выполненную миссию, но и вовсе остался не у дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондаренко В.Г.* Генерал Я. Слащов і українські монархісти у 1921 р. // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. 2012. Вип. 29. С. 22–27.
2. *Бурнакин А.* Н.С. Лесков и его внуки // Новое время. 1930. 4 марта. № 2655. С. 2–3.

3. *Гаврилюк Г.* Спроба укладення військової конвенції УНР з «Урядом Півдня Росії» в 1920 р. // Київська старовина. 1997. № 3/4 (316). С. 152–156.
4. *Ганин А.В.* Белый генерал и красный военспец Яков Слащёв-Крымский. М.: Фонд «Русские Витязи», 2021. 256 с.
5. *Ганин А.В.* Тайные договоры генерала Я.А. Слащёва-Крымского с украинскими националистами в 1921 г. // Славянский альманах. 2022. Вып. 1–2. С. 353–374.
6. Генерал Я.А. Слащёв-Крымский в Ялте // Ялтинский вечер. 1920. 9 сентября. № 330. С. 1.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 15524. О зачислении поручика Петербургского жандармского дивизиона Нога в запас. 1910 г.
8. ГАРФ. Ф. Р-5968. Оп. 2. Д. 45. Личное дело члена Союза инвалидов Нога Я.Д. 1925 г.
9. ГАРФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 11. План овладения Правобережной Украиной, составленный Слащёвым. 1920 г.
10. ГАРФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 40. Доклады полковника Нога генералу Слащёву о заграничной командировке. 1920 г.
11. ГАРФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 44. Доклад генерала Антоновича генералу Врангелю о беседе с Петлюрой. 1920 г.
12. ГАРФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 56. Доклад полковника Нога генералу Врангелю об украинской армии. 1920 г.
13. ГАРФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 70. Инструкция полковнику Нога от Штаба главнокомандующего. 1920 г.
14. ГАРФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 88. Статья «Идея национальности и большевизм». 1921 г.
15. ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Д. 228. Опросные листы, удостоверения и заявления эмигрантов об оказании им материальной помощи (буква «Н»). 1920–1930-е гг.
16. ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 224. Отзывы экспертов на предложенные к передаче документы. 1924–1940 гг.
17. ГАРФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3. Янушевский Г.Е. «Украинский вопрос в Крыму при генерале Врангеле в 1920 г.» 1934 г.
18. ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 427. Материалы Украинского национального комитета в Константинополе. 1920–1921 гг.
19. *Иванець А.В.* Кримська проблема в діяльності УНР періоду Директорії (кін. 1918–1920 рр.). Сімферополь: ДОЛЯ, 2013. 176 с.
20. *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984. 607 с.
21. *Магалаєв С.* Року Божого 1920-го у Хриплині над Бистрицею (Фрагмент із спогадів) // Дороговаказ. 1966. № 13 (32). С. 8–11.

22. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 62. Оп. 2. Д. 44. Материалы генерала С. Дельвига. 1917–1921 гг.
23. *Парфирьев Д.С.* Василий Драгомирецкий: из русских в украинцы и обратно // Диалог со временем. 2023. Вып. 82. С. 285–295.
24. *Петлюра С.* Статті, листи, документи. Нью-Йорк: Українська вільна академія наук, 1956. 480 с.
25. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 30421. О производстве в офицеры подпрапорщиков по Киевскому военному округу. 1902 г.
26. РГВИА. Ф. 400. Оп. 11. Д. 575. По переименованию военных чинов в гражданские и гражданских в военные. 1914–1915 гг.
27. РГВИА. Ф. 409. П/с 26–204. Нога Я.Д. 1916 г.
28. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 6559. О зачислении в резерв чинов штаба Петроградского военного округа ротмистра Нога. 1917 г.
29. Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 7. Д. 2503. Нога Я.Д. 1910–1914 гг.
30. *Слащёв-Крымский Я.А.* Требую суда общества и гласности (оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы. 2-е издание. Константинополь: Книгоиздательство М. Шульман, 1921. 95 с.
31. *Слащов Я.* Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. М.; Л.: Государственное издательство, [1924]. 148 с.
32. Українське відродження 1917–1920 рр. на Сумщині. Т.1 / авт.-упор. Г.М. Іванущенко. Суми: ФОП Наталуха А.С., 2010. 280 с.
33. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГА ВО Украины). Ф. 1429. Оп. 2. Д. 23. Доповіді та листування дипломатичної місії УНР в Румунії. 1920–1921.
34. ЦГАВО Украины. Ф. 1429. Оп. 2. Д. 28. Листування щодо справи генерала Врангеля. 1920–1921 рр.
35. ЦГАВО Украины. Ф. 1429. Оп. 2. Д. 109. Доповіді та звіти про діяльність місій УНР, життя російських та українських емігрантів. 1921 р.
36. ЦГАВО Украины. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 352. Листування з Українською дипломатичною місією в Румунії. 1920 р.
37. ЦГАВО Украины. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 355. Листування з посольством УНР в Болгарії. 1920–1922 рр.
38. ЦГАВО Украины. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 624. Інформаційні доповіді про події на польсько-українському фронті, огляд військових подій на Україні. 1920–1922 рр.
39. ЦГАВО Украины. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 3. Службові і командировочні посвідчення співробітників міністерства, списки їх. 1920 р.
40. *Чикаленко Л.* Уривки зі спогадів з років 1919–1920. Нью-Йорк: Наша Батьківщина, 1963. С. 114–152.
41. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. N.D. Bakha-

reva papers. Folder “Correspondence”. Письмо Н.Д. Бахаревой В. Эджертону от 9 октября 1952 г.

42. *Bruski J.J.* Petlurowcy: Centrum Państwowe Ukraińskiej Republiki Ludowej na wychodźstwie (1919–1924). Kraków: Wydawnictwo ARCANA, 2000. 600 s.

43. *Chikalenko L.* Ukrainian – Russian negotiations in 1920: a recollection // *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Social Sciences in the United States*. 1959. Vol. VII. No. 1–2 (23–24). P. 1647–1655.

44. Hoover Institution Archives. Evgenii Miller papers. Box 3. Folder 9. Телеграмма П.Н. Врангеля А.В. Геруа от 27 сентября 1920 г.

45. *Mark R.A.* Symon Petljura und die UNR. Vom Sturz des Hetmans Skoropadskij bis zum Exil in Polen // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 40. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1988. S. 7–228.

46. Národní knihovna České republiky. Slovenská knihovna. Interní archiv Ruského zahraničního historického archivu. Část 6. I.j. 1217. Опись документов полковника Нога. 1925 г.

REFERENCES

1. Bondarenko, V.G. (2012) General Ya. Slashchov i ukrains'ki monarkhisti u 1921 r. *Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo universitetu. Seriya: Istorija*. 29. pp. 22–27.

2. Burnakin, A. (1930) N.S. Leskov i ego vnuki [Nikolay S. Leskov and his grandchildren]. *Novoe vremya*. 4th March. pp. 2–3.

3. Gavrilyuk, G. (1997) Sproba ukladennya viys'kovoï konventsii UNR z “Uryadom Pivdnya Rosii” v 1920 r. *Kiivs'ka starovina*. 3/4 (316). pp. 152–156.

4. Ganin, A.V. (2021) *Belyy general i krasnyy voenspets Yakov Slashchev-Krymskiy* [White General and Red Military Specialist Yakov Slashchov-Krymsky]. Moscow: Russkie Vityazi.

5. Ganin, A.V. (2022) Taynye dogovory generala Ya.A. Slashchova-Krymskogo s ukrainskimi natsionalistami v 1921 g. [Secret agreements of General Yakov A. Slashchov-Krymsky with Ukrainian nationalists in 1921]. *Slavyanskiy al'manakh*. 1–2. pp. 353–374.

6. *Yaltinskiy vecher*. (1920) General Ya.A. Slashchev-Krymskiy v Yalte [General Yakov Slashchev-Krymsky in Yalta]. 9th September. p. 1.

7. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1910) *O zachislenii poruchika Peterburgskogo zhandarm'skogo diviziona Noga v zapas* [On the transfer of the lieutenant of the St. Petersburg Gendarme Division Noga to the reserve]. Fund 110. List 2. File 15524.

8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1925) *Lichnoe delo chlena Soyuzu invalidov Noga Ya.D.* [Personal file of the member of the Union of Disabled People Ya.D. Noga]. Fund R-5968. List 2. File 45.

9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920a) *Plan ovladeniya Pravoberezhnoy Ukrainoy, sostavlennyy Slashchevym* [The plan for the conquest

of Right-Bank Ukraine, drawn up by Slashchev]. Fund R-6217. List 1. File 11.

10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920b) *Doklady polkovnika Noga generalu Slashchevu o zagranichnoy komandirovke* [Colonel Noga's reports to General Slashchev on a foreign mission]. Fund R-6217. List 1. File 40.

11. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920c) *Doklad generala Antonovicha generalu Vrangelyu o besede s Petlyuroy* [General Antonovich's report to General Wrangel on the conversation with Petliura]. Fund R-6217. List 1. File 44.

12. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920d) *Doklad polkovnika Noga generalu Vrangelyu ob ukrainskoy armii* [Colonel Noga's report to General Wrangel on the Ukrainian army]. Fund R-6217. List 1. File 56.

13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920e) *Instruktsiya polkovniku Noga ot Shtaba glavnokomanduyushchego* [Instructions to Colonel Noga from the Headquarters of the Commander-in-Chief]. Fund R-6217. List 1. File 70.

14. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1921) *Stat'ya "Ideya natsional'nosti i bol'shevizm"* [Article "The Idea of Nationality and Bolshevism"]. Fund R-6217. List 1. File 88.

15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920s – 1930s) *Oprosnye listy, udostovereniya i zavayleniya emigrantov ob okazanii im material'noy pomoshchi (bukva "N")* [Questionnaires, certificates and statements of emigrants on the provision of material assistance to them (letter "N")]. Fund R-6792. List 1. File 228.

16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1924–1940) *Otzyvy ekspertov na predlozhennyye k peredache dokumenty* [Experts' feedback on the documents proposed for transfer]. Fund R-7030. List 1. File 224.

17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1934) *Yanushevskiy G.E. "Ukrainskiy vopros v Krymu pri generale Vrangele v 1920 g."* [Yanushevskiy G.E. "The Ukrainian question in Crimea under General Wrangel in 1920"]. Fund R-7440. List 1. File 3.

18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920–1921) *Materialy Ukrainskogo natsional'nogo komiteta v Konstantinopole* [Materials of the Ukrainian National Committee in Constantinople]. Fund R-9145. List 1. File 427.

19. Ivanets, A.V. (2013) *Krims'ka problema v diyal'nosti UNR periodu Direktorii (kin. 1918–1920 rr.)* [The Crimean problem in the activities of the UPR during the Directory period (late 1918 – 1920)]. Simferopol: DOLYa.

20. Leskov, A. (1984) *Zhizn' Nikolaya Leskova po ego lichnym, semeynym i nesemeynym zapisyam i pamyatyam* [The life of Nikolay Leskov according to his personal, family and non-family records and memories]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

21. Magalyas, S. (1966) Roku Bozhogo 1920-go u Khriplini nad Bistritseyu (Fragment iz spogadiv) [The year of God 1920 in Khriplin nad Bystritsa (Fragment from the recollections)]. *Dorogovkaz*. 13(32). pp. 8–11.

22. The Branch State Archive of the Security Service of Ukraine (GDA SBU). (1917–1921) *Materialy generala S. Del'viga* [Materials by General S. Delvig]. Fund 62. List 2. File 44.

23. Parfiriev, D.S. (2023) Vasiliy Dragomiretskiy: iz russkikh v ukraintsy i obratno [Vasily Dragomiretsky: From Russians to Ukrainians and Back Again]. *Dialog so vremenem*. 82. pp. 285–295.

24. Petliura, S. (1956) *Statti, listi, dokumenti* [Articles, Correspondence, Documents]. New York: Ukraïns'ka vil'na akademiya nauk.

25. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). (1902) *O proizvodstve v ofitsery podpraporshchikov po Kievskomu voennomu okrugu* [On the commissioning of sub-warrant officers to officers in the Kiev Military District]. Fund 400. List 9. File 30421.

26. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). (1914–1915) *Po pereimenovaniyu voennykh chinov v grazhdanskie i grazhdanskikh v voennye* [On renaming military ranks into civilians and civilians into military]. Fund 400. List 11. File 575.

27. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). (1916) *Ya.D. Noga*. Fund 409. Service record 26–204.

28. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). (1917) *O zachislenii v rezerv chinov shtaba Petrogradskogo voennogo okruga rotmistra Noga* [On the transfer of Captain Noga to the reserve of the ranks of the staff of the Petrograd Military District]. Fund 1343. List 10. File 6559.

29. The Russian State Historical Archive (RGIA). (1910–1914) *Ya.D. Noga*. Fund 391. List 7. File 2503.

30. Slashchov-Krymskiy, Ya.A. (1921) *Trebuyu suda obshchestva i glasnosti (oborona i sdacha Kryma). Memuary i dokumenty* [I demand a trial by society and publicity (the defense and surrender of Crimea). Memoirs and documents]. 2nd ed. Constantinople: M. Shulman.

31. Slashchov, Ya. (1924) *Krym v 1920 g. Otryvki iz vospominaniy* [Crimea in 1920. Excerpts from Memoirs]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

32. Ivanushchenko, G.M. (ed.) (2010) *Ukraïns'ke vidrodzhennya 1917–1920 rr. na Sumshchini* [The Ukrainian Revival of 1917–1920 in Sumy Region]. Vol. 1. Sumy: FOP Natalukha A.S.

33. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsGAVO Ukraine). (1920–1921) *Dopovli ta lystuvannia diplomatichnoi' misii' UNR v Rumunii'* [Reports and correspondence of the UPR diplomatic mission in Romania]. Fund 1429. List 2. File 23.

34. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Admin-

istration of Ukraine (TsGAVO Ukrainy). (1920–1921) *Listuvannya shchodo spravi generala Vrangelya* [Correspondence regarding the case of General Wrangel]. Fund 1429. List 2. File 28.

35. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsGAVO Ukrainy). (1921) *Dopovodi ta zviti pro diyal'nist' misiy UNR, zhittya rosiys'kikh ta ukraïns'kikh emigrantiv* [Reports on the activities of UPR missions, the life of Russian and Ukrainian emigrants]. Fund 1429. List 2. File 109.

36. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsGAVO Ukrainy). (1920) *Listuvannya z Ukraïns'koyu diplomatichnoyu misieyu v Rumunii* [Correspondence with the Ukrainian diplomatic mission in Romania]. Fund 3696. List 2. File 352.

37. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsGAVO Ukrainy). (1920–1922) *Listuvannya z posol'stvom UNR v Bolgarii* [Correspondence with the UPR embassy in Bulgaria]. Fund 3696. List 2. File 355.

38. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsGAVO Ukrainy). (1920–1922) *Informatsiyni dopovidi pro podii na pol's'ko-ukraïns'komu fronti, oglyad viys'kovikh podiy na Ukraïni* [Information reports on events on the Polish-Ukrainian front, an overview of military events in Ukraine]. Fund 3696. List 2. File 624.

39. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsGAVO Ukrainy). (1920) *Sluzhbovi i komandirovochni posvidchennya spivrobotnikov ministerstva, spiski ìkh* [Service and travel certificates of employees of the ministry, their lists]. Fund 3766. List 1. File 3.

40. Chikalenko, L. (1963) *Urivki zi spogadiv z rokiv 1919–1920* [Excerpts from memories from 1919–1920]. New York: Nasha Bat'kivshchina.

41. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. (1952) *Letter from N.D. Bakhareva to V. Edgerton, October 9, 1952*. N.D. Bakhareva papers. Folder “Correspondence.”

42. Bruski, J.J. (2000) *Petlurowcy: Centrum Państwowe Ukraińskiej Republiki Ludowej na wychodźstwie (1919–1924)*. Kraków: ARCANA.

43. Chikalenko, L. (1959) Ukrainian – Russian negotiations in 1920: a recollection. *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Social Sciences in the United States*. 1–2 (23–24). pp. 1647–1655.

44. Hoover Institution Archives. (1920) *Telegram from P.N. Wrangel to A.V. Gerua, September 27, 1920*. Evgenii Miller papers. Box 3. Folder 9.

45. Mark, R.A. (1988) Symon Petljura und die UNR. Vom Sturz des Hetmans Skoropadskij bis zum Exil in Polen. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 40. pp. 7–228.

46. Národní knihovna České republiky. Slovanská knihovna. Interní archiv

Ruského zahraničného historického archivu. (1925) *Opis' dokumentov polkovnika Noga* [Inventory of Colonel Noga's documents]. Part 6. File 1217.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

УДК 930.85

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/11

Идеология панславизма в восприятии русской эмиграции первой волны (1920–1930-е гг.)

А.Ю. Сулов

Казанский национальный исследовательский технологический университет

Россия, 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, 68

E-mail: plusha131333@yandex.ru

Авторское резюме

Изучается восприятие идеологии панславизма в среде русской эмиграции первой волны (1920–1930-е гг.). Феномен панславизма возникает в XIX в., отражая сложный процесс роста национального самосознания славянских народов Восточной Европы и попытки преодолеть изолированную идентичность. В XX в. идеология панславизма претерпела значительные изменения, перестав быть инструментом внешней политики Советской России, опиравшейся на концепцию пролетарского интернационализма. В то же время панславистские идеи получили переосмысление в кругах русской эмиграции, где можно выделить несколько подходов. Анализируется идеология евразийцев, рассматривавших славянскую идею в контексте синтеза Востока и Запада; практика заграничных организаций русской партии социалистов-революционеров, сделавших попытку создания политической организации «Социалистическая Лига Нового Востока»; наконец, деятельность газеты «Россия и славянство» по формированию культурного единства славянских народов. Делается вывод о неудачной попытке эмиграции первой волны в целом творчески возродить концепцию панславизма.

Ключевые слова: славянство, панславизм, Россия, эмиграция, историография, евразийство, партия социалистов-революционеров

The ideology of Pan-Slavism as perceived by the first wave of Russian émigré (1920–1930s)

Aleksei Y. Suslov

Kazan National Research Technological University

68 K. Marx Street, Kazan, 420015, Russia

E-mail: plusha131333@yandex.ru

Abstract

The article studies the ideology of Pan-Slavism as perceived by the Russian émigré of the first wave (1920 – 1930s). The phenomenon of Pan-Slavism emerged in the 19th century, reflecting the complex process of growing national self-awareness of the Slavic peoples in Eastern Europe and attempts to overcome isolated identity. In the 20th century, Pan-Slavism underwent significant changes, ceasing to be an instrument of Soviet Russia's foreign policy based on the concept of proletarian internationalism. However, Pan-Slavism was rethought by the Russian émigré, who supported several approaches to the concept. The article examines the ideology of the Eurasians, who considered the Slavic idea in the context of the synthesis of East and West; the practice of foreign organizations of the Russian Party of Socialist Revolutionaries, who attempted to create a political organization "Socialist League of the New East"; and, finally, the activities of the newspaper *Rossiya i slavyanstvo* (*Russia and Slavyanism*) aimed at the formation of the Slavic cultural unity. The author concludes that the attempt of the first-wave émigré as a whole to creatively revive the concept of Pan-Slavism failed.

Keywords: Slavs, Pan-Slavism, Russia, émigré, historiography, Eurasianism, Party of Socialist Revolutionaries

Идеология панславизма имеет давнюю историю. Она появляется в «долгом» XIX в. с целью политической реформы Европы в интересах славянства, хотя, безусловно, имела более давние корни. Основную идею панславизма можно определить как попытку преодолеть изолированную национальную идентичность и создать более широкую, «транснациональную» общность, включающую, в духе геополитики того времени, территорию, превышающую площадь национального государства. Панславизм указывает на этническую близость определенных народов как на главную причину, по которой эти страны должны создать более сплоченное политическое сообщество. Конечно, были и другие причины – экономические, политические и культурные. По представлениям большинства панславистов, эта реорганизация

должна осуществиться в форме федерации под главенством России. Во второй половине XIX в. доктрина панславизма стала определяющим элементом идеологии русского национализма, особенно во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Показательно, что российские радикалы XIX в., как народники, так и социал-демократы, достаточно нейтрально относились к экспансии Российской империи.

После революции 1917 г. и окончания Первой мировой войны ситуация существенно изменилась. «Классическая» эпоха панславизма закончилась с распадом Российской и Австро-Венгерской империй и возникновением новых славянских государств. Советская Россия, сделавшая ставку на мировую революцию, отказалась от идеи панславизма. Теория славянской взаимности считалась реакционной, не вписывавшейся в концепцию пролетарского интернационализма. Считалось, что панславизм был империалистическим инструментом «проникновения России на Балканы». Лидер советских историков-марксистов М.Н. Покровский писал в газете «Правда» в 1927 г. по поводу конференции в Варшаве «историков государств Восточной Европы и славянского мира», что панславизм всегда был «чисто политическим явлением» и находится сейчас на службе империализма [22: 1].

Более того, в 1920–1930-е гг. многие сторонники панславизма в СССР, прежде всего ученые, были репрессированы [16: 170]. Отношения с вновь образовавшимися восточноевропейскими славянскими странами в 1920–1930-е гг. у СССР были плохими, особенно с Польшей и Чехословакией, где активную поддержку получили эмигранты первой волны. Однако идея славянской солидарности не исчезла. В той или иной форме она была развита деятелями российской эмиграции первой волны, находившимися в поиске новых идей и подходов для будущей, постбольшевистской России.

Целью данной работы является исследование проблемы восприятия идеи славянского единства российской эмиграцией первой волны в 1920–1930-е гг.

Идеологии и практике панславизма XX в. уделялось закономерно меньше внимание в историографии, чем событиям XIX в. Тем не менее в исторической литературе достаточно подробно рассмотрена эволюция панславистской идеи в советской идеологии и внешней политике, особенно в годы Второй мировой войны [2; 16; 29]. Изучены модели панславизма [20], проанализирована история советского славяноведения [5], отдельные аспекты зарубежной историографии [19]. Однако восприятию идей панславизма в эмигрантской публицистике и политической практике 1920–1930-х гг. уделено гораздо меньше внимания [25], причем приоритет здесь принадлежит белорусским и украинским исследователям. Можно выделить работы белорусского

историка В.Е. Козлякова [11–13] о проблемах неонародничества XX в. и славянского единства, а также труды исследователей из Украины О.Е. Зубко [6–9] и О.О. Сухобоковой [26]. Проблематика панславизма затрагивается в исследованиях по истории евразийства [17; 23] и заграничных организаций партии социалистов-революционеров [31], в том числе ее лидера В.М. Чернова [1; 10; 14; 15].

В современной западной историографии выделяется проект Лейпцигского гуманитарного научного центра истории и культуры Восточно-Центральной Европы (2011–2013 гг.), результатом которого стал сборник статей «Постпанславизм. Славянство, славянская идея и антиславизм в XX и XXI веках» [30]. Статьи сборника посвящены изучению в сравнительной перспективе, в сочетании современных исторических, искусствоведческих и культурно-исторических подходов, конъюнктуры представления о единстве всех славян в XX в.

В эмигрантском сообществе 1920–1930-х гг. можно выделить несколько трактовок панславистской идеологии. Во-первых, в эмиграции набирало силу евразийство, идеологи которого (Г.В. Флоровский, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и др.) ключевым обстоятельством истории России считали не славянский характер, а территориально-геополитический фактор. Славянофилов XIX в. можно считать предшественниками евразийской идеологии в отстаивании идеи уникальности, самобытности исторического пути России. Так, в подходах евразийцев заметное влияние известного идеолога панславизма Н.Я. Данилевского (1822–1885) и его концепции культурно-исторических типов. Евразийцы начинают оформляться как течение общественно-политической мысли с 1920–1921 гг., в 1924 г. в Вене образуется Евразийский совет, который возглавил крупный языковед, историк и философ князь Н.С. Трубецкой (1890–1938). Значительную роль в движении играл пражский центр евразийцев, где выделялись П.Н. Савицкий, К.А. Чхеидзе, Н.Н. Алексеев.

По мнению представителей евразийства, панславистская идеология первоначально возникает на западно-славянской территории, имеет европейское (протестантское) происхождение, в силу чего русская культура не может быть растворена в «отвлеченном и романтическом панславизме» [17: 370–371]. Евразийцы подчеркивали, что именно религия создает культуру, а поскольку среди славян есть католики, православные и даже мусульмане (боснийцы), то славяно-русский мир уже не представляет собой единое целое. Теперь можно говорить о славянской культуре только как о части культуры европейской. По мнению евразийцев, «ядро русской национальности – это не только славяне, но и тюркские и угро-финские этносы, населяющие общее со славянами “месторазвитие” и постоянно взаимодействующие с

ними. В будущем миссия русской нации осуществится в объединении разных этносов в единую симфоническую нацию – евразийцев, которая превратит континент Евразия в единое государство – Россию» [23: 98]. «Мы, – отмечал Н.С. Трубецкой, – склонны были всегда выдвигать наше славянское происхождение, замалчивая наличность в нас туранского элемента, даже как будто стыдясь этого элемента. С этим предрассудком пора покончить» [27: 141].

Таким образом, евразийцы пытались синтезировать идею панславизма с восточными корнями российской цивилизации, создать концепцию «евразийско-русского культурного мира», а не «славяно-русского». В то же время сохранялась традиционная славянофильская идея о православии, с которым «русская судьба» неразрывно связана.

Интерес также представляет попытка социалистов в эмиграции по-своему трактовать идею славянского единства. Лидирующая роль здесь принадлежала заграничным организациям российской партии социалистов-революционеров.

В начале 1920-х гг. активизировались постоянные контакты круга социалистической эмиграции в Чехословакии. В сентябре 1921 г. украинский социалист-революционер Н. Григорьев провел в Праге публичный четырехдневный диспут на тему «Национальный вопрос на Востоке Европы». Диспут был посвящен изучению перспектив обретения независимости республиками Советского Союза и возможному созданию демократического союза свободных народов Восточной Европы. В 1925 г. формируется «Инициативная группа по вопросу создания Союза народов Восточной Европы», платформа которой предусматривала объединение политических и общественных организаций и отдельных представителей восточно-европейских народов на почве признания их права на суверенное государственное существование в форме республик. Ключевыми задачами Союза провозглашались: общая борьба за освобождение европейских народов от оккупационных режимов (большевистского и польского); совместная защита суверенитета и национальных прав от посягательств иных стран; налаживание сотрудничества; охрана прав национальных меньшинств в каждой стране, а также информирование мировой общественности о положении на Востоке Европы.

В 1920-е гг. эсеровская группа В.М. Чернова предприняла попытку интеграции с национальными социалистическими эмигрантскими организациями бывшей Российской империи с целью создания принципиально новой политической структуры, получившей название «Социалистическая Лига Нового Востока» (далее – СЛНВ, Лига). Концепция создания СЛНВ строилась на основе панъевропейских взглядов, формировавшихся на Западе с начала XX в. и особенно

после завершения Первой мировой войны 1914–1918 гг. Лозунг «континентального союза», «Соединенных штатов Европы» в разных форматах пропагандировали известные политики, дипломаты, общественные деятели, в том числе С.Ю. Витте, Вильгельм II, У. Черчилль, Т. Масарик, А. Бриан и др.

В.М. Чернов отмечал, что требуется новое объединение славян на платформе «пангуманизма», у истоков которого был бы таможенный союз, затем финансовая консолидация, экономические соглашения и, наконец, общее правовое пространство. Актуальность панславизма виделась социалистам-революционерам не только в языковой близости и обусловленном ею интенсивном литературном взаимодействии, не только в известной связанности исторических судеб и традициях взаимных тяготений, но и в довольно большой общности всего международного положения, в связи со сходной ролью в общемировой системе разделения труда. Славянские народы, охватывая юго-восток и восток Европы, с Чехословакией, Польшей и Хорватией, как наиболее выдвинутыми в Центральную Европу областями, занимают рубежи между Европой и Азией и экономически представляют собой, отмечал В.М. Чернов, переход от европейской гипертрофии индустриализма к аграрному строю, к так называемой «деревне» в мировом масштабе [28: 16–17].

Еще в 1926 г. известный социалист-революционер В.Я. Гуревич, сподвижник В.М. Чернова, выступил на страницах «Революционной России» с тезисами «Национальная проблема востока Европы» [4: 31–33], а затем со статьей «Вольный союз народов республик Востока» [3: 27–31]. Гуревич отметил, что «задачей нашего времени является выработка подробной политической программы разрешения национальной проблемы в Восточной части Европы, включая сюда не только СССР, но также Польшу, пограничные (лимитрофные) государства и некоторые другие области, культурно и экономически тяготеющие к аграрному Востоку» [4: 31]. Гуревич подчеркивает «право отдельных национально-однородных территорий, население коих осознало себя как особую нацию, не только на областную автономию, но и на самостоятельное государственное существование в качестве особого национального государства». Таким образом, предлагалось признать полную независимость не только уже отделившихся от России так называемых лимитрофных государств, но и республик – членов СССР при условии «их национальной однородности».

Социалистическая Лига Нового Востока, созданная в Праге летом 1927 г. [21], представляла собой попытку объединения различных социалистических движений и партий, которые были вынуждены эмигри-

рировать после революционных событий в России и других странах Восточной Европы. В начале своего существования Лига состояла из представителей различных национальных социалистических организаций, включая российских эсеров, украинских социалистов-революционеров, белорусских социалистов и армян-дашнаков. Членство в Лиге носило персональный характер, но с принципиальной возможностью коллективного участия (с итоговой целью «пропаганды идеи мирного разрешения национального вопроса» и создания особого блока «партий Восточной Европы» и «политически связанных с нею областей Азии»).

Деятельность Лиги свелась в основном к выступлениям ее представителей на различных акциях в Чехословакии, Франции, США, Польше и Латвии. По четвергам в Праге проходили еженедельные заседания Инициативной группы Лиги. Члены СЛНВ участвовали в праздничных мероприятиях. Так, 1 мая 1928 г. на митинге в Праге выступал В.М. Чернов, а через год Н.Я. Григорьев. Тот же В.М. Чернов, а также Н.Я. Григорьев и Н.Я. Мандрыка читали лекции в США и Канаде летом – осенью 1929 г. Издательская активность Лиги была невелика. В 1928–1929 гг. в Праге было опубликовано два небольших по объему номера «Вестника Социалистической Лиги Нового Востока». В том же 1929 г. деятельность Лиги фактически завершилась, не имея материальной поддержки и не встретив сочувствия в рядах российской социалистической эмиграции.

Социалистическая Лига Нового Востока была амбициозным, но провальным начинанием главным образом из-за слишком разных целей, которых стремились достичь ее участники. Для В.М. Чернова и его сторонников это была идеалистическая попытка возрождения панславянских идей в социалистической оболочке и с учетом новейших европейских и мировых интеграционных тенденций. В итоге проект Социалистической Лиги Нового Востока был отвергнут практически всеми российскими эмигрантами-социалистами, не готовыми пренебречь территориальной целостностью России [15: 15]. Вскоре после начала Великой Отечественной войны правительство СССР реанимирует идею славянской солидарности среди эмиграции, объявив о создании в 1941 г. Всеславянского комитета, но уже на принципиально иной идеологической основе.

Тем не менее наследие Лиги продолжало жить в дискуссиях среди эмигрантов и в контексте будущих интеграционных проектов. Идеи о сотрудничестве между славянскими нациями, несмотря на провал Лиги, стали важным элементом в поисках путей преодоления конфликтов и создания более тесного взаимодействия между соседними культурами.

Третьим направлением в восприятии идей славянской общности можно считать деятельность русской эмигрантской газеты «Россия и славянство» (преемник газеты «Россия»), вышедшей в Париже как еженедельник с декабря 1928 г. до июня 1934 г. с подзаголовком «Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности», всего 233 номера. В первые четыре года газета выходила регулярно раз в неделю, затем, столкнувшись с финансовыми трудностями, с октября 1932 г. стала появляться раз в две недели. Редактором газеты был Кирилл Иосифович Зайцев (1887–1975) – писатель, юрист и богослов, а одним из ключевых авторов – П.Б. Струве, проживавший тогда в Белграде. «Россия и славянство», получавшая субсидии от правительства Чехословакии, основной акцент делала на необходимости восстановления культурного единства и взаимообогащения славянских народов, разрушенных революцией связей между Россией и остальным славянским миром. В редакционный комитет газеты входили известные деятели эмиграции Л.И. Львов, С.С. Ольденбург, Г.П. Струве, Н.А. Цуриков (Прага), а в число авторов – такие литераторы и публицисты, как Г.В. Адамович, К.Д. Бальмонт, И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, А.С. Изгоев, П.Е. Ковалевский, В. Сиринов (В.В. Набоков), С.Л. Франк, И.С. Шмелев и другие. Из зарубежных авторов стоит выделить К. Крамаржу, чешского политика, первого премьер-министра независимой Чехословакии; С. Бобчева, бывшего министра образования Болгарии, ректора Свободного университета политических и экономических наук в Софии; сербского лингвиста А. Белича, в будущем председателя Сербской академии наук и искусств; чешского писателя В. Червинку; югославского филолога и дипломата И. Шайковича.

В статьях, публиковавшихся в газете «Россия и славянство», речь прежде всего шла о культурных факторах славянского единства, необходимости восстановления связей между Россией и славянским миром. В редакционной статье «Наше политическое лицо и наши задачи» (№ 1), помимо констатации борьбы с коммунизмом, отмечалось: «...мы являемся не просто русской газетой, а органом, ставящим большую, исключительной важности международную задачу – задачу осуществления междуславянской взаимности на почве сближения России и Славянства <...> Задача культурного сближения России и Славянства при помощи специального русского органа есть задача новая и трудная. Она требует участия всех русских, находящихся в антикоммунистическом лагере, независимо от того, имеют они какое-нибудь отношение к политике и какое именно – раз только им дорога идея исторического призвания России в деле объединения и утверждения славянского мира» [18: 1].

Позднее, в 1930 г., главный идеолог газеты П.Б. Струве уточнил программу «России и славянства»: «Русское Зарубежье есть та часть русского народа, которая с самого начала не примирилась с большевистским насилием, повела с ним борьбу и которая *именно в силу этого факта* представляет подлинную Россию и ее представляет. В качестве “эмиграции” эта часть русского народа осела в чужих странах, связалась с ними, проникла в их социальную ткань, составляя чрезвычайно своеобразное и чреватое крупными последствиями общественное явление и русской национальной жизни, и международного общежития. Объективно особенно крупную роль это внедрение русской “эмиграции” играет и в некоторых славянских странах. Оседание ее здесь является следствием и той славянской политики, которую национальная Россия как государство с разными временными колебаниями, но в общем твердо и сознательно проводила начиная с царствования Петра Великого, и той славянской традиции, которая, несмотря ни на какие противодействующие влияния, твердо удерживалась в братских славянских странах. И тут произошло чрезвычайно важное: прежние идеальные и политические связи России со славянством превратились через “эмиграцию” в связи реальные, культурные, бытовые. Когда Россия восстановит свое национальное бытие и вернет себе национальное лицо, то окажется, что большое число русских людей пустило более или менее крепкие культурные и бытовые корни в славянских странах. И даже если после падения большевистской власти русское Зарубежье разом и целиком вернется на родину, они останутся, не отомрут <...> И тогда во всем огромном междуславянском значении, никому не угрожающем, но полном огромного культурного смысла и ценности, раскроется явление русской “эмиграции” как борьбы против насилия и насильничества за свободу и национальное бытие. К новой жизни будут тогда призваны не только сами “эмигранты”, но и те культурные нити, которые они в эпоху беженства сумели спрясти, и те корни, которые они успели в славянских странах пустить. Тогда-то обнаружится, что наше Зарубежье, что русская “эмиграция” есть крупнейший реальный фактор здоровой, никому не угрожающей славянской взаимности» [24: 1]. В силу этого страницы «России и славянства» были заполнены информацией об экономической ситуации в славянских странах, юбилейными статьями о болгарских и чешских поэтах и художниках, переводами различных литературных произведений. В газете постоянно продвигалась оптимистичная мысль о том, что славянским народам единство присуще больше, чем германским или латинским.

Таким образом, в среде российской эмиграции первой волны наблюдается возрождение концепции панславизма в ее обновлен-

ных и переосмысленных формах, с периодическим возвращением к историческому панславизму либо в целом, либо посредством использования только определенных его аспектов. Однако деятельность российской эмиграции первой волны по формированию нового прочтения панславистских идей вряд ли в целом можно считать удачной. Попытки нового наполнения концепции панславизма, как с точки зрения конкретно-политических мероприятий («Лига Нового Востока»), так и теоретического обоснования (евразийцы, газета «Россия и славянство»), не вызвали широкого общественного резонанса как по причинам организационной слабости эмигрантских организаций, так и идейно-политической разобщенности. Тем не менее эти поиски стимулировали общественно-политическую мысль и представляют несомненную ценность как часть наследия отечественной эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврус А.И., Голосеева А.А., Новиков А.П. Виктор Чернов: судьба русского социалиста. М.: Ключ-С, 2015. 368 с.

2. Гече Г. Проблема панславизма в российской и советской внешней политике 1914–1991 гг. // Ученые записки кафедры новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета. Вып. 2. Ставрополь, 2009. С. 76–102.

3. Гуревич В.Я. Вольный союз народов республик Востока // Революционная Россия. Декабрь 1926 г. № 54. С. 27–31.

4. Гуревич В.Я. Национальная проблема востока Европы // Революционная Россия. Ноябрь 1926 г. № 53. С. 31–33.

5. Досталь М.Ю. Славистика между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1917–1941) // Славянский альманах. 2006. М., 2007. С. 114–140.

6. Зубко О.Е. Соціалістична Ліга Нового Сходу // Донецький вісник Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 5. Донецьк, 2004. С. 115–119.

7. Зубко О., Ляхоускі У. Сацыялістычная Ліга Нового Усходу // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. Т. 6, кн. 2. Мінск, 2003. С. 433–434.

8. Зубко О.Е. Записки о Социалистической Лиге Нового Востока // Наука и школа. 2008. № 1. С. 70–71.

9. Зубко О.Е. Соціалістична Ліга Нового Сходу (Прага, 1925–1929(30)) як одна зі спроб виправлення помилок Версальсько-Вашингтонської системи міжнародних домовленостей // Історичні і політологічні дослідження. 2019. № 1 (64). С. 131–140.

10. Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2015. 486 с.

11. *Козляков В.Е.* Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (на материалах России, Беларуси, Украины). Минск: БГТУ, 2001. 246 с.

12. *Козляков В.Е.* Проблемы славянского единства в трудах неонародников (конец XIX – 20-е гг. XX в.) // Романовские чтения – 12: сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 23–24 ноября 2016 г./ под общ. ред. А.С. Мельниковой. Могилев, 2017. С. 7–9.

13. *Козляков В.Е.* Неонародничество об идеях славянского единства (начало XX в. – конец 20-х гг.) // Працы гістарычнага факультэта: навук. зб. Вып. 1 / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006. С. 214–217.

14. *Коновалова О.В.* В.М. Чернов о путях развития России. М.: РОССПЭН, 2009. 383 с.

15. Лига Нового Востока // Социалист-революционер. 1927. № 1. С. 15.

16. *Марьина В.В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны: (К вопросу о политической функции) // Славянский вопрос. Вехи истории / ред. Е.П. Аксенова, А.Н. Горяинов, М.Ю. Досталь. М., 1997. С. 169–181.

17. *Маслин М.А.* Евразийство как пореволюционное идейное течение // Историко-философский ежегодник. 2011. М., 2013. С. 362–380.

18. Наше политическое лицо и наши задачи // Россия и славянство. 1928. № 1. С. 1.

19. *Павленко О.В.* Миф о панславизме в западной историографии периода холодной войны // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 4-1 (10). С. 9–15.

20. *Павленко О.В.* Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.

21. Платформа социалистической лиги нового Востока // Революционная Россия. 1927. № 59–60 (август–сентябрь). С. 18–21.

22. *Покровский М.Н.* Панславизм на службе империализма // Правда. 1927. № 142. 26 июня. С. 1.

23. *Прокуденкова О.В.* Россия как особый культурный мир в концепции евразийцев // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры. 2015. Т. 210. С. 92–100.

24. *Струве П.Б.* Россия и славянство // Россия и славянство. 1930. № 66. С. 1.

25. *Суслов А.Ю.* Панславистские идеи в теории и практике российской эмиграции (20–30-е годы XX века) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162, кн. 3. С. 160–170. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.160-170

26. *Сухобокова О.О.* Празька група УПСР та створення Соціалістичної Ліги Нового Сходу // Східноєвропейський історичний вісник. 2018. № 6. С. 133–139. doi: 10.24919/2519-058x.6.123766

27. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.

28. Чернов В. «Пан»-Европа и «пан»-славянство // Революционная Россия. 1926. № 51–52. С. 11–25.

29. Behrends J. C. Stalins slavischer Volkskrieg. Mobilisierung und Propaganda zwischen Weltkrieg und Kaltem Krieg (1941–1949) // Post-Panslavismus. Slavizität, Slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert, edited by Agnieszka Gąsior, Lars Karl, and Stefan Troebst (Hsg.). Göttingen: Wallstein Verlag, 2014. S. 79–108.

30. Post-Panslavismus: Slavizität, slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert / hrsg. von Agnieszka Gąsior, Lars Karl u. Stefan Troebst ; unter Mitarb. von Wiebke Helm. Göttingen : Wallstein, cop. 2014. 478 S.

31. White E. The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, 2010. 208 p.

REFERENCES

1. Avrus, A.I., Goloseeva, A.A. & Novikov, A.P. (2015) *Viktor Chernov: sud'ba russkogo sotsialista* [Viktor Chernov: The fate of a Russian socialist]. Moscow: Klyuch-S.

2. Geche, G. (2009) Problema panslavizma v rossiyskoy i sovetskoy vneshney politike 1914–1991 gg. [The problem of Pan-Slavism in Russian and Soviet foreign policy 1914–1991]. *Uchenye zapiski kafedry novoy i noveyshey istorii Stavropol'skogo gos.un-ta*. 2. pp. 76–102.

3. Gurevich, V.Ya. (1926a) Vol'nyy soyuz narodov respublik Vostoka [The Free Union of the Peoples of the Republics of the East]. *Revolutsionnaya Rossiya*. 54. pp. 27–31.

4. Gurevich, V.Ya. (1926b) Natsional'naya problema vostoka Evropy [The national problem of Eastern Europe]. *Revolutsionnaya Rossiya*. 53. pp. 31–33.

5. Dostal, M.Yu. (2006) Slavistika mezhdru proletarskim internatsionalizmom i slavyanskoj ideey (1917–1941) [Slavistics between Proletarian Internationalism and the Slavic Idea (1917–1941)]. In: *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic almanac]. Moscow: [s.n.]. pp. 114–140.

6. Zubko, O.E. (2004) Sotsialistichna Liga Novogo Skhodu. *Donets'kiy visnik Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*. 5. pp. 115–119.

7. Zubko, O. & Lyakhouski, U. (2003) Satsyyalistychnaya Liga Novogo Uskhodu. In: Pashkou, G.P. (ed.) *Entsyklapedyya gistoryi Belarusi u 6 t.* Vol. 6(2). Minsk: [s.n.]. pp. 433–434.

8. Zubko, O.E. (2008) Zapiski o Sotsialisticheskoy Lige Novogo Vostoka [Notes on the socialist League of the New East]. *Nauka i shkola*. 1. pp. 70–71.

9. Zubko, O.E. (2019) Sotsialistichna Liga Novogo Skhodu (Praga, 1925–1929(30)) yak odna zi sprob vipravlennya pomilok Versal's'ko-Vashingtons'koï sistemi mizhnarodnikh domovlenostey [Socialist League of the new East

(Prague, 1925–1929 (30)) as an attempt to correct the mistakes of the Versailles-Washington system of international agreements]. *Istorichni i politologichni doslidzhennya*. 1(64). pp. 131–140.

10. Immonen, H. (2015) *Mechty o novoy Rossii. Viktor Chernov (1873–1952)* [Dreams of a new Russia. Victor Chernov (1873–1952)]. St. Petersburg: European University of St. Petersburg.

11. Kozlyakov, V. E. (2001) *Natsional'nyy vopros i neonarodnicheskie partii. Nachalo XX v. – konets 20-kh gg. (na materialakh Rossii, Belarusi, Ukrainy)* [The national question and neo-national parties. The early 20th century – the late 1920s (on the materials of Russia, Belarus, Ukraine)] Minsk: BSTU.

12. Kozlyakov, V.E. (2017) Problemy slavyanskogo edinstva v trudakh neonarodnikov (konets XIX – 20-e gg. XX v.) [Problems of Slavic unity in the works of neo-Narodniks (late 19th – 1920s)]. In: Melnikova, A.S. (ed.) *Romanovskie chteniya – 12* [The Romanov Readings – 12]. Mogilev: [s.n.]. pp. 7–9.

13. Kozlyakov, V.E. (2006) Neonarodnichestvo ob ideyakh slavyanskogo edinstva (nachalo XX v. – konets 20-kh gg.) [Neo-Narodniks on the ideas of Slavic unity (early 20th century – late 1920s)]. In: Korshuk, U.K. (ed.) *Pratsy gistorychnaga fakul'teta*. Vol. 1. Minsk: [s.n.]. pp. 214–217.

14. Konovalova, O.V. (2009) *V.M. Chernov o putyakh razvitiya Rossii* [V.M. Chernov on the ways of Russia's development]. Moscow: ROSSPEN.

15. *Sotsialist-revolyutsioner*. (1927) Liga Novogo Vostoka [The League of the New East]. 1. p. 15.

16. Marina, V.V. (1997) Slavyanskaya ideya v gody Vtoroy mirovoy voyny: (K voprosu o politicheskoy funktsii) [The Slavic idea during the Second World War: (On the political function)]. In: Aksenova, E.P., Goryainov, A.N. & Dostal, M.Yu. (eds) *Slavyanskiy vopros. Vekhi istorii* [The Slavic Question. Milestones in History]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 169–181.

17. Maslin, M.A. (2013) Evraziystvo kak porevolyutsionnoe ideynoe techenie [Eurasianism as a post-revolutionary ideological trend]. In: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook]. Moscow: [s.n.]. pp. 362–380.

18. *Rossiya i slavyanstvo*. (1928) Nashe politicheskoe litso i nashi zadachi [Our political face and our tasks]. 1. p. 1.

19. Pavlenko, O.V. (2017) Mif o panslavizme v zapadnoy istoriografii perioda kholodnoy voyny [The Pan-Slavism myth in the Cold War western historiography]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 4/1(10). pp. 9–15.

20. Pavlenko, O.V. (2016) Panslavizm i ego modeli [Pan-Slavism and its models]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 5. pp. 3–15.

21. *Revolyutsionnaya Rossiya*. (1927) Platforma sotsialisticheskoy ligi novogo Vostoka [The platform of the Socialist League of the New East]. 59–60 (August – September). pp. 18–21.

22. Pokrovskiy, M.N. (1927) Panslavizm na sluzhbe imperializma [Pan-Slavism in the service of imperialism]. *Pravda*. 26th June. p. 1.
23. Prokudenkova, O.V. (2015) Rossiya kak osobyi kul'turnyy mir v kontseptsii evraziytsev [Russia as a special cultural world in the concept of Eurasians]. *Trudy Sankt-Peterb.gos.un-ta kul'tury*. 210. pp. 92–100.
24. Struve, P.B. (1930) Rossiya i slavyanstvo [Russia and the Slavs]. *Rossiia i slavyanstvo*. 66. pp. 1.
25. Suslov, A.Yu. (2020) Panslavistskie idei v teorii i praktike rossiyskoy emigratsii (20–30-e gody XX veka) [Pan-Slavic ideas in the theory and practice of Russian émigré (1920-30s)]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki*. 162(3). pp. 160–170. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.160-170
26. Sukhobokova, O.O. (2018) Praz'ka grupa UPSR ta stvorenyia Sotsialistichnoi Ligi Novogo Skhodu. *Skhidnoevropeys'kiy istorichnyi visnik*. 6. pp. 133–139. doi: 10.24919/2519-058x.6.123766
27. Trubetskoy, N.S. (1995) *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language] Moscow: Progress.
28. Chernov, V. (1926) “Pan”-Evropa i “pan”-slavyanstvo [“Pan”-Europe and “Pan”-Slavs]. *Revolutsionnaya Rossiya*. 51–52. pp. 11–25.
29. Behrends, J.C. (2014). Stalins slavischer Volkskrieg. Mobilisierung und Propaganda zwischen Weltkrieg und Kaltem Krieg (1941–1949). In: Gąsior, A., Karl, L. & Troebst, S. (eds) *Post-Panslavismus. Slavizität, Slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert*. Göttingen: Wallstein Verlag. pp. 79–108.
30. Gąsior, A., Karl, L. & Troebst, S. (eds) (2014) *Post-Panslavismus. Slavizität, Slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert*. Göttingen: Wallstein Verlag.
31. White, E. (2010) *The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York.

Суслов Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления, истории, социологии Казанского национального исследовательского технологического университета (Россия).

Aleksei Y. Suslov – Kazan National Research Technological University (Russia).

E-mail: plusha131333@yandex.ru

УДК 94(47+57):741.5"1968"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/12

Чехословацкие события 1968 г.: некоторые аспекты визуализации и массового восприятия в СССР

Е.А. Федосов

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматриваются закономерности визуализации чехословацкого кризиса 1968 г. в печатных СМИ и пропаганде СССР. Предметом исследования выступает образно-символическая специфика визуального агитпропа, выходявшего на фоне данных событий. Определяется место изображений в общем информационном потоке, а их содержание сопоставляется с оценками, которые советские люди давали по поводу обстановки вокруг Чехословакии. Основными источниками исследования послужили плакатная продукция издательств и графика со страниц ведущих периодических изданий страны. Также привлекались официальные сводки и эго-документы, в которых фиксировались бытовавшие у граждан политические суждения. Анализ советской визуальной пропаганды показал, что плакаты в основном создавали общий идеологический фон для освещения международной повестки, тогда как непосредственный и регулярный отклик на обстановку в ЧССР обеспечивался карикатурами в периодике, прежде всего газетной. Крайне редко уделяя внимание внутренним движущим силам кризиса, их сюжеты в основном сводились к усилению акцента на участие внешнего врага в развитии событий, который чаще всего ассоциировался с типажам фашизированных или зооморфных реваншистов, шпионов и «радиоголосов», что всецело вписывало информационные поводы в логику холодной войны. При этом, судя по характеру некоторых суждений советских граждан, образно-символический ряд визуального агитпропа способствовал закреплению в массовом сознании метафор, необходимых для общественно-политической коммуникации.

Ключевые слова: СССР, Чехословакия, визуальная пропаганда, плакаты, периодическая печать, общественные настроения

The events in Czechoslovakia in 1968: Some aspects of visualization and mass perception in the USSR

Egor A. Fedosov

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

Abstract

The article examines the patterns of visualization of the Czechoslovak crisis in 1968 in the USSR printed media and propaganda. The author focuses on the figurative and symbolic specificity of the visual agitprop, published in the context of the events, and identifies the role of the images in the general information flow and correlates their content with the Soviet people's assessments of the situation in Czechoslovakia. The main sources of the study are poster products of publishing houses, graphics from the country's leading periodicals, official reports, and ego-documents, which fixed on people's political opinions. The analysis of the Soviet visual propaganda has showed that posters mainly created a general ideological background for covering the international agenda, while a direct and regular response to the situation in the Czechoslovak Socialist Republic was provided by caricatures in periodicals, primarily newspapers. Paying almost no attention to the internal drivers of the crisis, their plots mainly emphasized the participation of an external enemy, primarily associated with fascist-like or zoomorphic revanchists, spies and "radio-voices", which completely fit the information reasons into the logic of the Cold War. According to some judgments of Soviet citizens, the figurative and symbolic series of visual agitprop contributed to the consolidation in the mass consciousness of metaphors necessary for socio-political communication.

Keywords: USSR, Czechoslovakia, visual propaganda, posters, periodicals, public sentiment

В настоящее время, в условиях информационных войн и «клипового» мышления, возрастает потребность в эффективном медийном сопровождении действий, направленных на защиту государственных интересов России. В этой связи актуальным для изучения представляется опыт советской печати по формированию массового восприятия различных политических событий, в том числе кризисных. К их числу относятся и волнения в ЧССР в 1968 г., характер репрезентации кото-

рых был тесно связан с идеологическими факторами. Будучи одним из ключевых эпизодов холодной войны, чехословацкий кризис не раз рассматривался сквозь призму истории власти и общества, международных отношений и конфликтов [1; 4; 12]. В публикациях затрагивались и различные формы его отголосков внутри СССР, будь то инакомыслие в рядах интеллигенции, коллективная память у участников операции «Дунай» или же бытование политических анекдотов [13; 17; 21]. Обстановка в ЧССР глазами советской прессы довольно подробно описана в диссертации Е.В. Каменской [8]. Несмотря на большое исследовательское внимание к чехословацким событиям, закономерности их визуализации в печатных СМИ и пропаганде СССР ещё недостаточно изучались с точки зрения количественной динамики размещения графических материалов, их сюжетной типологии и потенциального отклика у целевой аудитории.

В данной статье предметом анализа выступает образно-символическая специфика визуального агитпропа, выходящего на фоне развития кризиса. Определяется место изображений в общем потоке информации, раскрывается их содержание и сопоставляется с мнениями советских людей по поводу ситуации в Чехословакии, включая оценку информационного поля, сложившегося вокруг неё. Основными визуальными источниками исследования послужили плакатная продукция, выпущенная центральными издательствами и отдельными крупными печатными организациями (московским и минским художественным объединением «Агитплакат»); и графика со страниц ведущих периодических изданий страны (представленных газетами «Правда», «Известия», «Красная звезда», а также сатирическим журналом «Крокодил»). Параллельно привлекались опубликованные и архивные материалы, в которых фиксировались бытовавшие у граждан политические суждения: информация о партийных собраниях, сводки о настроениях, отзывы и ответы на вопросы специальных анкет, дневниковые записи. В общетеоретическом плане визуальный агитпроп в данном исследовании понимается как «креолизованный текст», функция которого заключается в усилении вербальных сообщений за счёт присутствия зрительной составляющей. Для типологии и частотных характеристик её содержания применялись контент-аналитические методики. Согласно методу дискурс-анализа, пропаганда понималась как некая схема описания событий в ЧССР, которая в разной мере воспроизводилась как официальной властью, так и обычными людьми. В соответствии с методом экстраполяции отношение граждан СССР к международной обстановке рассматривалось в качестве вероятной реакции и на связанные пропагандистские образы.

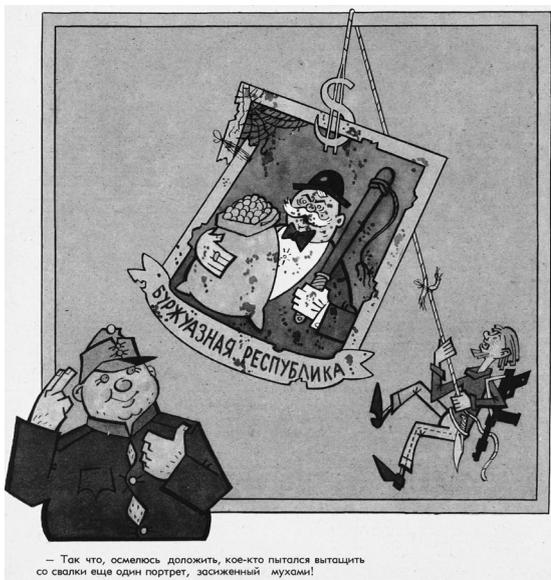
Прежде чем непосредственно переходить к отображению чехословацкого кризиса в визуальной пропаганде, необходимо кратко охарактеризовать её идеологический потенциал применительно к 1968 г. И хотя она продолжала достаточно активно насыщать советское информационное пространство, к этому времени основные её печатные средства вошли в довольно противоречивый этап развития. Так, идейно-художественное состояние плакатов 1960-х гг. часто становилось предметом нареканий со стороны профессиональной критики и зрительской аудитории за высокую долю (до 80%) посредственных работ, «набившие оскомину» образы или уход в «фанерный стиль» [2: 16; 16: 1 апр.; 27 апр.]. Тем не менее озвучивание подобных недостатков было частью призыва к художникам повысить качество и ориентироваться на лучшие образцы, а сама наглядная агитация по-прежнему позиционировалась как действенная мера. «Больше выпускать в масштабах страны портретов руководителей партии и правительства, политических и сатирических плакатов», – например, предлагали на партийном собрании в мае 1968 г. рядовые томские коммунисты, обсуждая воспитательное значение агитпропа в оформлении предприятий и учреждений [18: 260–261]. Рассмотрение содержания 60 примеров плакатной продукции внешнеполитической проблематики за 1968 г. показало, что тон в ней задавали интернационалистические, антивоенные, антиимпериалистические и антиколониальные сюжеты, в целом сквозные для пропагандистской практики СССР, хотя на тот момент заметно конкретизированные идеей солидарности с Вьетнамом, ведущим национально-освободительную борьбу против США. Связанное с глобальной повесткой звучание часто имели плакаты оборонной тематики, которые, получив дополнительный идейный импульс в связи с празднованием 50-летия Вооружённых сил СССР, также обращались к военнослужащим с лозунгами защиты мира и социализма, братства по оружию с союзниками по Варшавскому договору¹.

Устойчивым атрибутом советских печатных СМИ оставалась визуальная сатира. В начале 1960-х гг. выдающийся советский карикатурист Б. Ефимов так охарактеризовал её действенную роль в информировании: «Массовый читатель часто знакомился со смыслом и содержанием политических событий по очередной карикатуре ещё до того, как прочитывал статью или телеграмму о них» [3: 44]. Вместе с тем идеологическая целесообразность публикации некоторых материалов могла вызывать и большой скепсис у читательской аудитории: «Чему учит, чему обязывает, над чем заставляет думать такая пропаганда?» [18: 261], – вопрошал на партийном собрании слесарь сплавной конторы Васильчук по поводу одного из рисунков,

напечатанных в № 9 «Крокодила» за 1968 г.² Эта реплика отчасти свидетельствует и об общей тенденции, при которой в ведущем сатирическом журнале СССР на первый план постепенно вышел весьма «аполитичный» бытовой юмор. И из 22 карикатур, которые были опубликованы в упомянутом выше номере, только три посвящались международной проблематике. На этом фоне более детальную, практически каждодневную, хронику глобальных событий года представляла собой газетная сатира. Так, главная партийная газета страны «Правда» за 1968 г. опубликовала на своих страницах 304 внешнеполитических карикатуры. Частотный анализ их содержания показывает, что наиболее распространёнными темами стали западный, чаще всего американский, милитаризм и империализм (около 25 % от всех рисунков), западногерманский реваншизм (21 %), вьетнамская война (16 %). При этом различные антисоветские выпады Запада, к череде которых относили и волнения в Чехословакии, карикатуристы разоблачали и высмеивали примерно в 8 % случаев.

Прямые и косвенные отголоски чехословацких событий начинают прослеживаться в визуальной сатире с июля 1968 г. Лидером по количеству публикаций подобных карикатур стала газета «Правда»: только за июль–сентябрь их было напечатано 19. При этом за аналогичный отрезок времени «Известия» визуализировали тему 9 раз,

а адресованная советским военнослужащим «Красная звезда» – 6 раз. Сатирический журнал «Крокодил» откликнулся на данный информационный повод лишь трижды. Но при этом на одном из немногочисленных журнальных рисунков была дана едва ли не единственная в советской печати трактовка образа прямого участника уличных волнений в ЧССР: вооружённый представитель бунтующей молодёжи пытается поднять на крючке, стилизован-

— Так что, осмелюсь доложить, кое-кто пытался вытащить со свалки еще один портрет, засиженный мухами!

Рис. 1. Худ. Ю. Фёдоров (Крокодил. 1968. № 27)

ном под эмблему доллара, потрёпанный портрет «буржуазной республики» в виде старорежимного субъекта с дубинкой и мешком монет. Особенно символично, что ему противопоставлялся широко известный персонаж чешской литературы «бравый солдат Швейк», от лица которого шёл и разоблачительный текст карикатуры [11: № 27] (рис. 1).

Газетная сатира всецело сосредоточила внимание читателей на вмешательстве Запада. Во многом оно принимало облик фашизированных «западногерманских реваншистов», имевших в Чехословакии и конкретный территориальный интерес. Например, художник Ю. Кершин изобразил их за раскладом своеобразного пасьянса в форме свастики [14: 30 июля], где каждая карта символизировала различные методы подрывной деятельности против соцстран, о которых и предупреждал текст этой карикатуры, опубликованной в дни сложных советско-чехословацких переговоров в Чиерне-над-Тиссой. К первым дням операции «Дунай» относился характерный рисунок Б. Ефимова «Боннские стенания» [5: 25 авг.], где помимо карикатурных представителей верхушки ФРГ присутствовало чахлое «растение» реваншизма, надписи на листьях которого напоминали о Мюнхенском сговоре, Судетах и немецких названиях городов Чехословакии (рис. 2). Несмотря на отсутствие подписи, весьма красноречива была карикатура Д. Циновского с изображением вооружённой ножом человекоподобной свастики, которая шествует по территории ЧССР, но получает удар прикладом солдатской винтовки на глазах у озлобленного субъекта в цилиндре с эмблемой доллара [10: 23 авг.] (рис. 3). Образно-символическое и композиционное решение данного сюжета, адресованного армейской аудитории, во многом повторяло стиль оборонно-мобилизационного агитпропа предвоенного и военного времени.

Относительной новизной отличались некоторые другие подходы к образу врага. Так, широкое развитие в визуальной сатире получила тема западных СМИ, усиливших работу против социалистических стран, и основная угроза извне

Рис. 2. Худ. Б. Ефимов
(Известия. 1968. 25 авг.)

Рис. 3. Худ. Д. Циновский
(Красная звезда. 1968. 23 авг.)

«Би-би-сирует...» – столь говорящими были подписи к карикатурам, на которых читатели газет видели дикторов в смиренной рубашке или британского льва, рычашего под гитару вместе со сворой собак [14: 27 авг.; 30 сент.].

В контексте чехословацкого кризиса зооморфизмы вообще сыграли достаточно заметную роль как своеобразные синонимы ряда явлений, исходящих из враждебного лагеря, который в одной из работ карикатуриста В. Фомичева метко именовался «империалистическим зоопарком» (рис. 5). На этом и подобных ему рисунках западную прессу, диверсии и провокации могли олицетворять утка, «сивый мерин», змея или

связывалась уже не столько с военной агрессией, сколько с информационно-идеологическими диверсиями. На этом фоне в сатирический обиход вошёл довольно оригинальный типаж мнимого западно-германского туриста – шпиона и диверсанта – «путешествующего» на передвижной радиостанции у чехословацких границ [14: 2 сент.] (рис. 4). Но куда чаще вражеские «радиоголоса» визуально напоминали американских ковбоев или гангстеров [11: № 26; 14: 19 июля; 17 авг.], а их репортажи уподоблялись припадкам безумства. «ЗаГОЛОСили и взБИ-БИ-СИлись»,

Рис. 4. Худ. В. Фомичев (Правда. 1968. 2 сент.)

гиена [14: 29 авг.; 15 сент.; 30 сент.]. Неоднократно визуализировалось и подходящее название проводившихся близ Чехословакии учений войск НАТО «Чёрный лев» [5: 19 сент.; 10: 31 июля; 17 сент.; 14: 27 июля] и т. п. Особо показателен номер «Правды» за 17 сентября 1968 г., где было опубликовано сразу две карикатуры, в которых присутствовали зооморфные персонажи (рис. 6).

Рис. 5. Худ. В. Фомичев (Правда. 1968. 29 авг.)

Несмотря на достаточно длительный процесс политической нормализации, обстановку внутри и вокруг Чехословакии нельзя отнести к долгосрочным темам советской визуальной сатиры, хотя разоблачения военного присутствия НАТО у её границ встречались и в дальнейшем, например, в карикатурах, относящихся к январю 1969 г. [6: 9 янв. 15: 15 янв.; 29 янв.; 31 янв.] Как представляется, ещё меньшее раскрытие чехословацкие события получили в плакатной агитации, в рамках которой прямые их отголоски присутствуют лишь эпизодически в связи с усилением градуса антикоммунистической клеветы в риторике западных правящих кругов³. Вместе с тем актуализированная кризисом проблематика, судя по всему, повлияла на подход к некоторым другим сюжетам. Например, выпуск минской серии «Агитплаката», подготовленный художником А. Чуркиным и получивший название «Не удастся прикрыться...» (на белорусском языке),

Рис. 6. Худ. М. Абрамов (Правда. 1968. 17 сент.)

показывал хищного боннского реваншиста со свастикой в глазу, который примеряет благодущные розовые маски с надписями «гуманизм», «социализм» и «либерализация». Но учитывая, что работа была подписана в печать 19 августа 1968 г., перечисленные идеологические категории на тот момент вполне перекликались с критикуемой фразеологией чехословацких «реформаторов». Интересен своей своевременностью и плакат В. Брискина с лозунгом «Печать – оружие пролетариата» (1968), где красный рабочий, подобно сеятелю, аллегорически разбрасывает газеты над шествием жителей иностранных столиц, тем самым напоминая, что именно печатное слово выступает ныне главным полем классово-борьбы.

Оценка функциональности пропагандистских, в частности визуальных, образов связана со спецификой форм и контекстов рефлексии советских граждан по поводу чехословацкого кризиса. Мнения, относящиеся к августу 1968 – июню 1969 гг.⁴ и зафиксированные в отчётных документах партийных организаций и в письменных ответах на опросы, проводившихся среди коммунистов, закономерно демонстрируют наибольшую степень соответствия официальному информационному полю. Прежде всего, в них выражалась общая солидаризация с позицией ЦК КПСС, часто исходящая от коллективного имени (мы – советские люди, фронтовики, трудящиеся и т. п.). Так, рабочий московского завода «Сатурн» Шатохин по поводу ввода войск Варшавского договора в ЧССР заключил: «Как и все советские люди, я безгранично поддерживаю и одобряю решение партии и правительства об оказании помощи братскому чехословацкому народу» [20: 867], – и упомянул своих родных братьев, один из которых погиб в боях за Чехословакию, а другой «помогал утверждать там народную власть» [Там же].

Отсылка к военному прошлому присутствовала в отклике руководителя заводского кружка политпросвещения А. Осина: «Советский народ многим пожертвовал во Вторую мировую войну при освобождении Чехословакии от ига гитлеризма и, естественно, нам не безразлично, какие силы победят в ЧССР» [18: 68]. Воинским опытом была продиктована и точка зрения мастера одного из томских заводов, награждённого медалью «За освобождение Праги» А.П. Пупышева: «Я хорошо помню, как тепло нас встречали на чехословацкой земле... И вот группа отщепенцев хочет свернуть этот народ с социалистического пути, с позиций марксизма-ленинизма, посеять рознь между народами Советского Союза и Чехословакии» [18: 303]. Другой аргумент в пользу силового участия в чехословацких событиях опирался на представления о принципах коммунистического интернационализма, в целом созвучных тиражируемым лозунгам о

братстве народов соцстран. «Социализм в братской Чехословакии надо защищать любыми средствами, в том числе и оружием... Это наш высший интернациональный долг», «Мы расцениваем этот шаг... как проявление нашего интернационального долга» [18: 317, 319], – после начала операции «Дунай» заявлял на собраниях преподаватель института Рожко и наладчик завода Редькин.

Ещё одним относительно постоянным компонентом откликов на события вокруг ЧССР была критика её руководства за уклон вправо, «либерализм», попустительство внутренней контрреволюции. Этот пласт суждений имел меньше всего прямых пересечений с визуальными сюжетами агитпропа, поскольку какие-либо разоблачительные рисунки в адрес чехословацкой верхушки практически отсутствовали в печати⁵. Однако здесь прослеживался характерный для визуальной сатиры акцент на роль СМИ в развитии националистического и антисоветского фактора. «Руководство ЧССР <...> слишком либерально относится к правым в партии, к контрреволюционерам и органам печати. Ответственность последних особенно велика, т. к. они разжигают у молодёжи националистические страсти, ненависть к СССР и советским людям» [19: 18], – считал в марте 1969 г. руководитель лаборатории НИИ Г.А. Месяц. При этом участие в волнениях молодёжи, лишь единично обличённое в карикатурах, порой куда заметнее отражено в репликах советских граждан. Так, ввод союзных войск в Чехословакию представлялся мерой, «которая приведёт в чувство “молодчиков”», а само происходившее в стране участники партийных собраний и в дальнейшем могли назвать «выступлением хулиганствующих элементов из молодёжи» [18: 320; 19: 20а].

Наконец, значимое место в высказываниях советских граждан занимало обличение противника по холодной войне, представление о котором нередко вписывалось в известные (в частности по карикатурам) типы милитариста, фашизированного реваншиста, шпиона или «радиоголоса». Необходимость им противостоять становилась ещё одним аргументом в поддержку действий советского руководства: «Если империалисты беззастенчиво используют вооружённые силы для подавления революционного и национально-освободительного движения, то и СССР позволительно это делать в отношении контрреволюции, которая подогревается и вдохновляется реваншизмом и неонацизмом ФРГ» [19: 49], – был убеждён завуч педучилища А.М. Сентяков. Реплика машиниста В.И. Сергеева – «Необходимо всех “туристов” Запада и “друзей” ЧССР из капиталистических стран попросить из Чехословакии» [19: 41], – практически повторяла посыл одного из упоминавшихся выше сатирических рисунков В. Фомичева. Основным полем противоборства с Западом представлялась

вновь работа СМИ. «Работающее на СССР зарубежное радио нередко успевает исказить сущность происходящего раньше, чем наша пресса и радио дадут объективную оценку и анализ совершившимся событиям» [19: 52], – в официальном письме в обком КПСС отмечал секретарь партбюро пединститута Л. Пичурин. При этом, характеризуя западные информационные атаки, советские граждане прибегали к метафорам, обладавшим характерным для сатиры зооморфным оттенком. «Нам не стоит обращать внимания на визги и крики, которые раздаются на Западе, а делать своё правое дело» [20: 871], – заявлял сотрудник одного из академических институтов, профессор Капустин. Схожей и даже более яркой образностью отличались рассуждения директора профтехучилища А.Г. Толбанова: «...правые силы и реакция в предсмертных судорогах поднимают свой последний бешеный вой, усиливают идеологическую борьбу, продолжают бесчинства и провокации» [18: 342].

Приведённые выше мнения принадлежали представителям общественно-политического актива, который в силу убеждений или вследствие самого факта участия в публичном обсуждении международной повестки во многом опирался на тот же круг идеологов, что и авторы визуальной пропаганды. По мере обострения чехословацкого кризиса в организациях и на предприятиях обычной практикой становились «коллективные читки газет, обсуждение материалов, опубликованных в “Правде” и других центральных газетах» [20: 874], и, как представляется, газетные карикатуры не ускользали от внимания читателей. Вместе с тем в дальнейшем имели место жалобы на медленное и недостаточное освещение событий в отечественной печати, в частности звучали пожелания «больше помещать в печати фотоснимков, изобличающих действия контрреволюционеров» [18: 333; 19: 47].

Следует отметить, что отдельные отклики несколько отличались от официальной схемы интерпретации информации. Например, отвечая на вопросы специальной анкеты, распространявшейся районными парторганизациями, член райкома Г.А. Псахье написал: «...желательно было войска всё-таки в Чехословакию не вводить, а ограничиться дипломатическими и экономическими санкциями» [19: 56]. Но позднее другие граждане, напротив, выражали недоумение, что советское руководство и армейские части недостаточно решительно реагируют на обстановку в ЧССР, которая в течение всей первой половины 1969 г. ещё никак не могла прийти к нормализации [19: 12, 37]. Что касается случаев враждебных в отношении СССР высказываний, то они описаны в документах московского горкома КПСС, и допускали их «преимущественно представители интеллигенции» [20: 868, 871–872]. Примечательно, что в аналогичных томских материалах

встречается только один эпизод появления антисоветских надписей на заборе у стройки [18: 326].

Применительно к оценке эффективности советского информационно-пропагандистского воздействия, наличие проблемной аудитории прослеживается по некоторым дневниковым записям. В целом анализ корпуса материалов, относящихся к 1968–1969 гг., позволил выявить не более десятка персоналий, которые зафиксировали свои взгляды на чехословацкие события, включая таких высокопоставленных фигур, как один из руководителей операции «Дунай» генерал Г.И. Обатуров и первый секретарь ЦК КПУ П.Е. Шелест. Последний ещё за полгода до августовской эскалации кризиса обозначил тип основного противника, с которым предстояло столкнуться в ЧССР: «...тайно действовала “ползучая контрреволюция”. Действовали скрытые силы, завладевшие всеми средствами массовой информации, всякого рода клубы и общества... Весь “ход действий”, чувствовалось, направляли опытная рука ЦРУ и разведорганы ФРГ» [9]. В день, когда началась операция «Дунай», он также оставил запись о телефонном звонке в приёмную ЦК КПУ от некоего киевского студента, который заявил: «Передайте тов. Шелесту, что мы не верим в правдивость материалов, изложенных в “Правде” по поводу Чехословакии» [9].

Дневники, отражающие антисоветские позиции, в основном принадлежали представителям столичной интеллигенции, в том числе близким к диссидентским кругам. Примечательно, что, не находя поддержки своих взглядов у большинства сограждан, они порой ссылались на всеилие печатных СМИ и пропаганды в СССР. Так, после известия о вводе войск в ЧССР литератор Л. Чуковская сетовала, что народ «опять верит в газетные кровавые пошлости», а через несколько дней обличала советские власти, которые, по её мнению, «внушили – с помощью радио и газет – своё лютое враньё “каждому” – и теперь “совпадают” с волей каждого» [9]. Схожие настроения были и у бывшего дипломата, а на тот момент публициста Е. Гнедина, считавшего, что вследствие якобы «полной дезинформированности» «либо люди верят, будто Чехословакия действительно хотела выйти из Варшавского пакта или будто ФРГ... действительно была готова напасть на ЧССР, либо люди верят, что в Чехословакии готовился контрреволюционный переворот» [9].

Встречаются и иные, более общие, рассуждения о месте печатного слова в жизни общества. «Газетные сообщения – средство для насыщения, загрузки ума... Они не потрясают, не требуют решений от каждого. О решениях в своё время сообщат в тех же газетах, и можно будет обсудить их за ужином. Приблизительно так же следят за ходом футбольного турнира, как за судьбой Вьетнама... за пере-

менами в Чехословакии» [9], – в декабре 1968 г. отмечал для себя литературный критик И. Дедков. Заместитель главного редактора журнала «Новый мир» В. Лакшин в июле 1969 г. записал: «...есть не только люди, берущие всё, что прочтут в газете, за чистую монету, но и ещё огромный слой людей, которых вообще не интересуют, скажем, какие-то события в Чехословакии» [9], – именно так в частном разговоре А. Твардовский описывал ему некую хозяйку курортного домика в Абхазии.

В дневниках отражены и точки зрения, продиктованные отсутствием симпатии к чехословацким «реформаторам» и их сторонникам. Например, художник В. Десятников в первые дни операции «Дунай» писал, что «ставленники-выкормыши оказались по ту сторону баррикад», а главу компартии Чехословакии А. Дубчека называл «генсеком-предателем», при этом выражая опасения, что «система даёт сбой» и холодную войну «мы явно проигрываем» [9]. После скандального хоккейного матча между сборными СССР и ЧССР в марте 1969 г., сопровождавшегося серией антисоветских провокаций, показательную запись оставил ветеран войны, отставной морской офицер И. Селезнев: «Чехи вели себя подобно фашистам» [9]. Для многих советских людей память о военном прошлом вновь давала веское основание считать чехословаков неблагодарными за освобождение в 1945 г. [9].

Наконец, отдельный интерес вызывают неформальные мнения участников операции «Дунай» из документов органов госбезопасности⁶, которые изучали письма военнослужащих домой. И хотя зафиксированное в них далеко не всегда вписывалось в официальную трактовку событий, многое из того, что советские военные видели в Чехословакии, в той или иной мере совпадало с разоблачительными образами из печати. Так, один из них дал весьма красноречивую характеристику и облику местной молодёжи, и сущности вдохновлявшей её «контрреволюции»: «В самых надёжных местах засела контра. В школах, институтах учителя и профессора преподают ученикам и студентам клеветнические нападки на Советский Союз, на социализм, а эта лохматая молодёжь им охотно верит... контра здесь зверее фашистов» [7]. В других письмах рассказывалось о мещанстве и распущенности, наблюдавшейся у чехословацких молодых людей, а также об агрессивности вооружённых «волосатых парней», что «разъезжают по сёлам на мотоциклах и учиняют физический террор над людьми, которые относились к нам с открытой душой» [Там же]. Некоторые участники операции «Дунай» писали и о внешних факторах кризиса в лице вражеских «голосов», а также видели западногерманский след в происходящем: «Сотни радиостанций орут о нас на все лады, большая половина вымыслов»; или «у молодёжи

воспитана ненависть к русским. В такой обстановке немцам легко было бы здесь навести свои порядки» [Там же]. При этом отмечалось, что политорганы советских армейских частей ведут идеологическую работу бездеятельно и «беззубо».

В целом рассмотренные закономерности визуализации чехословацких событий в печатной пропаганде СССР, а также их сопоставление с настроениями советских граждан, проявившимися в различных повседневных контекстах, позволяет сформулировать ряд выводов. В то время как агитационные плакаты в основном создавали общий идеологический фон для освещения международной повестки, непосредственный и относительно регулярный визуальный отклик на обстановку в ЧССР обеспечивался карикатурами в периодике, прежде всего газетной. При этом карикатуристы почти не изображали внутренние движущие силы кризиса, а усиливали акцент на участие внешних врагов в его развитии, которые чаще всего ассоциировались с типажамы фашизированных или зооморфных реваншистов, шпионов и «радиоголосов». Как представляется, всецело вписывая кризис в логику холодной войны, подобные подходы к визуализации были призваны отсылать читателей к двум главным идеям: недопущение ревизии итогов Великой Отечественной войны и готовность к противостоянию с информационно-идеологическими диверсиями Запада.

Анализ рефлексии советских граждан по поводу чехословацких событий показал наличие определённых целевых аудиторий, обусловленных не только воззрениями или социальным опытом, но и самой обстановкой выражения суждений, будь то реплика на партсобрании, письменный ответ на опрос, дневниковая запись или письмо домой. Наиболее востребованными темами (из числа представленных и в карикатурах) оказались «фашизация» кризиса, участие в нём обуржуазившейся молодёжи, активизация зарубежных СМИ, западногерманский след. И хотя практически нельзя установить насколько именно визуализация влияла на бытование тех или иных сюжетов, основная роль образно-символического ряда визуальных материалов может быть определена как трансляция и закрепление в массовом сознании метафор, которые далее использовались в общественно-политической коммуникации. Тем самым официальное информационное поле и широкие массы во многом говорили на одном языке, что замечали даже носители антисоветских взглядов. Примечательным представляется также и то, что поддерживавшие действия СССР граждане могли указывать и на недостатки в пропагандистской работе, тогда как нелояльные, напротив, преувеличивали её эффективность.

Примечания

1. См., напр., плакат В. Викторова «На страже мира и социализма»; В. Овасапова «Богатыри плечом к плечу стоят. Богатыри в Европе мир хранят. На страже наш Варшавский договор, – агрессора суровый ждёт отпор (московская серия «Агитплакат» № 2260).

2. Речь шла о рисунке О. Корнева, где Адам обращается к обнажённой Еве: «Во всех ты, душечка, нарядах хороша».

3. См., напр., выпуски московской серии «Агитплакат» художников Б. Ефимова «От волчьих стай нет лучше мер, чем заградительный барьер» (1968. № 2443) и В. Фомичева «Привели насос в движение, нагнетают напряженье» (1968. № 2502).

4. То есть к периоду от начала операции «Дунай» и до московского Международного совещания коммунистических и рабочих партий, где была дана политическая оценка реформаторскому курсу руководства ЧССР.

5. Исключением можно считать карикатуру Б. Ефимова на западные радиостанции [5: 8 сент.], где помимо прочего была изображена лодка «контрреволюции», в которой плыли, судя по всему, чехословацкие «реформаторы».

6. Речь идёт об опубликованных в украинском сегменте Интернета документах КГБ УССР, которые были собраны автором статьи до 2022 г. В настоящее время доступ к данным ресурсам с территории РФ прекращён.

ЛИТЕРАТУРА

1. 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива) / под. ред. Т.В. Волокитиной и др. М.: РОССПЭН, 2010. 808 с.

2. *Бабурин Н.И.* Политический плакат художников РФ. Л.: Художник РСФСР, 1975. 36 с.

3. *Ефимов Б.Е.* Основы понимания карикатуры. М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1961. 71 с.

4. *Зубок В.М.* Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва. М.: РОССПЭН, 2011. 671 с.

5. Известия. 1968.

6. Известия. 1969.

7. Информационное сообщение КГБ УССР // Личный архив автора.

8. *Каменская Е.В.* Конфликты в мировой системе социализма: образы в советских газетах (вторая половина 1960-х – начало 1980-х гг.): дис.... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 345 с.

9. Корпус дневников // Центр «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге. URL: <https://corpus.prozhito.org/> (дата обращения: 15.10.2024).
10. Красная звезда. 1968.
11. Крокодил. 1968.
12. *Лавренев С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: Астрель, 2003. 778 с.
13. *Михель Д.В.* Эхо «Пражской весны» в кругах советской диссидентской интеллигенции // Россия и современный мир. 2021. № 4 (113). С. 184–205. doi: 10.31249/rsm/2021.04.10
14. Правда. 1968.
15. Правда. 1969.
16. Советская культура. 1965.
17. *Фокин А.А.* «Наша дружба с Чехословакией не знает границ»: события 1968 года в советском политическом фольклоре // Новое прошлое. 2018. № 4. С. 96–105. doi: 10.23683/2500-3224-2018-4-96-105
18. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 3653.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3883.
20. Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС / под ред. Н.Г. Томилиной. М.: РОССПЭН, 2010. 1150 с.
21. *Шевченко В.В.* Навстречу рассвету. Ростов н/Д: Альтаир, 2011. 476 с.

REFERENCES

1. Volokitina, T.V. et al. (eds) (2010) *1968 god. "Prazhskaya vesna" (Istoricheskaya retrospektiva)* [The year 1968. The Prague Spring (Historical Retrospection)]. Moscow: ROSSPEN.
2. Baburina, N.I. (1975) *Politicheskii plakat khudozhnikov RF* [Political poster of the RF artists]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.
3. Efimov, B.E. (1961) *Osnovy ponimaniya karikatury* [The basics of understanding cartoons]. Moscow: USSR Academy of Arts.
4. Zubok, V.M. (2011) *Neudavshayasya imperiya: Sovetskii Soyuz v kholodnoy voyne ot Stalina do Gorbacheva* [Failed Empire: The Soviet Union in Cold War from Stalin to Gorbachev]. Moscow: ROSSPEN.
5. *Izvestiya*. (1968)
6. *Izvestiya*. (1969)
7. KGB UkrSSR. (n.d.) *Informatsionnoe soobshchenie KGB USSR* [Informational report of KGB UkrSSR]. From the author's personal archive.
8. Kamenskaya, E.V. (2015) *Konflikty v mirovoy sisteme sotsializma: obrazy v sovetskikh gazetakh (vtoraya polovina 1960-kh – nachalo 1980-kh gg.)* [Conflicts

in the world system of Socialism: Images of the Soviet newspapers (second half of the 1960s – early 1980s)]. History Cand. Diss. Ekaterinburg.

9. Corpus.prozhito.org. (n.d.) *The corpus of diaries. The “Prozhito” Center of the European University in St. Petersburg.* [Online] Available from: <https://corpus.prozhito.org/> (Accessed: 15th October 2024).

10. *Krasnaya zvezda.* (1968)

11. *Krokodil.* (1968)

12. Lavrenov, S.Ya. & Popov, I.M. (2003) *Sovetskiy Soyuz v lokal'nykh voynakh i konfliktakh* [Soviet Union in local wars and conflicts]. Moscow: Astrel'.

13. Mikhel, D.V. (2021) Ekho “Prazhskoy vesny” v krugakh sovetskoy dissidentskoy intelligentsii [Echoes of the Prague Spring in the circles of the soviet dissident intelligentsia]. *Rossiya i sovremennyy mir.* 4(113). pp. 184–205. doi: 10.31249/rsm/2021.04.10

14. *Pravda.* (1968)

15. *Pravda.* (1969)

16. *Sovetskaya kul'tura.* (1965)

17. Fokin, A.A. (2018) “Our friendship with Czechoslovakia does not know borders”: 1968 in the Soviet political folklore. *Novoe proshloe.* 4. pp. 96–105 (in Russian). doi: 10.23683/2500-3224-2018-4-96-105

18. The Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 3653.

19. The Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region. Fund 607. List 1. File 3883.

20. Tomilina, N.G. (ed.) (2010) *Chekhoslovatskiy krizis 1967–1969 gg. v dokumentakh TsK KPSS* [The Czechoslovak crisis of 1967–1969 in the documents of CC CPSU]. Moscow: ROSSPEN.

21. Shevchenko, V.V. (2011) *Navstrechu rassvetu* [Towards the Dawn]. Rostov-on-Don: Al'tair.

Федосов Егор Андреевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Россия).

Egor A. Fedosov – Tomsk State University (Russian Federation).

E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

УДК 316.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/13

Динамика этнической идентичности студентов на примере Большого университета г. Томска*

М.Ю. Раитина¹, Е.М. Покровская², В.И. Зиновьева³,
М.В. Берсенев⁴

^{1,2,3,4} Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40

¹ E-mail: raitina@mail.ru

² E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

³ E-mail: pemod@yandex.ru

⁴ E-mail: maksim.v.bersenev@tusur.ru

Авторское резюме

В контексте образовательной деятельности и социального взаимодействия в вузе имеет значение определение типов этнической идентичности студентов, выделение основных позиций, выраженность поведенческих стереотипов. Данная тема имеет практико-ориентированный характер, поэтому ее целесообразно рассматривать целостно, в рамках системного подхода, который позволяет выявить динамику формирования этнической идентичности в студенческой среде на стадии гомеостаза и перехода к видоизменению и усложнению. Целью данной работы является выявление позитивной этнической идентичности в качестве основы для развития межкультурной коммуникации и межкультурного взаимодействия в вузовской среде. В образовательном пространстве Большого университета г. Томска, которое объединяет государственные университеты города в консорциум, в весеннем семестре 2024 г. в целях изучения межкультурного взаимодействия был проведен анонимный анкетный опрос по выявлению типов этнической идентичности студентов. Всего в нем приняли участие 345 студентов 1–4-х курсов бакалавриата и магистратуры очной формы обучения, из числа студентов Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР – 111 человек), Национального иссле-

* Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», FEWM-2023-0013.

довательского Томского государственного университета (НИ ТГУ – 30), Национального исследовательского Томского политехнического университета (НИ ТПУ – 84), Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ – 30), Сибирского государственного медицинского университета (СибГМУ – 21), Томского государственного педагогического университета (ТГПУ – 69). В целях исследования было выделено три группы: 193 человека обозначили себя как граждане России (56%), 78 (22,6%), – представители ближнего зарубежья, 74 (21,4%) – представители дальнего зарубежья. Для обработки данных применялась адаптированная авторами методика диагностики типов этнической идентичности Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, которая была апробирована применительно к ТУСУР в 2023 г. Этот подход позволяет изучить отношение респондентов к собственной и другим этническим группам. Авторы методики выделяют шесть основных типов этнической идентичности, обосновывают критерии, по которым дифференцируются позиции респондентов в следующем порядке: норма – позитивная этническая идентичность; этническая индифферентность – неактуальность этнической принадлежности; этнонигилизм – это космополитизм; этноэгоизм – противопоставление и предпочтение определенного этнического сообщества; этноизоляция – идеи и убежденность в превосходстве своего народа, национализм), этнофанатизм – агрессивность, признание приоритета этнических прав своего народа, готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов. При обработке данных полярность позиций респондентов определялась так, что на одном полюсе выделялись «норма», этническая индифферентность, этнонигилизм, на другом – этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм. Далее было подсчитано количество баллов по каждому респонденту. В зависимости от суммы баллов, набранных респондентами, была определена выраженность у них того или иного типа этнической идентичности. К выраженному типу, согласно принятой методике, авторы отнесли количество баллов, в сумме выше 13, что соответствует повышенному и высокому (выше 17) показателю диапазона интерпретации. После анализа ответов респондентов по выраженным позициям всех шести типов оценивалась степень этнической толерантности, как в совокупности, так и отдельно по группам студентов всех учебных заведений Большого университета г. Томска. Сравнение результатов по всем шкалам между собой позволило выделить доминирующие типы этнической идентичности в студенческом сообществе. У 59,4 % (205 человек) респондентов фиксировалась «норма» (позитивная этническая идентичность), у 20,2 % (70 человек) – «этническая индифферентность», у 0,6 % (2 человека) – «этнонигилизм». На другом полюсе, характеризующим этническую напряженность, у 2,1 % (7 человек) был выражен «этноэгоизм»; также у 2,1 % (7 человек) – «этноизоляция» и у 4,3 % (15 человек) – «этнофанатизм», всего 8,5 %. Из числа респондентов у 39 человек (11,3 %) тип этнической идентичности оказался не выражен. Таким образом, по всем трем группам респондентов преобладающим

типом этнической идентичности стала «норма» (около 60 %). Показатель националистических воззрений в духе «этнозоизма», «этнофанатизма» не достигает 10 %, что в целом составляет малосущественную угрозу, которая, однако, не должна недооцениваться и ее следует учитывать в практике воспитательной работы со студентами Большого университета.

Ключевые слова: студенты, Большой университет г. Томска, образовательное пространство, полиэтничность, этническая идентичность, межкультурное взаимодействие

The dynamics of students' ethnic identity (a case study of the Big Tomsk University)*

Margarita Y. Raitina¹, Elena M. Pokrovskaya²,
Valentina I. Zinoviyeva³, Maksim V. Bersenev⁴

^{1,2,3,4} Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

40 Lenin Street, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: raitina@mail.ru

²E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

³E-mail: pemod@yandex.ru

⁴E-mail: maksim.v.bersenev@tusur.ru

Abstract

In the context of educational activities and social interaction at the university, it is important to determine the types of students' ethnic identity, highlight the main positions and behavioral stereotypes. This topic is of a practice-oriented nature; therefore, the authors find it advisable to consider it holistically, within the systematic approach that allows to identify the dynamics of the formation of ethnic identity in the student environment at the stage of homeostasis and transition to modification and complication. The research aims at identifying the positive ethnic identity as a basis for the development of intercultural communication and interaction in the university environment. In the educational environment of the Big Tomsk University, which unites all six state universities into a consortium, an anonymous survey was conducted in the spring semester of 2024 to identify the types of students' ethnic identity. The respondents were a total of 345 full-time undergraduate and graduate

* The research is performed as part of the State task "Science"; FEWM-2023-0013.

students of the 1st to 4th years from Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR – 111 people), Tomsk State University (NI TSU– 30 people), Tomsk Polytechnic University (NI TPU – 84 people), Tomsk State University of Architecture and Building (TSUAB – 30 people), Siberian State Medical University (SibSMU– 21 people), Tomsk State Pedagogical University (TSPU – 69 people). The study has identified three groups of respondents: 193 students identified themselves as citizens of the Russian Federation (56%), 78 (22.6%) – as representatives of the “near abroad”, 74 (21.4%) – as representatives of the “far abroad.” To process the data, the authors adapted the methodology for diagnosing types of ethnic identity by G.U. Soldatova and S.V. Ryzhova, which was tested on TUSUR in 2023. This approach allows studying the attitude of respondents towards their own and other people’s ethnicity. The authors of the method identify 6 main types of ethnic identity and substantiate the criteria by which the positions of respondents differ: norm – positive ethnic identity; ethnic indifference – irrelevance of ethnicity; ethnonihilism – cosmopolitanism; ethnoegoism – opposition and preference for a certain ethnic community; ethnosolationism – ideas and conviction in the superiority of one’s people, nationalism); ethnofanaticism – aggressiveness, recognition of the priority of the ethnic rights of one’s people, readiness to take any action in the name of ethnic interests understood in one way or another. When processing the data, the polarity of the respondents’ positions was determined in such a way that at one pole stood out “norm”, ethnic indifference, ethnonihilism, while at the other – ethnoegoism, ethnosolationism, ethnofanaticism. Then, the authors calculated the number of points for each respondent, and, depending on the sum of points scored, determined the expressiveness of one or another type of ethnic identity. According to the adopted methodology, the authors attributed the number of points in total above 13 to the pronounced type, which corresponds to an increased and high (above 17) indicator of the range of interpretation. Having analyzed the responses, the authors assessed the degree of ethnic tolerance, both in aggregate and separately for groups of students of all educational institutions of the Big Tomsk University. The comparison of the results on all scales made it possible to identify the dominant types of ethnic identity in the student community. Thus, 59.4% (205) of respondents had the “norm” (positive ethnic identity), 20.2% (70 people) – “ethnic indifference”, 0.6% (2) – “ethnonihilism.” At the pole of ethnic tension, 2.1% (7) expressed “ethno-egoism”; 2.1% (7) – “ethnosolationism”, and 4.3% (15) – “ethnofanaticism”, which made a total of 8.5%. Of the respondents, 39 people (11.3%) had no type of ethnic identity. Thus, for all three groups of respondents, the predominant type of ethnic identity is the “norm” (about 60%). The rate of nationalistic views in the spirit of “ethnoegoism”, “ethnofanaticism” does not reach 10%, which in general constitutes an insignificant threat, which, however, should not be underestimated and should be taken into account in the

practice of educational work with students of the Big Tomsk University.

Keywords: ethnic identity, students, educational environment, intercultural interaction, positive ethnic identity, Big Tomsk University

Формирование этнической идентичности, как осознание своей принадлежности к определенному народу (этносу), представляет собой многогранный процесс, зависит от множества факторов, включая воспитание, традиции, личный жизненный опыт, социокультурную среду образовательных учреждений и т.д. К основным аспектам этого процесса в вузовской молодежной среде относятся полиэтничность окружения и влияние вызовов современности; сохранение и трансформация этнических традиций; процесс ассимиляции и интеграции; роль вузов и студенческих организаций; идентичность и профессиональные перспективы [1–4; 10; 11; 16].

Все вышеобозначенные аспекты переплетаются в практике межэтнической коммуникации, где студент ощущает связь не только со своей культурой, но и с культурой принимающего сообщества, других народов, они оказывают влияние на адаптацию и ход социализации молодых людей, которые также испытывают на себе влияние инструментов и практик, применяемых со стороны административных структур и самостоятельных общественных объединений вуза. Несомненно, оказывает давление внешний фактор, взаимодействие с административными структурами, атмосфера в академических группах, в которых с самого начала идет процесс образования малых групп с включением или исключением из них представителей различных этнических сообществ. Все это способствует выбору студентами на уровне самосознания ведущих ценностей и типов этнической идентичности.

Исследования, посвященные теме этнической идентичности и межкультурного диалога, являются актуальными в современных реалиях. Большинство работ связано с охватом широкого спектра тем и включает теоретические основы коммуникации, практические примеры, стратегии для эффективного межкультурного взаимодействия, а межкультурный диалог рассматривается как средство для достижения гармонии в условиях культурного разнообразия в различных социальных и образовательных контекстах [6; 14; 17; 18].

В работах В.А. Тишкова, А.П. Садохина, С.В. Рыжовой, Н.И. Солдатовой анализируются примеры межкультурного взаимодействия в различных регионах России и мира, рассматриваются существующие модели межкультурной коммуникации, методы обучения и тренировки, авторы предлагают стратегии для эффективного межкультурного диалога [8; 9; 12; 13; 15].

Т. Кантл в книге «Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity» исследует концепцию интеркультурализма как альтернативу мультикультурализму, предлагая новый подход к управлению культурным разнообразием. Книга анализирует политические, социальные и культурные аспекты интеркультурализма и предлагает стратегии для создания более инклюзивных и сплоченных обществ [18].

Приведенный обзор показывает, что в целом в научном дискурсе накоплено знание об основных концептуальных подходах к межкультурной коммуникации, ее теоретических основах и прикладных аспектах. Вместе с тем, на взгляд авторов статьи, в недостаточной степени разработаны вопросы формирования этнической идентичности студентов и позитивного влияния на данный процесс, что особенно значимо в условиях развития национального единства и становления суверенной России [4; 16].

Цель данной статьи – выявить динамику формирования позитивной этнической идентичности студентов на примере одного из вузовских центров страны – Большого университета г. Томска (далее – Большого университета, БУМ) в рамках трех основных групп: студенты – граждане Российской Федерации; студенты из стран ближнего зарубежья (бывших республик СССР); студенты дальнего зарубежья (граждане дружественных России государств); определить основные тенденции и направления по достижению баланса интересов и позитивного взаимодействия в этносоциальной сфере.

Данную практико-ориентированную тему, с точки зрения авторов, целесообразно рассматривать с позиций системного подхода, который позволяет изучить динамику этнической идентичности в вузовской среде на стадии гомеостаза и перехода к видоизменению и усложнению под влиянием различных факторов, в том числе – внешних. Однако с методологических позиций межкультурного диалога процесс идентификации рассматривается как форма активного участия индивидов в самореализации, исходя из интересов, жизненных обстоятельств, опыта и взаимодействий с другими.

В образовательной деятельности и социальном взаимодействии в вузе важное значение имеет определение различных типов этнической идентичности, выделение основных позиций, выраженность поведенческих стереотипов. В процессе обучения студенты стремятся сохранять свои этнические традиции и обычаи, вместе с тем, под влиянием нового окружения и интеграции в образовательные и социальные сообщества, их взгляды и поведение могут трансформироваться, изменяя характер этнической идентичности, ускоряя или замедляя ее складывание.

Гипотеза исследования: положительная этническая идентичность

является системообразующим механизмом, препятствующим появлению экстремистских настроений и ксенофобии в обществе. Опираясь на традиции университетов, творческую атмосферу и достижения вузов, мы предположили, что доминирующим типом этнической идентичности студентов Большого университета станет показатель «нормы», позитивной этнической идентичности как основы в межкультурном взаимодействии.

К рискам и вызовам этого процесса можно отнести: стереотипы и предубеждения по отношению к представителям разных национальностей, ксенофобию, дискриминацию, конфликты, сложности самоидентификации в многонациональной среде, которые сопровождаются трудностями адаптации и поиском своего места в социуме.

Для изучения проблем формирования этнополитического сознания студентов и определения в их среде типов этнической идентичности еще в 2023 г. в ТУСУРе было проведено социологическое исследование и получены первые результаты. Ведущим типом этнической идентичности респондентов стала «норма», позитивная этническая идентичность (по итогам проведенного исследования ее продемонстрировали большинство респондентов – 62,5 %) [7].

В продолжении темы исследования межкультурного взаимодействия в образовательном пространстве высшей школы в 2024 г. был предпринят новый опрос с охватом шести ведущих государственных университетов г. Томска, входящих в консорциум «Большой университет Томска». Всего в этом анонимном анкетном опросе приняли участие 345 респондентов как бакалавриата, так и магистратуры очной формы обучения, в возрасте 18–30 лет, в равном соотношении мужчин и женщин в выборке (54 % мужчин и 46 % женщин). Среди них студенты Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР – 111 человек), Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ – 30), Национального исследовательского Томского политехнического университета (НИ ТПУ – 84), Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ – 30), Сибирского государственного медицинского университета (СибГМУ – 21), Томского государственного педагогического университета (ТГПУ – 69). Всего 193 человека обозначили себя как студенты – граждане России (56 %), 78 человек (22,6 %) – как студенты – представители ближнего зарубежья (Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) и 74 человека (21,4 %) – это студенты – представители дальнего зарубежья (Вьетнам, Гана, Индонезия, Китай, Монголия, Уганда, Чехия).

Для обработки данных были применены методы математической

статистики. В качестве инструментария выступила адаптированная авторами методика диагностики типов этнической идентичности Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой. Этот подход позволяет изучить отношение респондентов к собственной и другим этническим группам [8; 12: 189].

Кроме того, данная методика рассчитана на проведение диагностики этнического самосознания аудитории и его трансформации в условиях межэтнической напряженности. Один из показателей данного процесса – это фиксация этнической нетерпимости (интолерантности). Анкета дает возможность определить степень толерантности/интолерантности респондента в определенных сферах: отношение к межнациональным бракам, интерес к жизни других народов, повседневное общение, идеи превосходства одних наций над другими, безразличие к национальной принадлежности и пр.

Авторами методики выделено шесть основных типов этнической идентичности, обоснованы критерии, по которым дифференцируются позиции респондентов в следующем порядке [8; 12]:

– *норма* – позитивная этническая идентичность, сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. В полиэтническом обществе позитивная этническая идентичность имеет характер нормы и свойственна подавляющему большинству. Она задает такой оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельности и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире;

– *этническая индифферентность* – неактуальность и невыраженность этничности, инфантилизм, отсутствие осознания этнической принадлежности;

– *этнонигилизм* – это космополитизм и поиск социально-психологических смыслов не по этническому критерию или собственные представления отдельных индивидуумов относительно низкого статуса своей этнической группы;

– *этноэгоизм* – противопоставление и предпочтение определенного этнического сообщества, это может выражаться в напряженности, раздражении в общении с представителями других этнических групп, признании за своим народом права решать проблемы в своих интересах, в том числе за чужой счет;

– *этноизоляциялизм* – идеи и убежденность в превосходстве своего народа, национальной культуры (национализм), негативное отношение к межэтническим бракам, ксенофобия и т.п.;

– *этнофанатизм* – агрессивность, признание приоритета этнических прав своего народа, оправдание любых жертв и готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов.

Проведение сравнения результатов выраженности типов этнической идентичности в трех референтных группах (представители России, представители ближнего зарубежья, представители дальнего зарубежья) выступает релевантным, поскольку отражает общее представление о безопасности социальной среды в условиях учебной миграции.

Таким образом, мы можем определить полярность позиций респондентов за счет того, что на одном полюсе – «норма» будут учитываться все те, кто высказался за позитивную идентичность, а также те, кто этнически индифферентен (т. е. пока не определился) или настроен космополитически, (равнодушен к собственной этнической принадлежности).

На другом полюсе, соответственно, будут находиться те респонденты, кто склоняется к этноэгоизму, этноизоляционизму, этнофанатизму, т. е. в целом – к националистическим взглядам и позициям.

Основой опроса стали предложенные авторами методики 30 суждений на тему: «Я – человек, который...» и на выбор – пять вариантов ответов: согласен (4 балла); скорее согласен (3 балла); в чем-то согласен, в чем-то не согласен (2 балла); скорее не согласен (1 балл); не согласен (0 баллов). Приведём вопросы анкеты «Типы этнической идентичности»: 1) «...предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам»; 2) «...считает, что межнациональные браки разрушают народ»; 3) «...часто ощущает превосходство людей другой национальности»; 4) «...считает, что права нации всегда выше прав человека»; 5) «...считает, что в повседневном общении национальность не имеет значения»; 6) «...предпочитает образ жизни только своего народа»; 7) «...обычно не скрывает своей национальности»; 8) «...считает, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности»; 9) «...часто испытывает стыд за людей своей национальности»; 10) «...считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа»; 11) «...не отдаёт предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную»; 12) «...нередко чувствует превосходство своего народа над другими»; 13) «...любит свой народ, но уважает язык и культуру других народов»; 14) «...считает строго необходимым сохранять чистоту нации»; 15) «...трудно уживается с людьми своей национальности»; 16) «...считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей»; 17)

«...безразлично относится к своей национальной принадлежности»; 18) «...испытывает напряжение, когда слышит вокруг себя чужую речь»; 19) «...готов иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия»; 20) «...считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счёт других народов»; 21) «...часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности»; 22) «...считает свой народ более одарённым и развитым по сравнению с другими народами»; 23) «...считает, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории»; 24) «...раздражается при близком общении с людьми других национальностей»; 25) «...всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре»; 26) «...считает необходимым "очищение" культуры своего народа от влияния других культур»; 27) «...не уважает свой народ»; 28) «...считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу»; 29) «...никогда серьёзно не относился к межнациональным проблемам»; 30) «...считает, что его народ не лучше и не хуже других народов» [7].

По результатам обработки ответов было подсчитано количество баллов по каждому респонденту и в трех основных группах. В зависимости от суммы баллов, набранных респондентами, была определена *выраженность* у них того или иного типа этнической идентичности.

Для целей автоматической интерпретации в компьютерной версии были приняты условные величины: при показателе 0 – тенденция выраженности отсутствует; 1–4 – низкий показатель; 5–8 – пониженный; 9–12 – средний; 13–16 – повышенный; 17–20 – высокий.

При подсчетах баллов респондентов были учтены показатели только по выраженным позициям: 1) повышенные (от 13 до 16 баллов), свидетельствующие о том, что у респондентов сформировались взгляды и умонастроения в области этнической идентичности той или иной направленности; 2) высокие (17–20 баллов): по диапазону интерпретации эти данные позволяют судить не только о сложившихся взглядах, но и наличии поведенческих стереотипов, готовности действовать.

В группе респондентов студентов России у 11,4 % (39 человек) оказались не выражены позиции в пользу того иного типа этнической идентичности и они, соответственно, не были суммированы при подведении итогов.

Следует отметить, что при проведении исследования по данной тематике в ТУСУРе в 2023 г. также у 13,3 % студентов по всем группам не было выраженных позиций [7].

После подсчета ответов респондентов по указанным критериям

было проведено распределение по шести ведущим типам этнической идентичности, как в совокупности, так и отдельно по всем трем группам студентов Большого университета.

В результате подсчетов у 59,4 % (205 человек) была зафиксирована «норма» (позитивная этническая идентичность), у 20,2 % (70 человек) – «этническая индифферентность», и 0,6 % (2 человека) – «этнонигилизм». На другом полюсе, характеризующим этническую напряженность, у 2,1 % (7 человек) выражен «этноэгоизм», у 2,1 % (7 человек) – «этноизоляционизм» и у 4,2 % (15 человек) – «этнофанатизм», в совокупности это 8,4 %. На рис. 1 представлены сводные показатели степени выраженности «этнической идентичности».

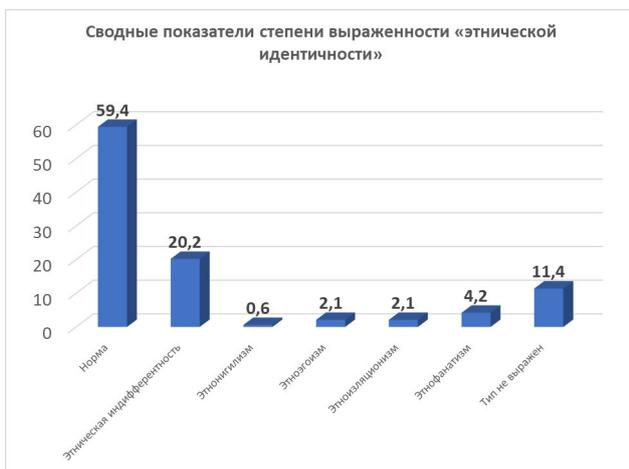

Рис. 1. Сводные показатели степени выраженности «этнической идентичности» по данным 2024 г.

Таким образом, все три группы респондентов продемонстрировали, что преобладающим является такой тип этнической идентичности, как «норма», которому свойственны позитивные установки в отношении собственного народа и позитивное отношение к представителям других этносов. Также достаточно выражен такой тип, как «этническая индифферентность» (20,2 %), и в небольшой степени – «этнонигилизм» (0,6 %), что можно объяснить инфантилизмом, незавершенностью процесса осознания личностью своей этнической принадлежности или ее неактуальностью на данном этапе, тем более, что образовательная среда университетов на первый план выдвигает академические интересы, профессионализацию и нивелирует такие факторы, как этничность или религиозность студентов.

Состояние позитивной этнической идентичности напрямую связано

с психологическим благополучием студентов, это не только уважение к собственному народу, но и к другим национальностям, что способствует ощущению самоуважения, социальной значимости, положительно отражается на их академической и социальной жизни. Вузы и студенческие общественные организации играют одну из ведущих ролей в поддержке позитивного межэтнического взаимодействия. Поддержка со стороны администрации вузов клубов по изучению иностранных языков, этнофорумов, различных мероприятий культурно-просветительного характера способствует созданию комфортной и инклюзивной среды, где студенты могут свободно выражать свою этническую принадлежность.

При обработке данных проведенного опроса были выявлены характеристики типов этнической идентичности во всех трех основных группах респондентов Большого университета.

Рис. 2. Сводные показатели степени выраженности «этнической идентичности» по группам респондентов

Так, в группе респондентов – граждан России (104 человека) 53,8 % главенствующим типом этнической идентичности выбрали «норму». Тип «этническая индифферентность» был выявлен у 22,3 % (43 человека). Обращает на себя внимание группа тех студентов, у которых не актуален и не выражен ни один из типов этнической идентичности (20,2 %). Эта группа есть только у студентов – граждан России, она фактически дополняет показатель этнической индифферентности. Показатель этнонигилизма (космополитизм) оказался не выражен, что по совокупности данных (96,3 %) свидетельствует о толерантности и об отсутствии напряженности в межэтнических отношениях. На полюсе этноэгоизма, этноизоляционизма и

этнофанатизма оказался самый низкий показатель из всех трех групп – 3,25 % студентов.

В сравнении со средним показателем по всем группам (8,4 %), можно определенно говорить о стабильности показателей межэтнического взаимодействия со стороны студентов России, на фоне роста в вузах новых возможностей обучения: получения новых профессий, второго или дополнительного образования в передовых инженерных школах или на различных курсах.

У следующей группы студентов – представителей дальнего зарубежья ярко выражен тип этнической идентичности – «норма» – 81 % (60 человек), в свою очередь тип «этническая индифферентность» составляет 8,2 % (6 человек), что в целом приближает ее к показателю толерантности – 90 %, дифференциация группы состоит в том, что по типу «этноэгоизм» и «этнофанатизм» суммарно получается 6,7 % (5 человек). Это также является невысоким показателем. Полученные результаты в целом свидетельствуют об ориентации данной группы студентов на интеграцию и уважение к принимающему сообществу. Со стороны вузов Большого университета необходимо усилить внимание к условиям, в которых проживают эти студенты, в целом к культурно-бытовой сфере, вовлекать их в общеуниверситетскую жизнь.

В группе респондентов, включающей студентов ближнего зарубежья, из стран СНГ характеристика «нормы» составляет самый низкий показатель – 52,7 % (41 человек), по типу «этнической индифферентности» – 27 % (21 человек), «этнонигилизма» (космополитизма) – 1,2 % (1 человек), что в сумме составляет 80,9 %. Это также высокий показатель межэтнической толерантности. Данные результаты показывают, что «норма» как тип этнической идентичности господствует во всех трех группах респондентов. Вместе с тем, в сравнении с группой из дальнего зарубежья, количество студентов, продемонстрировавших тип этнической идентичности «норма», меньше в 1,5 раза. По показателю «этническая индифферентность» данные немного выше, чем в группе студентов из России (22 %), но в сравнении с группой из дальнего зарубежья – в 3 раза выше, что также свидетельствует о наличии в этих двух группах заметного числа лиц, кто пока размышляет и отстранился от выбора.

В группе респондентов ближнего зарубежья наблюдается рост динамики негативной поляризации за счет усиления (на фоне других двух групп студентов) этноэгоизма (у 3,8 %), «этноизоляции» (5,1 %), этнофанатизма (10,2 %), что в сумме составляет 19,1 %. Как известно, в некоторых странах ближнего зарубежья идет рост национализма, враждебности по отношению к России.

Ксенофобия и русофобия, насаждаемая сегодня на политической арене странами Запада, играет свою роль и формирует свою базу. Так, практически пятая часть студентов группы ближнего зарубежья (15–16 человек) уже составляют социальную основу для распространения этнической нетерпимости в вузовской системе Большого университета.

Национализм во всех его формах еще со времени основания СССР всегда осуждался как неприемлемая и чуждая в нашей стране политика.

В настоящее время целесообразно вновь обратиться к такой ценности в национальном вопросе, как «равноправие наций». Еще в первой советской Конституции (1918) был записан принцип: «... взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов» [5].

При проведении национальной политики в СССР сформировался на официальном уровне и был поддержан огромным большинством населения всей страны принцип интернационализма всех трудящихся, равенства наций и народов, была создана система единых для граждан разных национальностей культурно-просветительских, образовательных учреждений и организаций. Этот подход подтверждался межэтническими браками, экономической помощью республикам, в том числе сплоченностью и единством их во время Великой Отечественной войны.

В настоящее время на большей части территории бывшего СССР на уровне архетипического образа существует память о традиционной культуре межэтнической толерантности. Применительно к университетскому образованию необходимо отметить, что оно сохранило дух товарищества и уважения к представителям любых народов. Позитивный опыт межкультурного взаимодействия в образовательной сфере способствует укреплению чувства этнической гордости, тогда как негативный опыт вызывает чувство изоляции и отчуждения.

Примером позитивного опыта межкультурного взаимодействия служит участие вузов в международных студенческих программах обмена, когда студенты ближнего зарубежья, а также Африки, Китая, Индии, Бразилии знакомятся друг с другом, принимают участие в международных встречах, представляют свою культуру, национальные кухни, рассказывают о традициях [12].

Таким образом, по итогам проведенного анкетного опроса студентов всех трех групп Большого университета обращает на себя внимание устойчивая динамика формирования позитивной этнической идентичности. Доминирующим показателем в ходе опроса

стала «норма», которая вместе с данными по «этнической индифферентности», «этнонигилизму» в совокупности составила 80,2 %. Эти результаты характеризуют образовательное пространство вузов как толерантное, что, в свою очередь, является системообразующим механизмом межкультурной коммуникации и развития, препятствующим росту экстремистских настроений и ксенофобии. Преобладание позитивной идентичности у студентов Большого университета г. Томска, основанное на уважительном отношении к представителям разных этносов, представляет собой основу межкультурного взаимодействия не только в текущем времени, но будет оказывать влияние и на последующих этапах сотрудничества выпускников университетов в профессиональной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берберян А.С., Тучина О.Р., Аполлонов И.А. Этническая идентичность и индекс толерантности в различной социокультурной среде // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1. С. 127–133.

2. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

3. Гаглоева А.Б. Факторы формирования гражданской и этнической идентичности // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-3. С. 348–351.

4. Гизатуллина Д.Н., Фардеева И.М., Куприянов Л.П. Факторы формирования этнической идентичности посредством социальных сетей // Наукосфера. 2024. № 1-1. С. 138–142.

5. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 15.10.2024).

6. Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование. Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 4 (8). С. 145–185.

7. Раитина М.Ю., Зиновьева В.И., Покровская Е.М. Характеристика типов этнической идентичности в студенческом сообществе (по материалам опроса в томском университете систем управления и радиоэлектроники) // Русини. 2023. № 73. С. 283–297.

8. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.

9. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М.: ИНФРА-М, 2004. 288с.

10. Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78.

11. Семененко И.С. Хайнацкая Т.И. Дискурсы о благополучии и реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим // Общественные науки и современность. 2022. № 5. С. 76–99.

12. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.

13. Солдатова Н.И. Этническая идентичность как имплицитный аспект целостной идентичности человека // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2014. № 2 (5). С. 65–73.

14. Стернин И.А., Попова З.Д. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002. 313 с.

15. Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / под ред. Т.А. Нестика, А.Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2020. 594 с.

16. Busse V. Intercultural competence. Interpersonal communication across culture (7th edition). Language and Intercultural Communication. 2014. Vol. 14. P. 262–264. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14708477.2013.856575> (дата обращения: 23.10.2024).

17. Holmes P. Intercultural dialogue: challenges to theory, practice and research. Language and Intercultural Communication. 2014. Vol. 14. P. 1–6. URL: doi: 10.1080/14708477.2013.866120 (дата обращения: 23.10.2024).

18. Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity. London: Palgrave Macmillan, 2015. doi: 10.1057/9781137027474 (дата обращения: 23.10.2024).

REFERENCES

1. Berberyan, A.S., Tuchina, O.R. & Apollonov, I.A. (2019) *Etnicheskaya identichnost' i indeks tolerantnosti v razlichnoy sotsiokul'turnoy srede* [Ethnic identity and tolerance index in different sociocultural environments]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 1. pp. 127–133.

2. Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Translated from French. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletyya.

3. Gagloeva, A.B. (2020) *Faktory formirovaniya grazhdanskoj i etnicheskoj identichnosti* [Factors in the formation of civil and ethnic identity]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 66-3. pp. 348–351.

4. Gizatullina, D.N., Fardeeva, I.M. & Kupriyanov, L.P. (2024) *Faktory formirovaniya etnicheskoj identichnosti posredstvom sotsial'nykh setey* [Factors in the formation of ethnic identity through social networks]. *Naukosfera*. 1-1. pp. 138–142.

5. RSFSR. (1918) *Konstitutsiya (osnovnoy zakon) Rossiyskoy sotsialisticheskoy federativnoy sovetskoy respubliki. Prinyata VVserossiyskim s"ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 goda* [Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. Adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at its session on July 10, 1918]. [Online] Available from: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (Accessed: 15th October 2024).

6. Nestik, T.A. (2017) Global'naya identichnost' kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen: teoretiko-empiricheskoe issledovanie [Global identity as a socio-psychological phenomenon: a theoretical and empirical study]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2(4-8). pp. 145–185.

7. Raitina, M.Yu., Zinovieva, V.I. & Pokrovskaya, E.M. (2023) Types of ethnic identity in the student community (based on a survey at Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics). *Rusin*. 73. pp. 283–297 (in Russian) doi: 10.17223/18572685/73/18.

8. Ryzhova, S.V. (2011) *Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti* [Ethnic identity in the context of tolerance]. Moscow: Al'fa-M.

9. Sadokhin, A.P. (2004) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Intercultural Communication] Moscow: INFRA.

10. Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., Bardin, A.L. & Pantin, V.I. (2017) Mezhdugosudarstvom i natsiyey: dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve [Between the state and the nation: Dilemmas of identity politics in the post-Soviet space]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 5. pp. 54–78.

11. Semenenko, I.S. & Khaynatskaya, T.I. (2022) Diskursy o blagopoluchii i real'nosti «neustoychivogo razvitiya»: mezhduproshlym i budushchim [Discourses about well-being and the reality of “unsustainable development”: Between the past and the future]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 5. pp. 76–99.

12. Soldatova, G.U. (1998) *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of Interethnic Tension] Moscow: Smysl.

13. Soldatova, N.I. (2014) Etnicheskaya identichnost' kak implitsitnyy aspekt tselostnoy identichnosti cheloveka [Ethnic identity as an implicit aspect of a person's holistic identity]. *Vestnik molodykh uchenykh i spetsialistov Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(5). pp. 65–73.

14. Sternin, I.A. & Popova, Z.D. (2002) *Yazyk i natsional'noe soznanie: voprosy teorii i metodologii* [Language and national consciousness: Issues of theory and methodology]. Voronezh: Voronezh Universitet.

15. Nestik, T.A. & Zhuravlev, A.L. (eds) (2020) *Chelovek v usloviyakh global'nykh riskov: sotsial'no-psikhologicheskii analiz* [People under global risks: A socio-psychological analysis]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.

16. Busse, V. (2014) Intercultural competence. Interpersonal communication

across culture (7th edition). *Language and Intercultural Communication*. 14. pp. 262–264. doi: 10.1080/14708477.2013.856575

17. Holmes, P. (2014) Intercultural dialogue: challenges to theory, practice and research. *Language and Intercultural Communication*. 14. pp. 1–6.

18. Cante, T. (2015) *Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity*. London: Palgrave Macmillan.

Раитина Маргарита Юрьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Margarita Y. Raitina – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: raitina@mail.ru

Покровская Елена Михайловна – кандидат философских наук, зав. кафедрой иностранных языков, доцент кафедры философии и социологии, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Elena M. Pokrovskaya – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: pemod@yandex.ru

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и социальной работы, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Valentina I. Zinoviyeva – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Берснев Максим Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Maksim V. Bersenev – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: maksim.v.bersenev@tusur.ru

УДК 316.752

UDC

DOI: 10.17223/18572685/77/14

Ценностные ориентации: сравнительный анализ исследований студентов славянских стран*

И.А. Дунбинский¹, В.В. Кашпур², П.Д. Хрущева³

^{1,2,3} Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: dunbinskiy@mail.ru

² E-mail: vitkashpur@mail.ru

³ E-mail: polina.khrushcheva.02@mail.ru

Авторское резюме

В настоящее время большинство стран постсоветского пространства находятся в транзитном состоянии. Происходит правый консервативный поворот от общественно-политической модели либеральной демократии. Этот процесс порождает запрос на исследование ценностей, которые в русскоязычной среде являются одним из механизмов конструирования общества.

Целью статьи является изучение ценности знания в структуре ценностных ориентаций студентов славянских стран посредством сравнительного анализа научно-исследовательских работ, посвященных обозначенной тематике. Для содержательного анализа ценностей студентов славянских университетов было отобрано 88 публикаций, из которых 15 посвящены российским ценностям, 11 – белорусским, 14 – украинским, 18 – польским, 18 – болгарским, 7 – чешским и 5 – сербским. На основании собранного материала были проанализированы и сравнены ценности студенческой молодежи, обучающейся в славянских университетах, а также отдельно выявлено отношение к ценности знания среди самих студентов. Исходя из всего массива проанализированной литературы, можно сделать ряд выводов. Во-первых, ценностные ориентации студентов отдельных славянских народов нередко изучаются местными учёными, в то время как европейские исследователи часто объединяют всю эту территорию в единое постсоветское пространство. Во-вторых, как правило, изучая

* Работа подготовлена в рамках гранта РНФ «Модель анализа структурных и содержательных характеристик ценности знания на протяжении второй половины XIX – начала XXI вв. на примере студентов Томского университета: связь времен и поколений» (проект № 24-78-00206).

ценности славянской молодежи, местные учёные решают параллельно свои местные определенные социальные, внутриполитические, этнические проблемы. Например, интеграцию определённых социальных групп в общество, подкрепление выбранного национального пути развития и т. д. В-третьих, ценность образования и знания среди большинства исследований славянских часто опускается или занимает не приоритетные позиции. Подчеркнем, что здесь не стоит именно обобщать этот тезис. В настоящее время существует, скорее, некоторое противопоставление между русскими и белорусскими студентами, где ценность образования и знания значительно выше, и остальными славянскими народами, где она указывается, как правило, значительно ниже. В-четвертых, ценности студенческой молодежи многих народов – это вопрос идентичности будущих поколений. Если для части народов это вопрос перехода от советской к европейской идентичности, в то время как для русских, белорусов, украинцев – это вопрос ее поиска, в том числе вне европейской идентичности, поэтому единой концепции восприятия ценностей в исследованиях этих стран нет.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, ценность знания, студенты, славянский мир

Value orientations: a comparative analysis of studies of students from Slavic countries*

Ilya A. Dunbinsky¹, Vitaliy V. Kashpur²,
Polina D. Khrushcheva³

^{1,2,3} National Research Tomsk State University

Russia, 634050, Tomsk, Lenin Ave., 36

¹ E-mail: dunbinskiy@mail.ru

² E-mail: vitkashpur@mail.ru

³ E-mail: polina.khrushcheva.02@mail.ru

Abstract

Currently, most countries of the post-Soviet space are in a state of transition. A right-wing conservative turn from the socio-political model of liberal democracy is taking place. This process generates a demand for research into values, which in the Russian-

---

* The research is supported by the Russian Scientific Foundation, Project No. 24-78-00206 “Model for analyzing structural and substantive characteristics of the value of knowledge during the second half of the 19th – early 21st centuries (a case study of Tomsk University students): Connecting times and generations.”

speaking environment are one of the mechanisms for constructing society. The aim of this work is to study the value of knowledge in the structure of value orientations of students in Slavic countries through a comparative analysis of research papers devoted to the designated topic. For a substantive analysis of the values of students in Slavic universities, 88 publications were selected, of which 15 focused on Russian values, 11 – on Belarusian, 14 – on Ukrainian, 18 – on Polish, 18 – on Bulgarian, 7 – on Czech, and 5 – on Serbian. The selected articles are primarily written in English to overcome the differences in the language dialects of the Slavs. Based on the collected material, the values of students studying in Slavic universities were analyzed and compared, and the attitude to the value of knowledge among the students was separately identified. Based on the entire array of the analyzed literature, a number of conclusions can be made. Firstly, the value orientations of students of individual Slavic nations are often studied by local scientists, while European researchers this is a single post-Soviet space. Secondly, as a rule, studying the values of Slavic youth, local scholars simultaneously solve their own local social, domestic political, and ethnic problems, like the integration of certain social groups into society, reinforcement of the chosen national path of development, etc. Thirdly, the value of education and knowledge is often omitted or does not occupy priority positions among most Slavic studies. The authors emphasize that this thesis should not be generalized here. At present, there is a certain opposition between Russian and Belarusian students, who value knowledge significantly higher, and other Slavic nations, where it is, as a rule, significantly lower. Fourthly, the values of student youth of many nations are a question of identity of future generations; however, if for some nations this is a question of transition from Soviet to European identity, then for Russians, Belarusians, Ukrainians it is a question of searching for it, including outside of European identity. Therefore, there is no single concept of perception of values in the studies of these countries.

Keywords: values, value orientations, value of knowledge, students, Slavic world

Введение

Распад советской империи привел к тому, что его бывшие граждане столкнулись с колоссальным кризисом самоидентичности. Старые концепты, такие как «советский гражданин», «советские люди», «человек – творец будущего», прекратили свое существование, а новые, отражающие современную действительность, находятся в процессе своего конструирования, поскольку пространство идентичности не может оставаться незаполненным. Начиная с конца 1980-х гг., в образовавшиеся лакуны входили западные, преимущественно американские, ценности. Происходила своего рода «макдоналдизация» русского мира [2: 268–269].

На протяжении 1990–2010 гг. молодые славянские государства, образовавшиеся после падения СССР, проходили процесс построения собственной идентичности, в рамках которого можно зафиксировать крайне неоднородное отношение как к ценностям советского наследия, так и к ценностям западного мира.

Справедливо будет отметить, что в данном контексте именно молодежь является той социальной группой населения, которая наиболее остро и объемно отражает ценности, формирующиеся в обществе. Являясь базовыми составляющими структуры личности, ценностные ориентации оказывают непосредственное влияние на структуру ее деятельности, межличностные и межнациональные отношения. В этой связи возрастает актуальность исследований, посвященных изменениям ценностных ориентаций у молодежи, выявлению смысловых оснований ценностей. Отметим, что одной из базовых ценностей славянской цивилизации является ценность знания, которая обеспечивает не только стабильность в развитии общества, но и конкурентоспособность цивилизации на внешнем контуре.

Обращаясь к историографии заявленной темы, следует указать, что основные исследования в данной области можно разделить на следующие тематические группы: 1) работы, направленные на определение смысловых оснований, которые имеет молодежь в отношении ценности знания; 2) работы, рассматривающие и фиксирующие ценность знания в контексте определенных социальных групп; 3) работы, занимающиеся изучением ценности знания как одного из значимых элементов в системе ценностей студенческой молодежи.

На текущий момент времени нами не было найдено ни одной работы, посвящённой сравнительному анализу исследований, изучающих ценности молодежи, обучающейся в славянских университетах. Однако, в настоящее время существует ряд работ, сравнивающих ценности разных славянских студентов в рамках одного университета, например, польские и украинские студенты.

Отметим, что ценность знания, как и любую другую ценность, можно осмыслить лишь при анализе значительного количества эмпирического материала. В современных условиях подобный анализ зачастую требует привлечение автоматизированных методов анализа данных с использованием Больших данных (Big Data). Кроме того, осмысление ценностей молодежи в общем и ценности знания в частности возможно только при сравнении собранного эмпирического материала между собой.

Исходя из этого, целью данной статьи является изучение ценности знания в структуре ценностных ориентаций студентов славянских

стран посредством сравнительного анализа научно-исследовательских работ, посвященных обозначенной тематике.

Описание проведенного исследования

Для проведения исследования были отобраны научно-исследовательские публикации, посвященные изучению ценностей студенческой молодежи среди постсоветского славянских высших учебных заведений. В качестве внешней рамки исследования были использованы статьи, посвященные студенческим ценностям наиболее многочисленных славянских народов общей численностью от 9 млн человек. Среди них были русские, поляки, украинцы, сербы, чехи, белорусы, болгары.

В качестве основного метода и источника данных выступил анализ публикаций, выгруженных из открытой наукометрической базы OpenAlex. На первом этапе была произведена автоматическая выгрузка научных публикаций по следующим ключевым словам: «values» и «ценности» (найденно более 160 000 публикаций). На втором этапе полученный объем публикаций был проанализирован с точки зрения предметного поля источника данных и на предмет применения в исследованиях методов CSS (Cascading Style Sheets). Для анализа были использованы следующие ключевые слова:

- values orientations of students / ценностные ориентации студентов;
- values orientations of higher education / ценностные ориентации высшего образования;
- values orientations of Russian / ценностные ориентации россиян;
- values orientations of Polish / ценностные ориентации поляков;
- values orientations of Ukrainians / ценностные ориентации украинцев;
- values orientations of Bulgarians / ценностные ориентации болгар;
- values orientations of Czechs / ценностные ориентации чехов;
- values orientations of Belarusians / ценностные ориентации белорусов;
- values orientations of Rusyns / ценностные ориентации русинов;
- values orientations of Serbs / ценностные ориентации сербов.

По результатам первичной обработки было выявлено 360 публикаций, отвечающих указанным выше ключевым словам. В дополнении к этому осуществлялся поиск публикаций через электронные научные библиотеки Google Scholar, Elibrary.ru, «КиберЛенинка», Academia.edu, в рамках которого было найдено 63 статьи, отвечающих задачам исследования.

После содержательного анализа публикаций авторами было отобрано 88 публикаций, из которых 15 обращены к российским ценностям, 11 – белорусским, 14 – украинским, 18 – польским, 18 – болгарским, 7 – чешским и 5 – сербским. Отметим, что поиск статей осуществлялся как на английском языке, так и на русском, поскольку в настоящее время оба языка являются языком международного общения [3]. Весь собранный материал был не только выгружен, но и проанализирован с привлечением автоматизированных методов анализа Больших данных (Big Data), таких как классификация, кластеризация и т. д.

На основании собранного материала были проанализированы и сравнены ценности студенческой молодежи, проходящей обучение в славянских университетах, а также отдельно выявлено отношение к ценности знания среди самих студентов.

Общие элементы в исследованиях систем ценностей славянских студентов

В ходе исследования на основании изучения научно-исследовательской литературы были выделены как общие, так и особенные элементы в системе ценностей студентов славянских университетов. Рассмотрим каждый из этих элементов по порядку.

Так, методология проведенных исследований условно разделяется на два разных типа: в статьях, посвященных ценностям поляков, чехов, болгар, часто используется методология ценностей, основанная на ценностных опросниках Ш. Шварца, М. Рокича. Во многом в подобных работах изучение ценностей идет в некотором общем векторе изучения общеевропейских ценностей [13; 16]. В то время как для статей, посвященных изучению ценностей россиян, белорусов, украинцев, характерна скорее некоторая ссылка на методологию вышеупомянутых авторов, однако нередко исследователи используют собственные ценностные опросники [17; 19; 29]. Так, например, Н.И. Лапиным для рассмотрения ценностей россиян была разработана собственная методология измерения ценностных ориентаций респондентов [5: 323, 325].

Подобная ситуация отчасти объясняется тем, что если славянские народы первой группы скорее мыслят себя в единой общеевропейской семье, то для русских, украинцев и белорусов характерен поиск собственной идентичности, который основан на идее того, что предлагаемые европейские ценности по разным причинам не подходят этим народам. При этом собственной общепризнанной методологии на текущий момент у этих исследователей пока не найдено, поэтому

многие из представленных статей, посвященных ценностям, являются своеобразным полем для исследований.

Любопытным является и то, что европейские исследователи ценностей в своих работах не делают различий между славянскими народами, нередко описывая эту территорию как единое постсоветское пространство, в то время как исследователи ценностей, находящиеся внутри славянской цивилизации, четко отделяют ценности по национально-этническому происхождению.

Отметим также то, что большинство статей, посвящённых исследованию ценностей студентов Сербии, Болгарии, Чехии, Польши, основаны именно на ценностных опросниках Европейского Союза в рамках проводимых ими волн изучения ценностей населения [15]. При этом в рамках найденных исследований учёные часто сравнивают выделенные ценности студентов с ценностями студентов других государств, например, болгары сравнивают себя с финнами, аргентинцами и португальцами [25; 27], а поляки – с венграми [11], однако нами не было найдено ни одной статьи, где эти народы сравнивали себя с ценностями россиян (за исключением Сербии) [12]. Отчасти подобная ситуация объясняется достаточно агрессивной риторикой в адрес Советского Союза в целом. Так, например, среди статей болгарских исследователей есть достаточно большое количество публикаций, которые посвящены тому, насколько сильно влияет политическая система страны на ценностные ориентации молодежи [8; 26].

Ключевые различия в исследованиях систем ценностей славянских студентов

В ходе работы все выделенные статьи были не только проанализированы, но и отдельно выделены те публикации, в которых исследователи приводили статистику ценностных опросов, для того чтобы конкретизировать основные ценности, характерные для студентов славянских университетов. В том случае, если в рамках одного народа было выявлено несколько статей подобного толка, в таблице ниже приводились те результаты, в которых принимали участие наибольшее количество респондентов [1: 55–57; 13: 6–7; 20: 77; 23: 75–79; 28: 231] (табл. 1).

Таблица 1

**Основные ценности, характерные для студентов
национальных славянских университетов**

Поляки	Чехи	Сербы	Болгары
Здоровье	Доброжелательность	Самоуправление	Здоровье
Семья	Универсализм	Доброжелательность	Друзья и коллеги
Взаимная любовь	Гедонизм	Достижение	Свобода
Уважение со стороны других людей	Самостоятельность	Власть	Семья
Свобода выражения своих взглядов	Безопасность	Традиция	Воспитание
Друзья и коллеги			Честность
Русские	Украинцы		
Коллективизм	Национальная принадлежность		
Приоритет духовного над материальным	Иерархия		
Самопожертвование	Гармония		
Соборность	Равноправие		
Щедрость	Мастерство/ «доминирование»		
	Национальная автономия		

Теперь перейдем к рассмотрению особенностей системы ценностей студентов национальных славянских университетов. Так, польские студенты в своих ценностях весьма консервативны, традиционны, но при этом также негативно относятся к советскому наследию и ставят вопрос о его преодолении в рамках своей молодежи [28: 235, 236]. При этом в самих исследованиях можно зафиксировать отчасти двойственное отношение к выделяемым ценностям. Несмотря на отрицание советского наследия и идентификацию с европейскими ценностями, поляки во многом имеют консервативное отношение к семейным ценностям, также достаточно большое количество статей посвящено именно религиозным ценностям польских студентов [24].

Ценности сербских студентов во многом отражают те условия, в которых существует в настоящее время народ. Так, исследователи в статьях декларируют идею о том, что Сербия находится в состоянии между Западом и Востоком, что отражается и на «разделенных» ценностях самих студентов. При этом большая часть студентов скорее разделяет именно западные ценности, в то время как более возрастное поколение сербов – скорее ценности русского мира [23:

93]. Кроме того, крайне специфичной ценностью среди сербских студентов является высокий запрос на «самоуправление», который может быть интерпретирован как некоторое отражение текущей геополитической ситуации в регионе.

Исследователи ценностей болгарских студентов во многом стремятся не только выявить западные ценности среди местных студентов, но и справедливо указывают на то, что именно молодежь в большей степени разделяет эти ценности, в то время как основная часть населения более консервативна [21: 561; 26: 220, 223]. Изучение ценностей молодежи в стране носит системный характер, так как часть исследователей через данные работы стремится показать, как Болгария со временем европеизируется, борясь с советским наследием [14: 36–39; 22: 257]. Кроме того, посредством изучения ценностей молодежи нередко выделяют и изучают особенности ценностных ориентаций определённых этнических (венгры) и конфессиональных (мусульмане, православные) групп [9; 10: 154–155].

Более любопытно строятся исследования ценностей на территории стран восточных славян. Россия, Белоруссия и Украина в настоящее время находятся в состоянии поиска своей идентичности. Важно подчеркнуть, что в России и Белоруссии во многом идет поиск собственной идентичности, которая отличала бы эти народы от западной, китайской, восточной и иных цивилизаций [17; 29]. В то время как на Украине во многом подобного рода статьи строятся на идеи о том, что «Украина не Россия». Украинские авторы стремятся обосновать собственный отдельный путь [6: 334, 537].

Общим для всех этих народов будет и то, что, стремясь найти собственную идентичность, все они, хоть и ссылаются на европейскую методологию ценностей, во многом ищут что-то свое. Большинство представленных опросников категорий ценностей являются уникальными, характерными для какой-то конкретной статьи или автора, что затрудняет сравнение с ценностями других славянских народов.

Рассматривая исследования, посвященные ценностям украинских студентов, следует обратить внимание, что во многом изучение ценностей молодежи на Украине возникло с началом СВО. Большинство найденных статей изучает именно изменение ценностных ориентаций студентов под влиянием «боевых действий на востоке страны» [18: 408, 409]. Кроме того, часть статей посвящена сравнению ценностных ориентаций украинских студентов с кем угодно, кроме восточных славян, в первую очередь с поляками и австрийцами. Во многом потому, что большую часть своей истории территория нынешней Украины находилась в составе Российской империи, Речи Посполитой и Австро-Венгерской империи [31].

В завершении раздела обратимся к исследованиям ценностей студентов Белоруссии. Во многом они расколоты на три части. С одной стороны, есть прозападные статьи, где подчеркивается западная ориентация белорусов и их антагонизм к текущему политическому руководству [30: 125–127]. С другой стороны, есть патриотические статьи, которые указывают на единство славянского мира и подчеркивают тесные связи между Россией и Белоруссией [7: 57]. С третьей стороны, ряд авторов статей пытается занять какую-то нейтральную позицию, рассматривая имеющийся дискурс.

Любопытно, что несмотря на столь пеструю палитру исследований, ни в одном из выявленных исследований не представлена градация ценностей белорусских студентов. Во многом изучаются лишь отдельные аспекты ценностей или предлагаются несколько пространственные рассуждения о ценностях именно белорусских студентов.

Ценность знания в исследованиях систем ценностей славянских студентов

Рассматривая ценность знания в исследованиях, посвященных системе ценностей славянских студентов, следует подчеркнуть, что как сами знания, так и производные знания – образование и наука – находятся у молодежи далеко не на первом месте (табл. 2). Так, например, в одной из исследовательских статей, изучающих студенчество Болгарии, образование было размещено на восьмой позиции с указанием на то, что об этой ценности говорило лишь 45 % респондентов из 412 человек. «Здоровье – 86,04 %; Друзья и приятели – 81,72 %; Свобода – 62,18 %; Семья и семейные ценности – 55,84 %; Воспитание – 55,08 %; Честность – 51,01 %; Активный образ жизни – 45,68 %; Образование – 45,68 %» [22: 252].

Таблица 2

Отношение к обучению среди польских и российских студентов

Выбор обучающихся в Польше	Кол-во респондентов 1 420 чел., %	Выбор обучающихся в России	Кол-во респондентов 429 чел., %
Мнение и ожидания семьи	86	Хорошо зарабатывать в будущем	20
Студенческий образ жизни	87	Расширить кругозор	18
Финансовая поддержка семьи	84	Саморазвитие	17
Больше шансов найти работу	72	Получить целостное образование	13
Профессиональный рост	51	Интерес к учёбе	12

Окончание табл. 2

Выбор обучающихся в Польше	Кол-во респондентов 1 420 чел., %	Выбор обучающихся в России	Кол-во респондентов 429 чел., %
		Долг перед родителями	6

Рассмотрим теперь отношение к ценности знания через мотивы к получению образования на примере польских и российских студентов. В области академических интересов у всех студентов много общего. Так, потребность в карьерном росте через получение образования среди польских студентов называл 51 % респондентов, а среди российских студентов у 20 % опрошенных эта идея была ключевым мотивом к поступлению. Однако, исходя из приведенных данных, можно увидеть, что многие студенты из Польши поступили в университет во многом под внешним давлением, с желанием вести студенческий образ жизни, в то время как многие из отечественных студентов поступили в университет ради интереса к знаниям и образованию. Данное соотношение повторяется и в ряде других статей, исследующих мотивацию студентов, отчасти указывая на некоторое своеобразие в ценностях между студентами, ориентирующихся на западный и на русский миры [4: 284–285].

Выводы

Исходя из проведенного исследования, можно прийти к ряду выводов. Во-первых, ценностные ориентации студентов отдельных славянских народов нередко изучаются местными учёными, в то время как европейские исследователи часто объединяют всю эту территорию в единое постсоветское пространство.

Во-вторых, изучая ценности славянской молодежи, учёные, как правило, решают параллельно свои местные определенные социальные, внутрисполитические, этнические проблемы. Например, интеграцию определённых социальных групп в общество, подкрепление выбранного национального пути развития и т. д.

В-третьих, ценность образования и знания среди большинства славянских исследований часто опускается или занимает не приоритетные позиции. Подчеркнем, что здесь не стоит именно обобщать этот тезис. В настоящее время существует скорее некоторое противопоставление между русскими и белорусскими студентами, где ценность образования и знания значительно выше, и остальными славянскими народами, где она указывается, как правило, значительно ниже.

В-четвертых, ценности студенческой молодежи многих народов –

это вопрос идентичности будущих поколений. Если для части народов это вопрос перехода от советской к европейской идентичности, в то время как для русских, белорусов, украинцев – это вопрос ее поиска, в том числе вне европейской идентичности, поэтому единой концепции восприятия ценностей в исследованиях этих стран нет.

Таким образом, в настоящее время мы можем зафиксировать своеобразное разделение славян на две части. С одной стороны, часть славян, которая ориентируется на Россию и русский мир, а с другой стороны, часть славянских народов, которая ориентируется на западную цивилизацию. Тем не менее все эти народы до сих пор во многом имеют общие черты, поскольку принадлежат к единому славянскому миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булах І. Співак М. Взаємозв'язок між культурними ціннісними орієнтаціями і національною афіліацією в українській студентській молоді // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія 12. Психологічні науки. 2020. Вип. 10 (55). С. 52–67. doi: 10.31392/NPU-nc.series12.2020.10(55).01.

2. Дунбинский И.А., Каптур В.В., Ливенцова Е.Ю. Понятие «ценности» в славянском и западном мире: особенности содержания и динамики // Русин. 2023. № 73. С. 266–282. doi: 10.17223/18572685/73/17

3. Ермаков В.Н. Язык и его роль в развитии научного знания // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 134–139.

4. Захарова Е.М. Интерес студентов к учёбе и мотивы получения высшего образования // Электронный научный журнал. 2016. № 6 (9). С. 283–286.

5. Н.И. О методах внутристрановых и межстрановых сопоставлений структуры ценностей населения // Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн. Кн. 2. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 322–333.

6. Akaliyski P. Reesjkens T. Ukrainian values: between the Slavic-Orthodox legacy and Europe's allure // European Societies. 2023. Vol. 26 (2). P. 522–551. doi: 10.1080/14616696.2023.2206901

7. Averkov A.N. Relevance of Patriotic Education of Students and Traditional Values of The Belarusian People // Bulletin of Polesky state university. Series in social sciences and humanities. 2024. Vol. 1. P. 52–57.

8. Bardi A., Schwartz Sh. Relations among Sociopolitical Values in Eastern Europe: Effects of the Communist Experience? // Political Psychology. 1996. Vol. 17, Is. 3. P. 525–549. Doi: 10.2307/3791967

9. Bosakov V. Fundamental Values for Identity Construction among the Bulgarian Muslims // Science. Business. Society. 2016. Vol. 1, Is. 1. P. 45–48.

10. Bosakov V. The Religious Determination of Value Orientations among Muslims in Bulgaria // Sociological problem. 2010. Is. 42. P. 141–156.

11. *Cekiera R.* The World of Values of Polish and Hungarian Students – A Comparative Study // *Zeszyty Naukowe KUL.* 2024. Vol. 67, Is. 2. P. 5–24. doi: 10.31743/znkul.17168

12. *Dinic J.* Value Orientations of Highly Educated Migrants from Serbia, *Studia Migracyjne // Przegląd Polonijny.* 2018. Vol. 3 (169). P. 165–183. doi: 10.4467/25444972SMPP.18.041.9440

13. *Dokoupilová L., Cogieľ A., Fero M.* Values as motivating factors for representatives of generation Z in the Czech Republic and Slovakia within the European context // *Front Psychol.* 2024. Vol. 15. P. 1–17. doi: 10.3389/fpsyg.2024.1404354

14. *Elchinova M.* Bulgaria's Way to Europe: Some Aspects of Identity Construction among Bulgarian Students Today // *Ethnologia Balkanica.* 2004. Is. 8. P. 35–39.

15. European Values Study (EVS). Tilburg, 2024. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu/>

16. *Jowell R., Fitzgerald R., Roberts C.* Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey. Caroline; London: Sage, 2006. 288 p. doi: 10.4135/9781849209458.

17. *Khukhlaev O.Y., Shorokhova V.A., Grishina E.A., Pavlova O.S.* Values and Religious Identity of Russian Students from Different Religions // *Changing Values and Identities in the Post-Communist World.* Berlin: Springer, 2018. P. 175–189. doi: 10.1007/978-3-319-72616-8

18. *Klymenko O., Chepak V., Chepurko G.* Value Orientations of Youth Students: Transformation of National Identity and Consciousness in the Conditions of War // *Filosofija Sociologija. Philosophy. Sociology.* 2023. Vol. 34, Is. 4. P. 397–409. doi: 10.6001/fil-soc.2023.34.4.6

19. *Litvinova T., Vershinina O., Moskvitin G.* Social and Political Attitudes of Moscow Students on the Background of the All-Russia and Regional Youth Studies // *Social Science.* 2020. Vol. 9 (153). P. 1–18. doi: 10.3390/socsci9090153.

20. *Lutsenko E., Bazhenova N., Bogachenko N.* Proceedings of the International Conference on the Theory and Practice of Personality Formation in Modern Society (ICTPPFMS 2018) // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research.* 2018. Vol. 198. P. 76–81. doi: 10.2991/ictppfms-18.2018.14

21. *Macek P., Flanagan C., Gallay L., Botcheva L., Csapo B.* Postcommunist Societies in Times of Transition: Perceptions of Change Among Adolescents in Central and Eastern Europe // *Social Issues.* 2010. Vol. 54, Is. 3. P. 547–561. doi: 10.1111/j.1540-4560.1998.tb01235.x

22. *Matthews B., Lietz P., Darmawan I.G.N.* Values and learning approaches of students at an international university // *Social Psychology of Education.* 2007. Vol. 10. P. 247–275. doi: 10.1007/s11218-007-9019-x

23. *Miloš D., Novak K.* The Role of Value Orientations and Political Preference on Political and Judicial Human Rights Among the Croatian Youth // *Political*

and Judicial Rights through the Prism of Religious Belief. Cham: Springer, 2018. P. 71–94. doi: 10.1007/978-3-319-77353-7_4

24. Nowak S. Value Systems of the Polish Society // The Polish Sociological Bulletin. 1980. Vol. 50. P. 5–20.

25. Paunov M. The values of Bulgarias and Portuguese (comparative analysis in a pan-European context) // Science, technology and innovations. Lisbon: Pegasus Publishing, 2019. P. 101–125. doi: 10.5593/SGEMSOCIAL2017/32/S11.060

26. Schwartz Sh., Bardi A., Bianci G. Value Adaptation to the Imposition and Collapse of Communist Regimes in East-Central Europe // Political Psychology. Cultural and Crosscultural Foundations. NY: NYU Press, 2000. P. 217–237.

27. Sortheix F.M., Lönnqvist J.-E. Person-Group Value Congruence and Subjective Well-Being in Students from Argentina, Bulgaria and Finland: The Role of Interpersonal Relationships // Journal of community & applied social psychology. 2015. Vol. 25, Is. 1. P. 34–48. doi: 10.1002/casp.2193

28. Tychmanowicz A. Personality Traits and Personal Values in Polish Students // Людинознавчі студії. Серія «Педагогіка». 2017. Вип. 5 (37). С. 230–239. doi: 10.24919/2313-2094.5/37.102645

29. Vindeker O., Berdnikova D., Klimenskikh M. The relationship between values and achievement motivation of Russian students // 9th annual International Conference of Education, Research and Innovation. Seville: IATED, 2016. P. 1307–1311. doi: 10.21125/iceri.2016.1292.

30. Zaprudnik J. Development of Belarusian National Identity and Its Influence on Belarus's Foreign Policy Orientation // The International Politics of Eurasia: v. 2: The Influence of National Identity. Routledge: 1st Edition, 1994. P. 122–143. doi: 10.4324/9781315483856

31. Zehetner A., Lepeyko T., Blyznyuk T. Value orientations of students in Austria and Ukraine: Implications for Leadership // Cross-Cultural Business Conference, 12th-13th May 2022. Austria, Steyr Campus, 2022. P. 143–149.

REFERENCE

1. Bulakh, I. & Spivak, M. (2020) Vzaemozv'yazok mizh kul'turnimi tsinnisnimi orientatsiyami i natsional'noyu afiliatsieyu v ukraïns'koï students'koï molodi [The relationship between cultural value orientations and national affiliation in Ukrainian student youth]. *Naukoviy chasopis NPU imeni M. P. Dragomanova. Seriya 12. Psikhologichni nauki*. 10. pp. 52–67. doi: 10.31392/NPU-nc.series12.2020.10(55).01.

2. Dunbinskiy, I.A., Kashpur, V.V. & Liventsova, E.Yu. (2023) The concept of value in the Slavic and Western world: The specificity of content and dynamics. *Rusin*. 73. pp. 266–282 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/73/17.

3. Ermakov, V.N. (2016) Yazyk i ego rol' v razvitii nauchnogo znaniya [Language

and its role in the development of scientific knowledge]. *Sotsium i vlast'*. 3. pp. 134–139.

4. Zakharova, E.M. (2016) Interes studentov k uchebe i motivy polucheniya vysshego obrazovaniya [Students' interest in studying and motives for getting higher education]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 6. pp. 283–286.

5. Lapin, N.I. (2009) O metodakh vnutristranovykh i mezhrastroykoykh sopostavleniy struktury tsennostey naseleniya [On methods of intra- and inter-country comparisons of the structure of population values]. In: *Modernizatsiya ekonomiki i globalizatsiya* [Modernization of the economy and globalization]. Vol. 2. Moscow: HSE.

6. Akaliyski, P. & Reesjkens, T. (2023) Ukrainian values: between the Slavic-Orthodox legacy and Europe's allure. *European Societies*. 26. pp. 522–551. doi: 10.1080/14616696.2023.2206901

7. Averkov, A.N. (2024) Relevance of Patriotic Education of Students and Traditional Values of The Belarusian People. *Bulletin of Polesky State University. Series in Social Sciences and Humanities*. 1. pp. 52–57.

8. Bardi, A. & Schwartz, Sh. (1996) Relations among Sociopolitical Values in Eastern Europe: Effects of the Communist Experience? *Political Psychology*. 17(3). pp. 525–549. doi: 10.2307/3791967.

9. Bosakov, V. (2016) Fundamental Values for Identity Construction among the Bulgarian Muslims. *Science. Business. Society*. 1(1). pp. 45–48.

10. Bosakov, V. (2010) The Religious Determination of Value Orientations among Muslims in Bulgaria. *Sociological Problem*. 42. pp. 141–156.

11. Cekiera, R. (2024) The World of Values of Polish and Hungarian Students – A Comparative Study. *Zeszyty Naukowe KUL*. 67(2). pp. 5–24. doi: 10.31743/znkul.17168

12. Dinic, J. (2018) Value Orientations of Highly Educated Migrants from Serbia, *Studia Migracyjne. Przegląd Polonijny*. 3. pp. 165–183. doi: 10.4467/25444972SMPP.18.041.9440

13. Dokoupilová, L, Cogieľ, A. & Fero, M. (2014) Values as motivating factors for representatives of generation Z in the Czech Republic and Slovakia within the European context. *Front Psychol*. 15. pp. 1–17. doi: 10.3389/fpsyg.2024.1404354

14. Elchinova, M. (2004) Bulgaria's Way to Europe: Some Aspects of Identity Construction among Bulgarian Students Today. *Ethnologia Balkanica*. 8. pp. 35–39.

15. *European Values Study (EVS)*. [Online] Available from: <https://european-valuesstudy.eu/>

16. Jowell, R., Fitzgerald, R. & Roberts, C. (2006) *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey*. Caroline–London: Sage. doi: 10.4135/9781849209458

17. Khukhlaev, O.Y., Shorokhova, V.A., Grishina, E.A. & Pavlova, O.S. (2018) Values and Religious Identity of Russian Students from Different Religions. In:

- Lebedeva, N., Dimitrova, R. & Berry, J. (eds) *Changing Values and Identities in the Post-Communist World*. Berlin: Springer. doi: 10.1007/978-3-319-72616-8.
18. Klymenko, O., Chepak, V. & Chepurko, G. (2023) Value Orientations of Youth Students: Transformation of National Identity and Consciousness in the Conditions of War. *Filosofija Sociologija. Philosophy. Sociology*. 34(4), pp. 397–409. doi: 10.6001/fl-soc.2023.34.4.6
19. Litvinova, T., Vershinina, O. & Moskvitin, G. (2020) Social and Political Attitudes of Moscow Students on the Background of the All-Russia and Regional Youth Studies. *Social Science*. 9. pp. 1–18. doi: 10.3390/socsci9090153.
20. Lutsenko, E., Bazhenova, N. & Bogachenko, N. (2018) Proceedings of the International Conference on the Theory and Practice of Personality Formation in Modern Society (ICTPPFMS 2018). *Advances in Social Science. Education and Humanities Research*. 198. pp. 76–81. doi: 10.2991/ictppfms-18.2018.14
21. Macek, P., Flanagan, C., Gallay, L., Botcheva, L. & Csapo, B. (2010) Post-communist Societies in Times of Transition: Perceptions of Change Among Adolescents in Central and Eastern Europe. *Social Issues*. 54(3). pp. 547–561. doi: 10.1111/j.1540-4560.1998.tb01235.x
22. Matthews, B., Lietz, P. & Darmawan, I.G.N. (2007) Values and learning approaches of students at an international university. *Social Psychology of Education*. 10. pp. 247–275. doi: 10.1007/s11218-007-9019-x
23. Miloš, D. & Novak, K. (2018) The Role of Value Orientations and Political Preference on Political and Judicial Human Rights Among the Croatian Youth. In: Sterkens, C. & Ziebertz, H.G. (eds) *Political and Judicial Rights through the Prism of Religious Belief*. Cham: Springer. doi: 10.1007/978-3-319-77353-7_4
24. Nowak, S. (1980) Value Systems of the Polish Society. *The Polish Sociological Bulletin*. 50. pp. 5–20.
25. Paunov, M. (2019) The values of Bulgarias and Portuguese (comparative analysis in a pan-European context). In: *Science, Technology and Innovations*. Lisbon: Pegasus Publishing. doi: 10.5593/SGEMSOCIAL2017/32/S11.060
26. Schwartz, Sh., Bardi, A. & Bianci, G. (2000) Value Adaptation to the Imposition and Collapse of Communist Regimes in East-Central Europe. In: Renshon, S. & Duckitt, J. (eds) *Political Psychology. Cultural and Crosscultural Foundations*. New York: NYU Press.
27. Sortheix, F.M. & Lönnqvist, J.-E. (2015) Person-Group Value Congruence and Subjective Well-Being in Students from Argentina, Bulgaria and Finland: The Role of Interpersonal Relationships. *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 25. 1. pp. 34–48. doi: 10.1002/casp.2193
28. Tychmanowicz, A. (2017) Personality Traits and Personal Values in Polish Students. *Ljudynoznavchi studii. Serija "Pedagogika"*. 5. pp. 230–239. doi: 10.24919/2313-2094.5/37.102645.
29. Vindeker, O., Berdnikova D. & Klimenskikh, M. (2016) The relationship between values and achievement motivation of Russian students. *9th Annual*

International Conference of Education, Research and Innovation. Seville: IATED. doi: 10.21125/iceri.2016.1292.

30. Zaprudnik, J. (1994) Development of Belarusian National Identity and Its Influence on Belarus's Foreign Policy Orientation. In: *The International Politics of Eurasia*. Vol. 2. 1st ed. Routledge. doi: 10.4324/9781315483856

31. Zehetner, A., Lepeyko, T. & Blyznyuk, T. (2022) Value orientations of students in Austria and Ukraine: Implications for Leadership. *Cross-Cultural Business Conference*. May 12 – 13, 2022. Austria, Steyr Campus.

Дунбинский Илья Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Россия).

Ilya A. Dunbinskiy – Tomsk State University (Russia).

E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Кашпур Виталий Викторович – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Томского государственного университета (Россия).

Vitaliy V. Kashpur – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vitkashpur@mail.ru

Хрущева Полина Дмитриевна – магистрант 1-го года обучения Томского государственного университета (Россия).

Polina D. Khrushcheva – Tomsk State University (Russia).

E-mail: polina.khrushcheva.02@mail.ru

Памяти Наталии Гаттас

13 сентября на 83-м году жизни ушла в вечность Наталия Гаттас, талантливая и уникальная женщина, посвятившая свою творческую жизнь обновлению забытой памяти исторической Прикарпатской Руси. По происхождению из малороссов и карпатороссов, Наталия родилась в России и, окончив факультет журналистики МГУ, в своё время уехала в Америку, где познакомилась с деятельностью русинов Прикарпатья. Она целиком посвятила себя сохранению, изучению и переизданию их трудов. Её единомышленникам известно, с каким энту-

зиазмом она собирала сведения о поэтах, писателях, будителях и просветителях Прикарпатской Руси, публиковала их биографии и произведения, возвращая имена из забвения.

Наталия собрала большой архив уникальных исторических материалов, которые использовала в своей любимой рубрике «Карпатская Русь». С особенной силой манила её к себе эпоха, когда начали закладываться первые элементы просвещения среди русинов, вели деятельность представители русинского Возрождения XIX – начала XX в. Помимо ведения любой рубрики в газете «Русское дело», Наташа переиздала многие монографии и публикации, включая монументальные: «Карпато-русские писатели» Ф.Ф.Аристова и «Талергофский альманах». В последние месяцы пред кончиной Наташа готовила к печати труды одного из её любимых авторов – Маркиана Шашкевича – в серии «Карпатская Русь», которая начала выходить в Москве.

Светлая память о Наталии Гаттас навсегда сохранится в сердцах тех, кто высоко ценит её заслуги перед Русским миром.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русины

Основан в 2003 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2024. № 77

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)
Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)
– 234 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул Миорица 1С, кв. 83.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 30.10.2024.

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 31/0325.

Отпечатано в типографии «Taicom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписки по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

